

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 6

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 6

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

Том 24. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025

Volume 24. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025. Vol. 24. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kellelat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Kai Yan* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova*,
M.V. Gayval, *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova*, *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *A.A. Khabarova*

Passed for printing on Nov. 5, 2025.

Date of publication: Mar. 3, 2026. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 12.1. Published pages 13.0.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 150. «C» 49.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025. Т. 24. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Кай Янь* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *А.А. Хабаровой*

Подписано в печать 05.11.2025 г.

Дата выхода в свет: 03.03.2026 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,1.
Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 150. «С» 49.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Садова Т.С.* Формулы наказания в указах Петра I (1714–1719 гг.) 5
- Шептухина Е.М.* Дипломатические письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) 17
- Янь К.* Абстрактное имя «чувство» в русском языковом сознании на фоне современных русских медиатекстов 29

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Боднарук Е.В.* Репрезентация вежливости в современном англоязычном художественном дискурсе 46
- Туляков Д.С., Пермякова Т.М., Балезина Е.А.* Прилагательные продвижения в заявках на получение грантов: корпусное исследование [На англ. яз.] 58

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Токарев Г.В.* Вербальный аспект проблемы культурной памяти 68
- Волкова О.С.* Лингвопрагматика медиатизации образа современного жилья 78
- Абросимова Е.А., Куламихина И.В.* Аксиологическое измерение ветеринарного дискурса 93

ДИСКУССИИ

- Бекасова Е.Н.* Реконструкция летописных текстов А.А. Шахматовым: к проблеме достоверности 105
- Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Понятийное содержание категории образа в системной лингвистике 116

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Sadova T.S.* Punishment Formulas in the Decrees of Peter the Great (1714–1719) 5
- Sheptukhina E.M.* V.N. Tatishchev's Diplomatic Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia) 17
- Yan K.* Abstract Name "Feeling" in Russian Language Consciousness in Contemporary Russian Media Texts 29

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Bodnaruk E.V.* Representation of Politeness in Modern English Literary Discourse 46
- Tulyakov D.S., Permyakova T.M., Balezina E.A.* Promotional Adjectives in Grant Proposal Abstracts: A Corpus Study 58

MATERIALS AND REPORTS

- Tokarev G.V.* Verbal Aspect of Cultural Memory 68
- Volkova O.S.* Pragmatics in Linguistic Mediatization of Modern Accommodation Profile 78
- Abrosimova E.A., Kulamikhina I.V.* The Axiological Dimension of Veterinary Discourse 93

DISCUSSIONS

- Bekasova E.N.* Chronicles Reconstruction by A.A. Shakhmatov: To the Problem of Reliability 105
- Valentinova O.I., Rybakov M.A.* Conceptual Content of the Category of Reflection in the Systemic Linguistics 116

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

UDC 811.161.1'373.6
LBC 81.411.2-03

Submitted: 09.09.2024
Accepted: 05.06.2025

PUNISHMENT FORMULAS IN THE DECREES OF PETER THE GREAT (1714–1719)¹

Tatiana S. Sadova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to structural and semantic description of stable combinations (formulas) with the meaning of “punishment” in the personal decrees of Peter the Great, created during the period of his productive lawmaking activity. It is obvious that official language, functionally aimed to serve state communication as a whole, is the first to experience any social changes and ideological shifts of the time. Therefore, official phraseology, in a broad sense recording the “typical” and “standard,” inevitably reflects the era it belongs to. In the context of crucial state restructuring that affected all spheres of Russian people’s life, a strong influence of Peter’s government initiatives on the language of official documents is observed. The repertoire of stable formulas nominating punishment in Peter’s decrees includes a number of combinations inherited from the command language of the 17th century (for example, *chinit’ nakazaniye* – to inflict punishment), but in most cases – with an increase in the semantics of its inevitability (*budet uchineno zhestokoye nakazaniye* – cruel punishment will be imposed). The decrees also contain formulas that record new phenomena that characterize the Peter the Great era: the imperial title of the Russian tsar, changes in the civil and military service, types of previously unknown “overseas” punishments (beating the spitz with a rut, sending to the galleys, taking a fine). Thus, a new phraseology for the official sphere of the Russian literary language of the 18th century was gradually formed.

Key words: official language of the 18th century, decree, punishment formula, lexical components of the formula, formula variants.

Citation. Sadova T.S. Punishment Formulas in the Decrees of Peter the Great (1714–1719). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

УДК 811.161.1'373.6
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 09.09.2024
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ФОРМУЛЫ НАКАЗАНИЯ В УКАЗАХ ПЕТРА I (1714–1719 гг.)¹

Татьяна Семеновна Садова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическому описанию устойчивых сочетаний (формул) со значением «наказание» в именных указах Петра I, которые созданы в период его активной правотворческой деятельности. Деловой язык, функционально призванный обслуживать государственную коммуникацию в целом, первым испытывает на себе любые социальные изменения и идеологические сдвиги време-

ни, поэтому деловая фразеология, в широком смысле фиксирующая «типичное» и «стандартное», неизбежно отражает ту эпоху, в которой она возникает. Установлено, что в условиях коренного переустройства государства, затрагивающего все сферы жизни русского человека, наблюдается сильное влияние властных инициатив Петра на язык официального документа. Определен репертуар устойчивых формул наказания петровских указов, который включает ряд сочетаний, унаследованных из приказного языка XVII в., в большинстве случаев – с усилением семантики неотвратимости наказания. В указах представлены формулы, фиксирующие новые явления, характеризующие Петровскую эпоху: императорский титул русского царя, изменения в государственной и военной службе, виды ранее не известных русскому человеку «иноземных» наказаний. Таким образом постепенно в русском литературном языке XVIII в. формируется новая фразеология деловой сферы.

Ключевые слова: деловой язык XVIII в., указ, формула наказания, лексические компоненты формулы, варианты формулы.

Цитирование. Садова Т. С. Формулы наказания в указах Петра I (1714–1719 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

Введение

В эпоху Петра I, когда количество исходящих из правительственной канцелярии деловых бумаг с каждым годом неустанно увеличивалось, возникла настоятельная потребность в стандартизации формуляра близких по функции документов, что, в свою очередь, привело к появлению репертуара устойчивых текстовых единиц (словосочетаний, предложно-падежных сочетаний и др.), то есть формул, в рамках одного документного жанра имеющих определенную прагматико-коммуникативную задачу. Так, в качестве обязательного структурного компонента указа или иного текста, содержащего «государев императив» [Гауч, 2013, с. 222], было обозначение (и перечисление) форм и видов наказания за неисполнение или недолжное исполнение указа. Специальные, стилистически маркированные формулы с общим значением ‘наказание’, отчасти заимствованные из приказного языка XVII в., отчасти складывающиеся в деловом языке Петровской эпохи, – предмет рассмотрения настоящей статьи.

Цель исследования – описание формул с указанной семантикой, свидетельствующих о поэтапном формировании «деловой фразеологии» нового времени.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили тексты именных указов Петра I, созданные в период 1714–1719 годов. Это время «много-

сторонней и творческой» правовой деятельности русского царя [Воскресенский, 2017, с. 112], строившего «государство-механизм» европейского типа на смену патриархальному «государству-семье» [Руднев, Садова, 2023, с. 27–28]. Большая часть этих указов составлена при непосредственном участии самого Петра, успешного к тому времени дважды посетившего Европу, изучившего множество образцов правительственных документов разных государств, послуживших затем основой в работе над созданием собственно российских правовых текстов [Епифанов, 1946, с. 7]. Известный историк права Н.А. Воскресенский, многие годы изучавший документный фонд Кабинета Петра Великого, отмечал: «В Кабинет <Его Императорского величества> стягивались иностранные источники, и здесь производилась подготовительная работа по заданиям и плану самого царя. Это была главнейшая лаборатория законодательной работы» [Воскресенский, 1945, с. 4].

В качестве сравнительного источника, свидетельствующего об эволюции деловой (государственной) речи в директивных документах XVIII в. относительно века предыдущего, привлекается текст «Соборного Уложения 1649 года» царя Алексея Михайловича (Уложение).

В работе использован ряд общелингвистических и междисциплинарных методов. Так, метод лингвопрагматического анализа документного текста помог вскрыть языковую специфику жанра указа в условиях петровских преобразований в государстве и, как следствие, в сфере деловой коммуникации, призван-

ной обслуживать эти поистине революционные преобразования.

Метод структурно-семантического анализа тематически связанных текстовых фрагментов позволил проследить «конкуренцию» разных по происхождению, бытованию и стилистической принадлежности устойчивых сочетаний, в известной степени фиксирующую процесс «поиска» и становления столь необходимого для русского литературного языка новой эпохи среднего («посредственного») стиля. Как отмечает В.В. Колесов, «в употреблении языка <в начале XVIII в.> еще нет авторитетов, средний стиль еще только ютится в зазоре между русизмами и церковнославянизмами, да и вообще не ясно, что значит этот “посредственный стиль”» [Колесов, 2013, с. 14].

Традиционный метод лексико-семантического анализа применялся при наблюдении за эволюцией значения слова, вовлеченного в компонентный состав устойчивой единицы (формулы), в сравнении с его изолированным значением. Анализ лексикографических источников позволил уточнить семантику того или иного употребления лексической единицы, в том числе заимствованной, выступающей в качестве компонента «состоявшегося» делового фразеологизма в петровских указах рассматриваемого периода.

Результаты и обсуждение

Текстовый фрагмент, включающий описание форм наказания за неисполнение (или недолжное исполнение) царского повеления, чаще всего находился в конце указа, представляя собой устойчивый компонент структуры этого директивного жанра. Перечень видов наказаний во многом зависел от темы указа и его адресата.

Если указ издавался во *всеобщее ведение, в народ* и адресат обозначался обобщенно, например, устойчивыми сочетаниями *всяких чинов люди, какого звания ни есть, всякий преслушник указу* и т. п., то и формы выражения «царского гнева» были оформлены весьма неопределенно и общь, чаще всего – устойчивым сочетанием *жестокое наказание*:

(1) На таких противниках **будет взят штраф большой, да им же учинено будет жестокое нака-**

зание (КЕИВУ, 1714–1719, с. 42); А Его Величеству о том не докучать **под жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 308).

Примечательно, что сочетание *жестокое наказание* использовалось и в правовых документах XVII в., но чрезвычайно редко. Так, в Соборном уложении 1649 г. встречаем единичные его употребления:

(2) И **учиня** им **жестокое наказание**, бив кнутом не щадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне (Уложение, с. 6); А воеводам и приказным людям, которые на них отпишут к государю ложно, за то **чинити жестокое наказание**, что Государь укажет (Уложение, с. 10).

В Уложении чаще используется сочетание (*у-*)**чинить наказание** без эпитета *жестокий*, но с обязательным уточнением содержания наказания или отсылкой к решению государя:

(3) За ту вину **учинити наказание, бити батоги и вскинути на неделю в тюрьму** (Уложение, с. 6); **Наказание учинити**, что **Государь укажет** (Уложение, с. 7); За то **чинить наказание, бити кнутом нещадно** (Уложение, с. 11).

В указах Петра старая формула (*у-*)**чинить наказание** используется, как уже отмечалось, преимущественно с расширением компонентного состава – включенным эпитетом *жестокий*:

(4) Прикащикам и старостам и крестьянам **чинить жестокое наказание** <...> дабы впредь они о приеме беглых от помещиков своих повелений не слушали (ПСЗРИ, т. 6, с. 360); Старостам и выборным и десятским **чинить жестокое наказание**, бить кнутом (ПСЗРИ, т. 6, с. 360); Всем беглым при отдаче **чинить жестокое наказание** (ПСЗРИ, т. 6, с. 361).

«Словарь Академии Российской» в качестве основного значения прилагательного *жестокий* фиксирует следующее – «нечувствующий жалости, безжалостный, жестокосердный» (САР, т. 2, стб. 1114), что соответствует современному толкованию этого слова: «Жестокий – крайне суровый, безжалостный, беспощадный» (Ожегов, с. 195).

Наречие *жесток* в значении «весьма, очень» (САР, т. 2, стб. 1116) использовалось для выражения семантики «чрезвычайности» грядущего наказания, даже в случаях, когда речь шла только о денежном взыскании:

(5) А ежели у кого с таким подбоем явятся сапоги, или башмаки, и те **жесток** будут **оштрафованы** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); А буде кто станет такие суды вновь строить, и те люди <...> **оштрафованы** будут **жесток** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 119); Чтоб из гарнизонов не худых давали <людей> **под жестоким штрафом** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 153).

Очевидно, что формулы о жестоком наказании (в разных лексических и грамматических вариантах), которые далее в тексте содержательно не уточняются, предполагают самый широкий спектр «юридических последствий», разумеется, всецело зависящих от решения государя. В этом отношении их можно считать синонимичными формуле *как (что) Государь укажет*, весьма частотной в Уложении, но в петровских указах не использующейся вовсе:

(6) А кто вновь сему указу противен явится, и те, как явные преступники, **с жестокостию наказаны** будут (КЕИВУ, 1714–1719, с. 60); Вышереченные писцы яко преступники **наказаны** будут **жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 70); Те люди за преслушание сего указу **жесток** будут **наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 110); И те люди взяты будут в Санкт-петербурхе, и по розыску **жесток** **наказаны** будут (КЕИВУ, 1714–1719, с. 202); А ежели кто противно сему указу дерзнет какое письмо подать <...> и такая, яко преступники указов, **жесток** **будут наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 212).

Неоднократно отмечалось, что «в деловом языке XVI–XVII вв. основным средством выражения императивности был инфинитив» [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 39], поэтому активное использование устойчивой инфинитивной формулы *(у-)чинить наказание* в Уложении царя Алексея Михайловича вполне ожидаемо, где она – при самом общем выражении семантики наказания – практически не имеет вариантов или каких-либо синонимичных замен.

В указах Петра (по существу) это же сочетание, выступая в предикативной функции, чаще предстает в несколько ином грамматическом виде – с использованием глагола-связки будущего времени *будет* и страдательной формы краткого причастия *учинен(-о)*, причем, что показательно, – преимущественно от глагола совершенного вида *учинить*. Эта предикативная структура в рамках жанра имен-

ного царского указа реализует важное прагматическое значение – неотвратимость наказания как за уже содеянное, так и за только замысливаемое преступление, которое осознается как преступление непосредственно и лично против государя:

(7) На таких противниках будет взят штраф большой, да им же **учинено будет жестокое наказание** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 42); Таким человеком **учинено будет жестокое наказание**. А имение их движимое и недвижимое взято будет на Его Императорского Величества (КЕИВУ, 1714–1719, с. 105).

Глагол *(у-)чинить*, как чрезвычайно частотный в приказном языке XVII в., особенно в составе формулы «чинить + сущ. в вин. пад.» (*чинить казнь / смерть / наказание / наказ / розыск / обиду* и др.) [Никитин, 2004, с. 159], в указах Петра I явно теряет свою активность в качестве компонента этой устойчивой структуры. Он по-прежнему используется в формулах рассматриваемой семантики, но значительно реже, чем в деловом языке XVII в., при этом в указных текстах 1714–1719 гг. – преимущественно в сочетании с существительными *наказание* и *казнь*:

(8) Преслушников указу, которые дубовой лес рубили <...> и тех самих вырезав ноздри и **учини наказание**, посылать в катаржную работу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); За оное преступление **чинить смертные казни** или вечная ссылка на галеру (ПСЗРИ, т. 6, с. 244); Беглым драгуном, солдатом, рекрутом, матрозам **учинена будет смертная казнь** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 100).

В указах более позднего времени активность этого глагола в составе конструкций «*учинить* + сущ. вин. пад. (*уговор / суд / наказание / должное / обиду / препятствие* и др.)» вновь увеличивается, сочетаемость возможности его как «вспомогательного глагола в составе составного именного сказуемого» [Груздева, Кузьмина, 2009, с. 37] – решительно повышаются.

Представляется, что инфинитив *учинить* в значении ‘определить, назначить’ (Срезневский, т. 3, кн. 2, стб. 1337) в составе формулы *учинить наказание*, менее категоричен в выражении неизбежности и строгости царского наказания, потому, возможно, страдательная форма причастия прошедше-

го времени *наказан* в предикативной конструкции с «неотвратимым будущим» (*будет жестоко / с жестокостью наказан*) все чаще используется в петровских указах как прагматически более предпочтительная замена старой предикативной формулы «*чинить* + сущ. вин. пад.»:

(9) А кто сему указу противен явится, и те **как явные преступники с жестокостию наказаны будут** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 60); Те челобитчики також вышереченные писцы **яко преступники наказаны будут жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 70); Те люди, **яко преступники, жестоко будут наказаны** с разорением движимых и недвижимых их имений (КЕИВУ, 1714–1719, с. 76).

Характерно также и то, что в таких случаях часто используется «сравнительно-отождествляющая» конструкция – *яко / как преступник*, призванная «юридически» квалифицировать человека, приравнять его, осмелившегося воспротивиться царскому указу, к явным преступникам. Ту же функцию отождествления *преслушников указа и преступников* выполняет редкая формула *с преступниками равно (будут) наказаны*:

(10) Также и надзиратели если по сему указу не будут исполнять, то **с преступниками равно будут наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 218).

В указах Петра 1714–1719 гг. вариантный репертуар формулы с общим значением ‘назначить жестокое наказание’ предстает как цепочка употребительных сочетаний, «конкурирующих» друг с другом, прежде всего, в выражении строгости и неотвратимости государственного наказания: *учинить жестокое наказание – учинено будет жестокое наказание – наказан будет жестоко / с жестокостью – наказан будет жестоким наказанием*. Почти каждая из этих конструкций имеет незначительные отличия, но ядерные лексические компоненты исходно одной формулы остаются неизменными. Высокая степень интенсификации семантики наказания в конечном итоге подчеркивается сочетанием однокорневых (глагольной и именной) лексем – *наказывать наказанием*, равно как в случаях крупного материального взыскания употребляется тавтологичное сочетание (*о-*)*штрафовать штрафом*:

(11) Те люди будут **оштрафованы** денежным **штрафом** и телесным наказанием (КЕИВУ, 1714–1719, с. 102); Такими ж **штрафами будут штрафованы**, как и беглые солдаты (ПСЗРИ, т. 6, с. 407).

Лексическое расширение формулы, а также уточнение ее содержания весьма показательны – список способов и видов «жестокото наказания» во многом завесел и от социального статуса провинившегося. Так, для крестьян, солдат, нищих, других представителей низкого сословия предполагались «привычные» формы экзекуции, унаследованные из судебного опыта XVII в. – *бить кнутом / батоги(-ами); казнить смертью; казнить / бить без пощады* и др.

Отметим при этом, что устойчивые сочетания с указанными лексическими компонентами употребляются в Уложении при описании царского (отеческого) гнева по отношению к людям самого разного социального статуса:

(12) Их **казнить смертью**, и вотчины и поместья их и животы взять на Государя (Уложение, с. 4); Их за то **бити кнутом**, отдати тому, чей он человек (Уложение, с. 5); **Казнить смертью без всякия пощады** (Уложение, с. 5); И его **бити кнутом**, да у него же отнять поместье и отдати в роздачу (Уложение, с. 9); Дьяков **бити батоги**, а **подьячих кнутом** (Уложение, с. 19).

В петровских же указах формулы наказания иерархически более строго привязаны к социальному положению человека, преступившего государев указ. *Бить батоги(-ами) и кнутом* следовало, прежде всего, подлый народ, в то время как с имущих граждан нередко предписывалось *взять штраф* или отбирать в пользу казны и государя их *движимые и недвижимые имения*, в случае же грубых провинностей они могли быть *разорены и сосланы на каторгу*:

(13) На архиерейских приказных людех, **взят будет штраф** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 51); Те люди, яко преступники, **жестоко будут наказаны с разорением, движимых и недвижимых их имений** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 76); Купецкие люди, которые такие скобы и гвозди держать будут, **сосланы будут на каторгу**, а **имение их взято будет на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); А ежели кто станет строится не по указу, и не против чертежа, и тот лишен будет всего того, что построил, и сверх того **взято будет штрафу** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 118).

Примечательна эволюция весьма распространенного в Уложении сочетания *казнить смертью* до устойчивой формулы того же значения в текстах петровских указов – *смертная казнь*. Эпитет *смертная (казнь)*, как всякий эпитет, «призван выделить типичный признак предмета или явления» [Колесов, 2013, с. 15], а потому прилагательное *смертный* более, чем однокоренное существительное в творительном действии (*смертью*), фиксирует актуальное для текста значение ('лишение жизни'), содержащееся в слове *казнь*. В разное время обозначавшее и «'кару свыше', и 'суровое наказание как публичное осуждение преступника', и позорное 'наказание кнутом'» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 353], существительное *казнь* к XVIII в. демонстрирует явное «смещение объема понятия» в пользу признака 'лишение жизни' [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 353]. Таким образом, сочетание *смертная казнь*, в котором прилагательное с актуальным для семантики предельного наказания признаком в соединении с существительным, это значение получившим в результате «смещения объема понятия», видимо, оказалось более востребованным, чем старая формула *казнить смертью*.

Подлый народ мог быть подвергнут невиданным для предыдущих времен формам царского наказания, например отправке на галеры², на каторжные работы в строящиеся заводы, а беглых или провинившихся солдат нередко предписывалось наказывать особой экзекуцией, заимствованной из практики европейских армий, – *бить шпиз рут*. В ряде случаев таким же образом наказывали покаявшихся убийц:

(14) Ежели рекрут, прежде года своей службы в полку побежит, то оно за первой побег **бить шпиз рут** чрез полк по три дни по разу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 199); Которые смертные убийцы явятся сами, и в том вину принесут добровольно <...> **чинить им наказание, прогнав шрицрутен**, ссылать на каторгу (ПСЗРИ, т. 6, с. 368); А буде такие в другой ряд, или в третьи пойманы будут и таких **бив** на площади **кнотом посылать в каторжную работу**, а баб в **шпингоус**, а робят **бив батоги посылать на суконной двор**, и к протчим **манифактурам** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 271).

Царский чиновник из числа высокородных граждан или выдвинувшихся при Петре

новоявленных дворян, также мог быть подвергнут телесному наказанию и даже смерти, например, если подозревался (говоря современным языком) в коррупции.

Из Кабинета Петра исходило немало указов о взятках, казнокрадстве и других финансовых преступлениях («О счетах» от 22 января 1714 г., «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» от 24 декабря 1714 г., «О обиде и взятках» от 11 июня 1715 г. и др.). Описание наказания за подобные преступления нередко включало в себя не только формулы со значением телесного или материального ущерба, но и прецедентные (для живой речи XVIII в.) номинации, обозначавшие 'публичный позор', например *шельмование*.

Для сановных людей, а также их семей, «помнящих славу отца своего и честь рода» (КЕИВУ, 1714–1719, с. 13), такое наказание имело тяжелые социальные последствия: «Ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с "тяжелым чести нарушением". Позорное клеймо "ошельмованного" человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытки <...> или просто обнажения в публичном месте. <...> Эти люди оказывались как бы вне закона и общества» [Марасинова, 2017, с. 96–97].

(15) А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован³, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнен будет (КЕИВУ, 1714–1719, с. 73).

Следует признать, что в текстах 1714–1719 гг. чрезвычайно редки такие многословные сочетания – с употреблением в качестве предикативных единиц целого ряда страдательных причастий, от слова к слову нагнетающих семантику наказания: *наказан – лишен – шельмован – извержен – казнен (смертью)*. Применительно к подобным ситуациям, а также в указах о беглых рекрутах (для описания последствий за их укрывательство) чаще используется устойчивое сочетание *лишение чина(-ов) и имения* – жесткая мера непозорного взыскания, применяемого к податному сословию, помещикам-дворянам и царским чиновникам, владеющим крестьянами. Эта формула весьма распространена в указах 1714–1719 гг., а устойчивость компонентного состава подтверждается почти дос-

ловным ее повторением из текста в текст в документах сходной семантики:

(16) Таковые **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чина и всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 45); А буде кто, презрев <...> милосердные указы неявица и за кем такие беглые есть необъявят, таковые **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чину, и всего имения** (КЕИВУ 1714–1719, с. 67); Таковыя **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чина, и всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 100).

Со времен Петра I представители низкого сословия наказывались новым способом клеймения – вырыванием ноздрей, и прежде всего, за воровство, убийство, а также бегство от хозяина или, если речь шла о рекрутах, солдатах и матросах, за дезертирство.

Правда, этому же виду наказания могли быть подвергнуты и подданные высокого социального статуса, но за «исключительные» преступления – например, за бунт против власти, заговор против государя, за казнокрадство. О том был издан специальный указ Петра I от 5 февраля 1705 г. – «О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырывании ноздрей у важнейших преступников и заклеянии прочих» (ПСЗРИ, т. 1, с. 286). С этого времени в указном языке петровской канцелярии формула *вырезать / вырвать ноздри* – с грамматическими вариантами глагола *вырезать (вырезав, вырезан)* и девербативом *вырезание* – весьма частотна:

(17) Когда в другой ряд побежит, или более году кто в службе оных в место смерти бить кнутом, и **вырезав нозри** перед полком, сослать в вечную работу на галеры (КЕИВУ, 1714–1719, с. 200); Преслушников указу, которые дубовой лес рубили <...> и тех самих **вырезав ноздри** и учини наказание, посылать в катаржную работу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 217); Тех без всякой пощады повелено будет, бив кнутом, и **вырезав ноздри**, ссылат на вечную работу на каторги (ПСЗРИ, т. 6, с. 404).

С грамматической точки зрения интересна предложно-падежная структура (формула), унаследованная деловым языком Петровской эпохи из приказного языка XVII в., *взять / иметь на Государя* в значении ‘в пользу государя’, ‘в пользу государственной казны’. На-

казание это ожидало «провинившихся» из имущего сословия, что объяснимо: *вотчинами* и *поместьями* подлый люд не владел:

(18) Их казнити смертью, и вотчины и поместья их и животы **взяти на Государя** (Уложение, с. 4); Поместья его и вотчины и животы **взяти на Государя** (Уложение, с. 11).

В петровских указах устойчивая предложно-падежная структура *на Государя* показательна используется с несколько обновленным лексическим составом – прежде всего, с иными номинациями самодержца, соответствующими времени и обретенному Петром императорскому титулу.

(19) А **имение их движимое и недвижимое взято будет на Его Императорского Величества** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 105); Купецкие люди, которые такие скобы и гвозди держать будут, сосланы будут на каторгу, а **имение их взято будет на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); И такие товары где явятся у продажи **имать на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 125).

После указа «О единонаследии» (от 23 марта 1714 г.), *поместья* и *вотчины* также были переименованы, прежде всего, в связи с решительными преобразованиями Петра I в области земельного права. Указ провозгласил «ликвидацию различий между вотчиной и поместьем» [Черникова, 2018, с. 8], и старые правовые термины *поместье* и *вотчина* в значении наследных земель последовательно деактуализируются. На смену им приходит термин, понятийно заимствованный из европейских юридических систем, следующих принципам римского права. Как в тексте указа «О единонаследии», так и в последующих царских документах используется новое терминологическое сочетание *недвижимое имение*, представляющее собой соединение кальки с латинского *immobilis* (возможно, через «польское или украинско-белорусское посредничество» [Смирнов, 1910, с. 2]) и существительного *имение*, в истории русского языка накопившего многослойное содержание: «Имение – имущество, богатство, добыча, захват, мзда» (Срезневский, т. 1, кн. 2, стб. 1095); «Имение – пожитки, достаток, имущество, стяжание; состоящее в деньгах, в вещах, в землях» (САР, т. 3, стб. 294).

Примечательно, что в самом тексте этого указа дается толкование вновь вводимого термина: «**Всем не движимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, а также и дворов, и лавок** не продавать и не закладывать» (КЕИВУ, 1714–1719, с. 16). Заметим, что в этой глоссе используется максимально отвлеченный (для языка XVIII в. безусловно философский) термин *вещь*, означающий «все существующее в материальном мире, любой предмет окружающей действительности» (Словарь XVIII в., с. 100), в текстах указа последовательно замененный словом более предметного содержания, образованного от глагола *иметь* ('владеть') – *имение*. Для обозначения иной собственности, «противоположной» вотчинам и поместьям, но также подлежащей разделу между наследниками, возникает сочетание *движимое имение*, которое разъясняется в тексте указа с помощью подбора общеизвестных слов-синонимов: *пожитки, имущество, деньги*.

Правовая формула *движимое и недвижимое имение*, с незначительной лексической меной известная и современному юридическому языку, становится чрезвычайно частотной в языке петровской канцелярии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что она регулярно используется в усеченном виде, без существительного, создавая условия для типичной в таких случаях субстантивации компонента-причастия:

(20) Ежели **недвижимое** будет всегда одному сыну, а прочим только **движимое**, то Государственные доходы будут справнее (КЕИВУ, 1714–1719, с. 15); А кто бездетен, и оный волен отдать **недвижимое** одному, фамилии своей, кому похощет (КЕИВУ, 1714–1719, с. 17); Муж замужней повинен принять прозвище того, от кого получит **недвижимое** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 21); Тогда **недвижимое** все повинно будет взять на Государя кроме **движимого** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 22).

Для обозначения определенного вида неминусового наказания в указах 1714–1719 гг. все активнее используется устойчивая формула, представляющая собой предложно-падежную структуру «*под* + сущ. твор. пад.»: *под штрафом, под казнью, под смертным наказанием* и *под*.

(21) А худых не отдавать **под разорением и ссылкою на галеры** вечно (КЕИВУ, 1714–1719, с. 154); Чтоб впредь отнюдь того чинить не дерзали **под лишением всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 160); Дабы оной <купчина> иной прибыли [или корысти] ни явным ни тайным образом ни себе, ни Государю своему, **под смертным наказанием** не искал (КЕИВУ, 1714–1719, с. 183).

Очевидно, перед нами грамматическая калька устойчивой конструкции делового немецкого языка XVIII в.: «*bey Leibs- und Lebens-Straff verbieten, sancire poena capitis, под смертною казнию уставити, определити, закатити*» (Вейсман, с. 372). В русских деловых текстах XVIII в. она столь частотна по причине того, что способна кратко выразить содержание, которое обычно оформлялось (грамматически и лексически) более громоздко и многословно:

(22) Командующим смотреть на крепко, **под опасением взятъя немалого штрафа** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 229); А ежели кто станет строится не по указу, и не против чертежа, и **тот лишен будет всего того, что построил, и сверх того взято будет штрафу** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 118).

Обладая безусловным семантико-синтаксическим единством, при котором «предлог, выполняющий наряду с грамматической и семантическую функцию <...> и падеж взаимодополняют друг друга» [Медведев, 1983, с. 9], эта структура имеет все признаки, присущие фразеологическому сочетанию, в том числе по части наращивания синтагматических связей в разном контекстном окружении:

(23) Чтоб они таких беглецов, салдат и рекрут, и прочих пришлых людей, без всякаго свидетельства не принимали **под опасением смертной казни** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 106); А где помещиков нет <имать> у прикащиков и у старост скаски **под жестоким страхом, что им в тех кубах вино курить** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 145); У привесу заплатить достальные деньги всякому сполна, не удерживая ни копейки **под наказанием живота** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 181); Смотреть надзирателю Ивану Лангу, да бы исправно <...> против пробы те денги деланы были <...> **под опасением за то казни** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 225).

В причудливом соединении старых приказных формул, новых устойчивых сочетаний, появившихся в деловой речи Петровской эпо-

хи в результате прямых заимствований, полного или частичного калькирования западноевропейских клишированных выражений, творческих решений работников царской канцелярии, формируется новая фразеология деловой речи русского литературного языка XVIII в., в полной мере отражающая время кардинальных преобразований российского государства.

Выводы

Рассматриваемый период (1714–1719 гг.) характеризуется чрезвычайной законотворческой активностью Петра I, при непосредственном участии которого изданы более ста указов по самым разным вопросам государственного строительства. Следует при этом учесть, что в течение почти двух лет (1716–1717 гг.) Петр был за границей: после Великого посольства 1697–1698 гг., он вновь предпринял путешествие в Западную Европу, на сей раз – во Францию. Для неполных трех лет создание такого значительного количества указов, распоряжений, иных документов – свидетельство системной и последовательной проработки царским Кабинетом правовых основ нового российского государства. Очевидно, что в содержании, устройстве, лексике деловых текстов этого времени нашли отражение многие из властных решений и масштабных идей российского самодержца, ориентированного на западноевропейский образ общественной жизни, «приближалось время заимствований» [Смирнов, 1910, с. 1].

Очевидно, что множественные заимствования, столь зримо присутствующие в деловых текстах Петровской эпохи (и лексические [Колосов, 1990], и грамматические, и жанровые), отнюдь не были слепым подражательством или копированием иноземной речи в ущерб русской, на что обращает особое внимание Н.А. Воскресенский, тщательно исследовавший документы петровской канцелярии [Воскресенский, 1945, с. 60]. Об этом свидетельствует предпринятое в нашей работе структурно-семантическое описание только одного типа текстовых фрагментов из указов начала XVIII в. – формул со значением «наказание». Часть из заимствований (например, грамматические модели предложно-падежных сочетаний типа *под смертью*, *под наказанием*, *в силу жестоких*

причин и т. п.) служили краткости текста, другие – вводили в деловую русскую речь термины-интернационализмы как свидетельство приобщения к западно-европейской цивилизации (*артикул*, *галера*, *рекрут*, *кадет*, *эверс* и др.), некоторые очень скоро вошли в русскую обиходную речь, став «словами повседневности» (*штраф*, *центр*, *шеф*).

При этом связь с приказным языком XVII в. не была разорвана, языковые факты предшествующего опыта составления царских распоряжений представлены в текстах петровских указов. Так, многие формулы наказания напрямую и почти без изменений заимствуются из Уложения 1649 г. (*учинить наказание*, *бить батогами*, *бить кнутом*, *казнить смертью*), инфинитивные структуры как форма выражения властного императива остаются весьма частотны. Общая установка на разговорную речь объединяет деловую речь XVII в. и язык Кабинета Петра I, который сам был приверженцем ясности документного слога и «понятности смысла всякого заводимого им новшества» [Смирнов, 1910, с. 17].

Многое в языке петровских указов было подчинено вполне практическим задачам, стоявшим перед властью в условиях масштабных преобразований общественной жизни страны. Одна из них – нахождение новых форм общения государя со своими подданными. Исследователями не однажды было замечено, что власть в эту эпоху «впервые демонстрирует развернутое идеологическое оправдание своих задач и своего призвания» [Сыромятников, 1945, с. XXXIII]. Это, в частности, выражается в том, что в тексты указов включается большое количество конструкций с функцией объяснения, обоснования причин царских распоряжений, в том числе – по части назначения того или иного наказания:

Показательно также, что инфинитивные конструкции со значением наказания (например, *учинить смертную казнь*, *наказать жестоко*, *класть штрафы* и т. п.) начинают постепенно уступать неимперативным структурам той же семантики, представляющим собой предикативные сочетания кратких страдательных причастий прошедшего времени и бытийных глаголов-связок будущего времени (*учинена будет казнь*, *наказан будет с жестокостью*, *взяты будут штрафы* и т. п.).

Новый деловой язык, стремясь найти «средний слог» для должной ясности, не мог отказаться от традиционных и проверенных временем языковых форм выражения царской воли. Поэтому, как уже отмечалось, инфинитивные конструкции в петровских указах сохраняются, но все же год от года уступают свое первенство другим грамматическим структурам, прагматически и функционально более оправданным.

Важно учитывать и то, что указ как директивный жанр, предметно координирующий взаимодействия власти и общества, нацелен, прежде всего, на предупреждение преступления, нежели на его констатацию как свершившегося факта. В этой «профилактической» прагматике в качестве выражения предикативного значения более мотивирована форма будущего времени смыслового глагола, поэтому в указах преобладают формулы с семантикой предупреждения возможного преступления и неизбежно последующего за ним наказания. Страдательные конструкции в этом отношении более уместны и функционально оправданны. Как следствие, петровские указы впервые в русской деловой практике обезличивают императивное действие, навязывая представление о неотвратимости наказания, как бы идущего не столько от Петра, сколько от «беспристрастного» закона. Такова идеология государства-механизма, ставшая для Петра I генеральной в задуманном им строительстве новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of research project No. 24-28-00325 “Printed decrees of the Peter the Great era as a source for studying the Russian language of the 18th century.”

² Значение этого слова здесь отлично от общеизвестного значения, оно метонимическое по сути – само наказание: «Галера, нем. *galera*, речное судно; наказание преступников, состоящее в гребле на галерах» [Смирнов, 1910, с. 79].

³ Шельма, шельмовать – в САР отсутствуют. «Шельмовать – оглашать мерзавцем, мошенником,

обесчестить, поругать» (Даль, 2003, с. 628); «Шельма, пол. *szelma*, плут <...> Шельмовать, пол. *szelmować*» [Смирнов, 1910, с. 327–328].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воскресенский Н. А., 1945. Законодательные акты Петра I. В 3 т. Т. 1. М. ; Л. : АН СССР. 664 с.
- Воскресенский Н. А., 2017. Петр I как законодатель. М. : Новое лит. обозрение. 640 с.
- Гауч О. Н., 2013. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО) // Научный диалог. № 5 (17). С. 221–233.
- Груздева Е. В., Кузьмина Ю. Ю., 2009. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3. С. 36–43.
- Епифанов П. П., 1946. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М. : Изд-во гос. б-ки СССР. С. 5–42.
- Колесов В. В., 2013. Россия в XVIII веке // Язык и ментальность русского общества XVIII века / Д. Г. Демидов, В. Н. Калиновская, В. В. Колесов, О. А. Черепанова ; отв. ред. В. В. Колесов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 3–17.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А., 2014. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. СПб. : Златоуст. 592 с.
- Колосов Л. Ф., 1990. Новые заимствования в деловой письменности XVIII в. // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. М. : МОПИ им. Н.К. Крупской. С. 37–43.
- Марасинова Е. Н., 2017. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М. : Новое лит. обозрение. 512 с.
- Медведев В. Б., 1983. Специфика предложно-падежных конструкций и падежей с пространственным значением (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Казань. 251 с.
- Никитин О. В., 2004. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : Лингвистические очерки. М. : Наука : Флинта. 203 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Руднев Д. В., Садова Т. С., 2023. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского го-

сударственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

Смирнов Н. А., 1910. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук. 399 с.

Сыромятников Б. И., 1945. От редактора // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. В 3 т. Т. 1. М. ; Л. : АН СССР. С. XXXIII–XLIV.

Черникова Т. В., 2018. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. № 5. С. 3–22.

ИСТОЧНИКИ

КЕИВУ, 1714–1719 – Копии Его Императорского Величества указов, состоявшихся с 1714 по 1719 год. СПб. : Сенат. тип., 1724. 323 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с. ; Т. 6. 818 с.

Уложение – Соборное Уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.

СЛОВАРИ

Вейсман – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1731. 424 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 2003. 685 с.

Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 917 с.

САР – Словарь Академии Российской. В 6 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1789–1794. Т. 2. 664 с. ; Т. 3. 761 с. ; Т. 6. 1068 с.

Словарь XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. В 22 вып. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2019. Вып. 3. 1987. 299 с.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т., 6 кн. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1902. Т. 1, кн. 2. 381 с. ; Т. 3, кн. 2. 600 с.

REFERENCES

Voskresenskiy N.A., 1945. *Zakonodatelnye akty Petra I. V 3 t. T. 1* [Legislative Acts of Peter I. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow; Lenindrad, AN SSSR. 664 p.

Voskresenskiy N.A., 2017. *Petr I kak zakonodatel* [Peter I as a Legislator]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 640 p.

Gauch O.N., 2013. Zhanrovое svoeobrazie organizatsionno-rasporyaditelnykh dokumentov delovoy pismennosti XVIII veka (na materiale TFGATO) [Genre Originality of Organizational and Administrative Documents of Business Writing of the 18th Century (Based on the Material of the TFGATO)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 5 (17), pp. 221–233.

Gruzdeva E.V., Kuzmina Yu.Yu., 2009. Fazovye glagoly v sovremennom russkom yazyke (korpusnoe issledovaniye) [Phase Verbs in Modern Russian (Corpus Study)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], no. 3, pp. 36–43.

Epifanov P.P., 1946. Voenno-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo [Military-Regulatory Creativity of Peter the Great]. Rubinshteyn N.L., ed. *Voyennyye ustavy Petra Velikogo* [Military Regulations of Peter the Great]. Moscow, Izd-vo gos. b-ki SSSR, pp. 5–42.

Kolesov V.V., 2013. Rossiya v XVIII veke [Russia in the 18th Century]. Demidov D.G., Kalinovskaya V.N., Kolesov V.V., Cherepanova O.A. *Yazyk i mentalnost russkogo obshchestva XVIII veka* [Language and Mentality of Russian Society in the 18th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 3–17.

Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., 2014. *Slovar russkoy mentalnosti. V 2 t. T. 1*. [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 592 p.

Koloso L.F., 1990. Novye zaimstvovaniya v delovoy pismennosti XVIII v. [New Borrowings in Business Writing of the 18th Century]. *Leksicheskaya, slovoobrazovatel'naya i sintaksicheskaya semantika* [Lexical, Word-Formation and Syntactic Semantics]. Moscow, MOPI im. N.K. Krupskoy, pp. 37–43.

Marasinova E.N., 2017. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka [“Law” and “Citizen” in Russia in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 512 p.

Medvedev V.B., 1983. *Spetsifika predlozhno-padezhnykh konstruktsey i padezhey s prostranstvennym znacheniem (na material russkogo i nemetskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of Prepositional-Case Constructions and Cases with Spatial Meaning (Based on the Russian and German Languages). Cand. philol. sci. diss.]. Kazan. 251 p.

Nikitin O.V., 2004. *Delovaya pismennost v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): Lingvisticheskie ocherki* [Business Writing in the History of the Russian Language (11th – 18th Centuries): Linguistic Essays]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ. 203 p.

Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

Rudnev D.V., Sadova T.S., 2023. Metafora gosudarstva i sposoby ee vyrazheniya v russkoy delovoy rechi [The Metaphor of the State and Ways of Expressing It in Russian Official Speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 21-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

Smirnov N.A. 1910. *Zapadnoe vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu* [Western Influence on the Russian Language During the Peter the Great Era]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 399 p.

Syromyatnikov B.I., 1945. Ot redaktora [From the Editor]. Voskresenskiy N.A. *Zakonodatelnye akty Petra I. V 3 t. T. 1* [Legislative Acts of Peter I. In 3 Vols. Vol. I]. Moscow; Lenindrad, AN SSSR, pp. XXXIII-XLIV.

Chernikova T.V., 2018. Paradoksy petrovskoy evropeizatsii [Paradoxes of Peter the Great's Europeanization]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 5, pp. 3-22.

SOURCES

Kopii Yego Imperatorskogo Velichestva ukazov, sostoyavshikhsya s 1714 po 1719 god [Copies of His Imperial Majesty's Decrees Issued from 1714 to 1719]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1724. 323 p.
Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya

1825 goda. T. 1–45 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1830, vol. 1. 1029 p.; vol. 6. 818 p.

Sobornoye Ulozheniye 1649 g. [Cathedral Code of 1649]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1–45 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1830, vol. 1. 1029 p.

DICTIONARIES

Veysman E. *Nemetsko-latinskiy i russkiy leksikon* [German-Latin and Russian Lexicon]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1731. 424 p.

Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2003. 685 p.

Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1990. 917 p.

Slovar Akademii Rossiyskoy. V 6 t. [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Acad. nauk, 1789–1794, vol. 2. 664 p.; vol. 3. 761 p.; vol. 6. 1068 p.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka. V 22 vyp. [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. In 22 Iss.]. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984–2019, iss. 3, 1987. 299 p.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 3 t., 6 kn.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 Vols., 6 Books]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1893–1902, vol. 1, book 2. 381 p.; vol. 3, book 2. 600 p.

Information About the Author

Tatiana S. Sadova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

Информация об авторе

Татьяна Семеновна Садова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.2>

UDC 811.161.1'04:003.074
LBC 81.411.2-03

Submitted: 12.04.2025
Accepted: 04.09.2025

**V.N. TATISHCHEV'S DIPLOMATIC LETTERS IN THE GENRE ASPECT
(BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)**

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Diplomatic letters written in the 18th century are considered in the article within the independent epistolary genre. The material for the analysis was comprised of the official letters written by Privy Councillor V.N. Tatishchev during his governorship in Astrakhan and heading the Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs. The documents are stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia. The study was conducted using the model of document genre that combines multi-level coordinated parameters, such as: "function," "addresser," "addressee," "nature of the information transmitted," "structure," "modality," "space," "time." Their content is determined as well as their speech embodiment, which reveals both standardization and variability, is characterized. Standardization is shown to actualize in the use of speech formulas for denoting the addresser and addressee, compliments, the date of the document. Their accentuation in the text and fixed location on the sheet indicate the formation of the template composition of letters, as well as the three-part structure of the document. The variability is found in the speech implementation of the regulation function, which is provided by the actualization of the modal meaning of inducement. Explicit and implicit means of its expression are characterized. Their choice is determined by the status of the addresser and the peculiarities of the situation documented. The identification of the genre parameters characteristic of a certain type of documents and their speech representation have enabled comprehensive representation of a letter as an independent genre of diplomatic communication, which reflects the development of the business language of the 18th century in its functional and regional diversity.

Key words: history of the Russian language, genre, diplomatic letter, document function, speech organization of the text, Tatishchev.

Citation. Sheptukhina E.M. V.N. Tatishchev's Diplomatic Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.2>

УДК 811.161.1'04:003.074
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 12.04.2025
Дата принятия статьи: 04.09.2025

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА В.Н. ТАТИЩЕВА В ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)**

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье дипломатическое письмо XVIII в. рассмотрено как самостоятельный эпистолярный жанр. Материалом для анализа послужили хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия письма тайного советника В.Н. Татищева, написанные в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел. Исследование проведено с применением модели жанра документа, которая объединяет взаимодействующие между собой разноуровневые параметры: «функция», «адресант»,

«адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время». Определено их содержательное наполнение и речевое воплощение, которое обнаруживает как стандартизованность, так и вариативность. Показано, что стандартизованность обеспечивается трехчастной структурой документа и речевыми формулами для выражения адресанта и адресата, комплимента, даты составления документа, их выделением из текста и фиксированным расположением на листе, что свидетельствует о формировании реквизитного состава писем. Вариативность обнаруживается в речевой реализации функции регулирования, которая обеспечивается актуализацией модального значения побуждения. Описаны эксплицитные и имплицитные средства его выражения, выбор которых обусловлен статусом адресанта и спецификой документируемой ситуации. Выявление жанровых параметров письма и их речевой репрезентации позволило комплексно представить его как самостоятельный жанр дипломатического общения, отражающий развитие делового языка XVIII в. в его функциональном и региональном разнообразии.

Ключевые слова: история русского языка, жанр, дипломатическое письмо, функция документа, речевая организация текста, Татищев.

Цитирование. Шептухина Е. М. Дипломатические письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.2>

Введение

Дипломатическая переписка XVIII в., участниками которой были русские цари и высшие чиновники, представляет лингвистический интерес по многим причинам: она отражает, во-первых, формирование жанровой парадигмы дипломатических документов; во-вторых, становление формуляра дипломатического письма во всех его разновидностях; в-третьих, развитие вербального дипломатического этикета, которое происходит с учетом дипломатических традиций взаимодействующих сторон; в-четвертых, решаются вопросы выбора общих языков дипломатической коммуникации и перевода (см., например: [Карданова, 2013; Ларина, 2023; Торопицын, Сусеева, Кундакбаева, 2020; Удалых, 2007]). При этом актуальной для лингвистики остается задача комплексной характеристики дипломатического письма как жанра с учетом внешних и внутренних факторов, влияющих на его развитие.

В данной статье мы обратились к переписке тайного советника В.Н. Татищева, который с 1741 по 1744 г. был Астраханским губернатором и руководил Калмыцкой комиссией при Коллегии иностранных дел (подробно о деятельности В.Н. Татищева как главы этого особого административно-управленческого органа см.: [Батмаев и др., 2021; Торопицын, Сусеева, Кундакбаева, 2020; и др.]). Как отмечают исследователи, «15 декабря 1741 г. вместе с назначением на должность астраханского губернатора Татищев получил имен-

ной императорский указ, предписывавший ему “киргиз кайсацкой народ с калмыцким примирить, чтоб оные оба народа между собою жили в согласии”. Для этого следовало организовать встречу представителей обоих кочевых народов в присутствии Татищева для заключения “крепкого договора” БУ РКНА, ф. И36, оп. 1, д. 142, л. 104» [Сусеева, Торопицын, Кундакбаева, 2019, с. 119]. Усилия тайного советника по предотвращению междоусобных распрей соседних народов, развитием с ними экономических связей (см. подробно: [Батмаев и др., 2021; Сусеева, 2018; Торопицын, Сусеева, Кундакбаева, 2020]) нашли отражение в его переписке с кочевой знатью.

Письма В.Н. Татищева не впервые становятся объектом лингвистического описания: имеются работы, в которых охарактеризованы общерусские и региональные лексические, словообразовательные, грамматические черты этих документов [Сусеева, 2015; Сусеева, Брыкина, Супрун, 2019], описаны жанровые параметры деловых писем, обеспечивавших деловую коммуникацию между административными органами внутри Российского государства [Шептухина, 2024]. Однако составленные главой Калмыцкой комиссии письма дипломатического характера мало исследованы в жанровом аспекте, хотя они дают богатый материал, дополняющий научные представления относительно функционирования дипломатического эпистолярного жанра на территории Нижнего Поволжья – периферии Российской империи.

С целью представить письмо как самостоятельный жанр дипломатической коммуникации в статье выявлены и описаны его жанровые параметры и их речевое воплощение.

Материал и методы

Материалом для изучения избраны дипломатические письма из фонда «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе, г. Астрахань» бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1). Фонд включает 423 дела (1713–1773 гг.). Для работы отобрано дело 141, которое содержит исходящие документы, датированные 1742 годом.

Отметим, что не все из этих писем являются дипломатическими в строгом смысле слова, поскольку Калмыцкое ханство, Младший жуз (Малая орда) Казахского ханства уже входили в состав Российской империи (этот факт отражен, например, в номинации Калмыцкого ханства – *наместник*). Однако эти этнополитические образования имели традиционную систему организации и, несмотря на обещания не вмешиваться во внешнеполитическую деятельность государства, вели самостоятельную внешнюю политику (см., например: [Торопицын, 2012; Цюрюмов, Курапов, 2021]), поэтому письменное взаимодействие с ними имело черты дипломатической переписки.

В фонде представлены письма на русском языке, однако адресатам они отправлялись с переводом (о проблемах, связанных с обеспечением качественного письменного и устного перевода в дипломатическом взаимодействии Татищева с кочевой знатью см.: [Сусеева, Торопицын, Кундакбаева, 2019]).

При изучении дипломатического эпистолярия мы опираемся на определение жанра, данное О.Н. Трофимовой, которая применительно к деловой коммуникации понимает жанр как «текстовый способ реализации в документе определенного типа социокультурной деятельности, представленной как система коммуникативных явлений, зависящих от типовых сценариев и фреймов, “обслуживающих” конкретную ситуацию, а также от личностных характеристик субъектов деловой коммуникации» [Трофимова, 2003, с. 150].

Описание документов проведено с использованием модели жанра документа, которая объединяет нелинейно взаимодействующие между собой разноуровневые параметры, соотносящиеся с текстовыми категориями и эксплицирующиеся в речевой структуре документа: «функция», «адресант», «адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время» [Горбань и др., 2020, с. 81–83; Gorban et al., 2017]. Эти параметры, как установлено М.В. Косовой, образуют иерархию: первый уровень составляют «адресант», «адресат» и «функция»; второй – «информация», «структура» и «модальность»; третий – «пространство» и «время». В качестве жанрообразующих определены параметры первого уровня [Косова, 2017, с. 124]. Мотивированные ими параметры второго и третьего уровней конкретизируют документируемую ситуацию, обеспечивая ее текстовое представление.

С применением содержательного, структурно-композиционного и документоведческого анализа материала в статье определены функции документа и обусловленная ими модальность, охарактеризованы адресант, адресаты писем, установлена структура документов; посредством методов лингвистического анализа выявлены и описаны речевые средства выражения жанровых параметров.

Исследуемые источники написаны скорописью XVIII в., при их цитировании использована упрощенная графика, титла раскрыты, предлоги даны отдельно от последующих слов, имена собственные – с прописной буквы; в остальном сохранена орфография и пунктуация оригиналов.

Результаты и обсуждение

Параметры «адресант» и «адресат»

Адресантом писем является тайный советник В.Н. Татищев. Письма составлены от первого лица, о чем свидетельствуют личное (1 л. ед. ч.) и соотносимое с ним притяжательное местоимения, формы 1 л. ед. ч. глаголов в настоящем и будущем времени:

(1) ...я верить **не хочу** чтоб вы ... самой ей вредной побѣгъ совѣтовали (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141.

Л. 65); и потому писал я к нему (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 86 об.); **я надеюся** что ваше высокопочтение небезызвестны что Джэныбекъ батырь суда посланца **ко мне** с писмомъ прислал (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 88 об.); **по моему** писму для отыскания взятого полона и отгоненаго скота и лошадей от Красного Яра определили Джигартюля Батыра (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 90).

Адресант выражен речевой формулой, которая включает существительное в Род. п. с предлогом *от*, обозначающее чин и должность, а также антропоним: *от тайного совѣтника и Астраханского губернатора Татисчева*; в письмах представлен и сокращенный вариант: *от тайного совѣтника Татисчева*.

Адресаты дипломатических писем – представители кочевой знати, различающиеся по статусу: наместник и владельцы Калмыцкого ханства, кабардинские князья, старшина киргиз-кайсацкой Средней Орды, салтанульские (нагайские) мурзы и др. Письма адресованы как одному лицу, так и нескольким лицам. Указание на адресата осуществляется посредством речевой формулы, включающей употребленные в Дат. п. существительные, определяющие статус лица в соответствии с иерархией, которая принята в социальной системе того или иного народа, и антропоним; кроме того, в формулу входит устойчивое выражение, характеризующее статус адресата по отношению к центральной власти Российской империи или этикетное выражение уважения, например:

(2) Ея императорского величества верноподданному калмыцкому народу намѣстнику ханства Дундукъ Даше (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 20 об.); Ея императорского величества верноподданному калмыцкому владельцу Лабаньдундуку тайше с братьями і родственники (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 40 об.); ея императорского величества верноподданному киргиз кайсайкой Средней Орды старшине Джэныбекъ Батырю (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 75); Благородным и почтенным г<оспо>дамъ Кабардинскимъ князьям Магометъ Коргокину и Ха-саю Атажукину (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 65).

Для указания на адресата в тексте письма используется местоимение второго лица *Вы* и титульные обращения *Ваше высокопочтение*, *Ваше почтение*, реже *Ваше сиятельство*

ство и *Ваше благородие* (о них см.: [Горбань, Крамарова, 2024, с. 35]).

Параметр «функция»

Тематика анализируемых документов обусловлена многообразием задач, которые должен был решать губернатор и глава Комиссии. Письма посвящены ситуации в Калмыцком ханстве, отношениям соседних народов, вопросам экономического характера и др.

Письма выполняли функции информирования и регулирования, определяя соответствующую им модальность документа.

Функция информирования реализуется во всех письмах, поскольку они содержат сведения о какой-либо ситуации или по какому-либо вопросу, при этом документы могут быть монотемными, например, в письме киргиз Кайсацким старшинам Средней Орды уточняется место, куда необходимо прибыть их посланцам для договора с калмыцким ханством (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76 об.), или, реже, политемными, например, в письме наместнику Дундук-Даше представлены сведения по вопросу о дровах, рыбной ловле, о переселении крещеных калмыков и др. (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 38–40). Функция информирования определяет модальные значения реальности сообщаемого: события, отраженные в документах, как правило, относятся к прошлому или настоящему, что выражено предложениями со спрягаемыми формами глаголов.

Наряду с информированием письма дипломатического характера выполняют функцию регулирования, определявшую в качестве доминирующей модальность побуждения адресата к выполнению нужных адресанту действий или значимому бездействию, сохранению или изменению существующего положения дел.

Интенции адресанта обуславливают все вербальные средства, которые он применяет для реализации своего замысла. Однако специфика дипломатического взаимодействия, которая проявляется прежде всего в дипломатическом этикете [Удалых, 2007; Ярмаркина, 2021], накладывает ограничения на выбор речевых средств выражения интенций адресанта, в том числе, побуждения, связанного с волеизъявлением адресанта. В дипломатических письмах В.Н. Татищева побуди-

тельная модальность выражена разными способами: от эксплицитных, основанных на использовании регулярных средств реализации побудительности, до имплицитных, основанных на интерпретации того или иного высказывания как стимула к совершению действия. Проиллюстрируем сказанное примерами из анализируемых писем.

Побуждение адресата к совершению желаемых для адресанта действий может быть представлено как предписание и выражено кратким страдательным причастием от глагола с семантикой волеизъявления в сочетании с инфинитивом или независимым инфинитивом:

(3) Крещеных калмык всех по указу Ея имп. вел. [сокращено в тексте] **повелено** отсюда **вывести** а которые некрещеные лживо себя называют крещеными таковых по явному свидетельству наказав **возвратить** в прежние улусы (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 39);

(4) Калмыки что без надзирания у русских и татарь крадут оное весьма худо и для того по вашему разсуждению владельцемь комуждо своего улуса калмыкь **разобрать** и над ними зайсанговь сотниковь и десятниковь **определить**... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 39).

Прямое предписание встречается только в письмах, адресованных наместнику Дундук-Даши, видимо, потому что непосредственное управление Калмыцким ханством осуществлял Астраханский губернатор и руководитель «Калмыцкой комиссии», оно постепенно встраивалось в административную организацию российского государства. Однако и в этих письмах подчиняющее волеизъявление, как правило, смягчается, например, указанием на то, что окончательное решение принимает адресат письма (*по вашему разсуждению*), чего не наблюдается в деловых письмах, адресованных высокопоставленным лицам, выполнявшим на управляемой В.Н. Татищевым территории различные поручения центральной власти, комендантам волжских городов и крепостей и другим военным и гражданским лицам, обеспечивавшим деятельность Комиссии и губернских учреждений (см. об этом: [Шептухина, 2024]).

Побуждение может быть представлено как предписание, которое выражено сочетанием императива *извольте* и инфинитива гла-

гола, обозначающего предписанное к исполнению действие, это сочетание является формулой вежливости [Горбань, Крамарова, 2024, с. 35–36; Удалых, 2007, с. 8].

(5) а если вамь что-либо казатся будеть, то **извольте писать** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 43); того ради оных ваших посланцовь если вы не замешкаете, то **извольте прислать** суда (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 75 об.).

Этикетная формула, отчасти снижая категоричность предписания, сближает его с просьбой, однако при этом актуализируется соответствие предписанного действия высочайшим распоряжениям, а потому необходимость его выполнения:

(6) а вы никакимь действомь в то **вступать не извольте** какъ и всемилостивейшею Ея импер. вел. [сокращено в тексте] грамотою повелено (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 43).

Значительное количество контекстов содержит побуждение, выраженное в мягкой форме или имплицитно. Так, смягченное побуждение эксплицируется глаголами речевой деятельности *советовать* в перформативном употреблении:

(7) а что после за его безпутные поступки онь убить дундукъ даше вамь мстить и злобится причинь неть и онь с вами дружбу иметь по преждему не отрицается если токмо вы о томь к нему пришлете в чемь и я для спокоиства обсчего вамь **советую** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42 об.).

Совет оставляет адресату возможность выбора, предполагает для адресата необязательность совершения действия, поэтому адресант мотивирует его целесообразность (*для спокоиства обсчего*), стараясь решить проблему на основе уважительного отношения ко всем заинтересованным сторонам.

В большинстве исследуемых писем В.Н. Татищева побуждение имплицитно, оно вытекает из содержания высказывания. Как показано Л.В. Колобковой, исследовавшей эпистолярные тексты XVII – начала XVIII в., выражение волеизъявления, «наиболее часто сопровождается обращением говорящего / пишущего к широкой сфере эмоциональной и качественной оценки, через призму которой описывается насущное положение дел, требующее, с точки

зрения говорящего, изменения или сохранения» [Колобкова, 2008, с. 288]. Это утверждение спорно и для анализируемых нами писем.

Например, в письме кабардинскому князю Магомеду Кургокину с братьями от 20 января 1742 г. читаем:

(8) Ваше письмо к кизлярскому воеводе я получил немало удивился что вы пишете якобы для давной ссоры а особливо за убийство вами Бахти Гирея с Дундукъ Дашею помирится не можете, окоторомъ я Дундукъ Даше объявляя и онъ сказалъ что с Бахти Гиреем онъ дружбу иметь по представлению тогда кабардинскихъ владельцев в котором и вы сами участник были (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42 об.).

В письме ханше Джан от 19 января 1742 г. В.Н. Татищев пишет:

(9) С великим удивлениемъ невероятное я известие через приехавших от васъ калмыкъ получилъ якобы вы намерены в кабарду съ улусами откочевать, которому я не могу верить (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42).

Оба контекста (8) и (9), на наш взгляд, содержат побуждение. Во-первых, они представляют ситуацию через ее эмоциональное восприятие адресантом: употреблены лексические единицы, передающие интенсивную эмоцию удивления (*немало удивился, с великим удивлениемъ*). Во-вторых, подвергается сомнению достоверность полученных сведений: использован изъяснительный союз *якобы*, прилагательное *невероятный* (= невозможный, неправдоподобный), модальный глагол с отрицанием, выражающий невозможность (*не могу верить*). Указанные средства в совокупности формируют контекст, который можно трактовать как побуждение адресата к изменению ситуации, к совершению желательных для адресанта действий, в одном случае – примирение с соседями, в другом – отмена решения о кочевье.

В письмах тайного советника В.Н. Татищева способом побуждения адресата к совершению желаемых для адресанта действий, изменению / сохранению ситуации является выражение адресантом положительной или отрицательной оценки поведения адресата, его намерений, существующего положения дел. Например:

(10) С приехавшимъ посланцомъ от Дженъбекъ Батрякаемъ ваш посланецъ Джулдубай Давлетбаевъ здесь явился и при том доносил что вы с калмыцкимъ народомъ желаете быть в согласии и для того пришлете посланцовъ за что васъ **весма похваляю** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76); Прошедшаго декабря 7го числа 1741^г писалъ я со укенабай батыремъ средней орды къ абулмаметъхану баракъ салтану и Дженебекъ батырю по присланнымъ от нихъ писмамъ к калмыцкой ханше Джану по объявлению их желанія чтоб с калмыцкимъ народомъ жит в согласій, которое ихъ намерение **весма похваляю** чтоб они то согласіе с обе стороны утвердили и нерушимо содержали (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 86).

Положительная оценка, эксплицированная глаголом речевой деятельности *похвалять*, усиленная наречием *весма*, служит стимулом к продолжению действий адресата, направленных на создание условий для разрешения существующих противоречий между калмыками и киргиз-кайсаками.

Таким образом, функция регулирования реализуется речевыми средствами, предназначенными в языке для выражения побуждения и получающими такую возможность в определенных ситуативных контекстах.

Параметр

«характер передаваемой информации»

Этот параметр связан с функциями документа, в соответствии с которыми письмо передает содержательно-фактуальную информацию (по терминологии И.Р. Гальперина). Прежде всего, это сведения по делу – подробное изложение ситуации.

Фактуальная информация передается посредством лексических единиц, выражающих параметры «пространство» и «время»: вербально-цифрового обозначения даты и места создания документа, антропонимов, топонимов, гидронимов, наименований видов документов, наименований лиц по социальному статусу, термины родства (подробнее см. ниже).

Информация фактуального характера составляет основу содержания анализируемых документов. Кроме нее в письмах передается и социокультурная информация, которую, по мнению М.В. Косовой, «можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фак-

туальной информации. Передача такой информации не является целью документа, но содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений» [Косова, 2019, с. 11–12]. Социокультурный характер имеет информация о социальной иерархии, организации дипломатического взаимодействия, хозяйственной деятельности, бытового уклада и т. д.

Параметр «структура»

Структура (формуляр) письма задается его функциями, отражает статусные отношения адресанта и адресата. Исследуемые документы имеют свойственную деловым бумагам разных жанров трехчастную структуру: начальный протокол, основной текст, конечный протокол (обязательные элементы), и характерный для эпистолярных текстов постскриптум (факультативный элемент).

Начальный протокол содержит стандартизованное указание на адресата и адресанта письма:

(11) Благородному и почтенному господину кабардинскому князю Магометъ Коргокину с братьями от тайного советника Татисчева (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42 об.); Почтеннымъ г<ос>-подамъ Кабардинскимъ князьямъ Магометъ Коргокину и Хасаю Атажукину от тайного советника і астраханского губернатора Татисчева (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 458 об.).

Эта реквизитная формула отделена отступом от основной части документа.

Отметим, что этикетные обращения как элемент начального протокола, уже сложившиеся в русском дипломатическом этикете (см. о них: [Удалых, 2007, с. 8]), в исследуемых документах отсутствуют.

Основной текст документов состоит из двух структурно-содержательных частей: мотивировочной и констатирующей. В монотемных письмах мотивировочная часть представляет собой описание положения дел и, как правило, начинается отсылкой к иницирующему документу (с указанием вида документа, даты составления и даты получения) и детального пересказа его содержания. Иницирующими документами для составления анализируемых писем служили письма, направленные

В.Н. Татищеву адресатом письма, высочайшие указы, документы, полученные Татищевым от третьих лиц. Например:

(12) Вашего высокопочтенія письмо о улусахъ Лабанговыхъ получил (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 164); Ваше Сего февраля 18 числа присланнымъ доношениемъ маіоръ і черныярской комендантъ Беловъ от 14 числа объявляетъ, что... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 154).

В редких случаях мотивировочная часть начинается сразу с описания положения дел:

(13) Ея императорского величества верноподданному киргизкайсацкой Средней Орды Абулмаметъ Хану от тайного советника татисчева, Я надеяся что ваше высокопочтеніе небезызвестны что дженьбекъ батырь суда посланца ко мне с писмомъ прислал... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 88 об.).

Констатирующая часть содержит распоряжение по существу дела. Переход от мотивирующей части к констатирующей маркируется перформативами: *сообщаю, посылаю, объявляю* и др., например:

(14) сей день получилъ я от ея императорского вел<ичес>тва к вашему высокопочтенію всемилостивѣйшую грамату которую при семь і посылаю, и во исполнение оной вашему высокопочтенію **напоминаю**... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 103).

Политемные письма имеют усложненную структуру: в начале основного текста дается отсылка к иницирующему документу (указывается его вид и дата составления), а затем по каждой из обсуждаемых тем оформляется мотивировочная и констатирующая части (их речевое воплощение схоже с оформлением соответствующих частей монотемного письма). В таких письмах для разделения сведений по каждой из тем может использоваться нумерация.

Конечный протокол содержит дату составления письма. Она оформлена комбинированным способом и расположена сразу за основным текстом без отступов, например: *въ 20^{ве} февраля 1742^с; въ 9ое марта 1742^с.*

В конечный протокол писем, адресованных представителям киргиз-кайсацкой знати, как правило, входят комплиментарные формулы *Вашего высокопочтенія доброжела-*

тельный; *Вашего высокопочтения верный и доброжелательный*. Они даются в две строки и смещены к левому краю листа. Для писем Татищева наличие комплимента можно считать признаком, дифференцирующим адресатов дипломатической переписки.

Необязательным структурным элементом писем является постскриптум – предложение, содержащее дополнительную информацию, которая не связана с темой письма; он маркируется специальным латинским сокращением *P:S:*, например:

(15) *P:S:* По прозбе вашей джигартялеву жену андевлеть с сыномъ велел отыскивать и какъ отысчут то вашимъ посланцом отдадутъ (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76); *P:S:* По прозбе посланцовъ ваших... содержащихся здесь под караулом свойственниковъ ихъ Мурага аиваша и бай мурзу освободя к вам съ оными посланцы отпустил (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 190 об.).

Постскриптум не имеет фиксированного положения на листе. Как правило, он помещается после даты составления документа, хотя в некоторых письмах включается в конечный протокол и располагается между комплиментом и датой, как, например, в письме старшине киргиз-кайсацкой Средней Орды Ажанбеку батырю от 28 января.

Параметры

«пространство» и «время»

В изучаемых документах представлены реальное пространство, соотносимое с реальной действительностью, и социальное пространство, которое соотносится со структурой общества.

Реальное пространство репрезентировано нарицательными существительными, обозначающими поселения (*улус*), именами собственными, называющими определенные территории (*Средняя Орда, Младшая Орда, Кабарда*), гидронимами (*Волга, Ахтуба*), ойконимами (*Астрахань, Чёрный Яр, Красный Яр*). Кроме того, реальное пространство выражено лексическими единицами, обозначающими этническую специфику соседних народов (*калмыки, татары, киргиз-кайсацкий народ* и др.). Локализация документа осуществляется также посредством прилага-

тельных, которые, будучи образованными от наименований населенных пунктов и этнонимов, выражают отношение объектов и людей к определенной местности (*астраханский, кабардинский, салтанаульский, киргиз-кайсацкий, калмыцкий* др.). Пространственные отношения в реальном пространстве характеризуются в письмах посредством наречий (*суда, здесь*) и глаголов перемещения (*пойти, бежать, послать, прислать, прибыть* и мн. др.) в сочетании с существительными, эксплицирующими начальную и конечную точки движения.

Социальное пространство представлено в исследуемых документах словами и словосочетаниями, указывающими положение участников документируемых ситуаций в социуме. Это существительные, обозначающие военные и гражданские чины и звания, входящие в Табель о рангах (*тайный советникъ, майоръ, капитанъ, поручикъ* и др.), должности (*губернаторъ, комендантъ*), род деятельности в дипломатическом взаимодействии (*посланецъ, переводчикъ*) принадлежность к этнословной группе (*казакъ*), термины родства (*братья, сынъ, дети*). Широко представлен пласт лексем, отражающих социальную организацию Калмыцкого ханства и соседних народов (*наместник Калмыцкого ханства, хан, ханша, владельцы, мурзы, сераскер, зайсанг, батырь, юртовый калмык* и др.), их религиозную принадлежность (*крещеные калмыки*). Социальные отношения находят выражение в выборе адресантом средств речевого этикета и способов экспликации модальности побуждения (см. об этом выше).

Большим количеством лексических единиц представлена сфера делопроизводства. Это прежде всего названия документов (*известие, доношение, указ, письмо* и др.).

Время в исследуемых текстах является реальным. Оно представлено единицами, обозначающими временные промежутки и точные даты создания, отправки, получения документа, совершения документируемых событий. Кроме того, время репрезентуется грамматическими средствами – формами глаголов и некоторыми сложными синтаксическими конструкциями. Они, как было показано в одной из наших работ, образуют темпораль-

ную рамку, в которую вписывается развертывание событий, отраженных в документах [Горбань, Шептухина, 2023, с. 333].

Схема развертывания текстового времени в деловых письмах зависит от типа письма и связана с формуляром. В анализируемых документах представлены три временных плана (предшествующий, одновременный и последующий) и реализуется следующая темпоральная рамка: <описание предшествующих событий (формы прош. вр. в абсолютн. употребл. и наст. вр. в относительн. употребл.) перформатив (наст. вр.) – описание положения дел (формы прош. вр. в абсолютн. употребл. и наст. вр. в относительн. употребл.) – перечисление предписываемых действий (формы независимого инфинитива, императива, наст. и буд. вр. в абсолютн. употр.) – дата составления документа>. Точкой отсчета выступает дата составления документа.

Заключение

Многообразие задач, стоявших перед тайным советником, Астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии В.Н. Татищевым, определяло разнообразие документируемых ситуаций, которое нашло отражение в дипломатических письмах.

Они реализуют модель жанра документа, которая объединяет взаимодействующие между собой разноуровневые параметры: «адресант» и «адресат» (имеющие полномочия для принятия политических решений представители власти российского государства и соседних народов), «функция» (информирования и регулирования), «характер передаваемой информации (фактуальная и социокультурная)», «структура» (трехчастная, включающая обязательные и факультативные элементы), «модальность» (значения реального действия и побуждения), «пространство» (реальное и социальное), «время» (реальное – прошедшее, настоящее, будущее, организованное относительно точки отсчета, которой является дата составления документа).

Речевое воплощение жанровых параметров обнаруживает как стандартизованность, так и вариативность.

Стандартизованность обеспечивается речевыми формулами для выражения адресанта и адресата, комплимента, даты составле-

ния документа, их выделением из текста и фиксированным расположением на листе, что свидетельствует о формировании реквизитного состава писем. Как отличительную черту дипломатических писем В.Н. Татищева, адресованных степной знати, отметим отсутствие в них приветственного обращения. Стандартной для писем является трехчастная структура, включающая начальный протокол, основной текст (с делением на мотивировочную и констатирующую части) и конечный протокол, а также вынесение дополнительной информации в постскриптум (факультативный элемент).

Вариативность обнаруживается прежде всего в речевой реализации функции регулирования, которая обеспечивается актуализацией модального значения побуждения. Для его выражения в письмах использованы эксплицитные и имплицитные речевые средства, и прослеживается контекстуальное смягчение директивности волеизъявления адресанта. Выбор средств выражения побуждения, обусловленный статусом адресанта и спецификой документируемой ситуации, отражает дипломатический талант В.Н. Татищева.

Таким образом, результаты анализа жанровых параметров документов определенного вида и их речевой репрезентации позволили комплексно представить письмо как самостоятельный жанр дипломатического общения, отражающий развитие делового языка XVIII в. в его функциональном и региональном разнообразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А., 2021. В.Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. Т 14, № 5. С. 910–918. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2020. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Горбань О. А., Крамарова Т. В., 2024. Формулы речевого этикета в документах учреждений юга России XVIII века // *Восьмые Моисеевские чтения : материалы Междунар. науч. конф. студентов и преподавателей, посвящ. памяти канд. филол. наук, доц. Б. А. Моисеева (Оренбург, 22 нояб. 2023 г.)*. Оренбург : Оренбург. кн. С. 32–37.

- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2023. Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века // *Жанры речи*. Т. 18, вып. 4 (40). С. 330–336. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336
- Карданова Н. Б., 2013. Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 45 с.
- Колобкова Л. В., 2008. Имплицитное волеизъявление: неочевидное – вероятное // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению*: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. С. 285–292.
- Косова М. В., 2017. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // *Текст в языке, речи, культуре*: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2017. С. 123–134.
- Косова М. В., 2019. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>
- Ларина Я. И., 2023. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // *Quaestio Rossica*. Т. 11, № 4. С. 1196–1214. DOI: 10.15826/qr.2023.4.842
- Сусеева Д. А., 2015. О языке деловых писем В.Н. Татищева (1741–1745 гг.), относящихся к периоду его пребывания в должности руководителя Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и Астраханского губернатора (на материале национального архива республики Калмыкия) // *Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития*: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б.Х. Тодаевой. Элиста: Изд-во Калмыц. гос. ун-та. С. 33–39.
- Сусеева Д. А., 2018. В. Н. Татищев как глава Калмыцкой комиссии // *Восточный архив*. № 1 (37). С. 4–7.
- Сусеева Д. А., Брыкина Е. В., Супрун В. И., 2019. Русский язык XVIII века на окраинах России: переписка В. Н. Татищева с царьчинским комендантом и другими лицами (по материалам Национального архива Республики Калмыкия). Волгоград: Фортесс. 196 с.
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019. Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII в. // *Вопросы истории*. № 9. С. 114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17
- Торопицын И. В., 2012. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 3 (32). С. 26–36.
- Торопицын И. В., Сусеева Д. А., Кундакбаева Ж. Б., 2020. «Повелено мне киргиз кайсацкой народ с калмыцким примирить, чтоб оные оба народы между собою жили в согласии». К деятельности В.Н. Татищева на посту руководителя Калмыцкой комиссии. Первая половина 1740-х гг. // *Вестник архивиста*. № 2. С. 343–354. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-2-343-354
- Трофимова О. В., 2003. Процесс формализации речевых жанров и становление жанров русского документа // *Вестник Тюменского государственного университета*. № 4. С. 150–153.
- Удалых Г. Д., 2007. Дипломатическое письмо и его разновидности // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Вып. 6. С. 7–13.
- Цюрюмов А. В., Курапов А. А., 2021. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 1 (66). С. 9–15. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-009-015
- Шептухина Е. М., 2024. Деловые письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов национального архива республики Калмыкия) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 6. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9>
- Ярмаркина Г. М., 2021. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.) // *Oriental Studies*. № 14 (5). С. 1102–1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110
- Gorban O. A., Plyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M., 2017. *Cossack Military Charters of the Mid 18th Century: Genre Distinction* // *XLinguae Journal*. Vol. 10, iss. 3. P. 123–136. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.10

ИСТОЧНИК

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36 (Состоящий при калмыцких делах, при Астраханском губернаторе, г. Астрахань). Оп. 1.

REFERENCES

Batmaev M.M., Koltsov P.M., Murgaev S.M., Uంగాev S.A., 2021. V.N. Tatishchev i voprosy

- uluchsheniya ekonomicheskogo polozheniya kalmytskogo naroda [Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions]. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 5, pp. 910-918. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptuhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisaniye i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020. 464 p.
- Gorban O.A., Kramarova T.V., 2024. Formuly rechevogo etiketa v dokumentah uchrezhdeniy yuga Rossii XVIII veka [Formulas of Speech Etiquette in Documents of Institutions of the South of Russia of the 18th Century]. *Vosmye Moiseyevskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. studentov i prepodavateley, posvyashch. pamyati kand. filol. nauk, dots. B.A. Moiseeva (Orenburg, 22 noyab. 2023 g.)* [The Eighth Moses Readings. Proceedings of the International Scientific Conference of Students and Teachers Dedicated to the Memory of Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor B.A. Moiseev. Orenburg, November 22, 2023]. Orenburg, Orenburg. kn. Publ., pp. 32-37.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2023. Zhanrovaya obuslovlennost grammaticheskogo vyrazheniya tekstovogo vremeni v regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Genre Determination of Grammatical Expression of Textual Chronotope in Regional Documents of the 18th Century]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], vol. 18, iss. 4 (40), pp. 330-336. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336
- Kardanova N.B., 2013. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Pervogo dozham Venetsianskoy Respubliki: tematika, zhanr, stil, epistolnyy etiket: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Diplomatic Messages of Peter the Great to the Doges of the Venetian Republic: Subject Matter, Genre, Style, Epistolary Etiquette. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 45 p.
- Kolobkova L.V., 2008. Implitsitnoye voleizyavlenie: neochevidnoye – veroyatnoye [Implicit Expression of Will: Unobvious – Probable]. Vaulina S.S., ed. *Modalnost v yazike i rechi: novye podhody k izucheniyu: sb. nauch. tr.* [Modality in Language and Speech: New Approaches to Study. Collection of Scientific Papers]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, pp. 285-292.
- Kosova M.V., 2017. Dinamika zhanrovyykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII veka [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, and Culture. Collection of Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Kosova M.V., 2019. Zhanrovyye parametry pasporta serediny XVIII v. (po materialam arhivnogo fonda «Mihaylovskiy stanichnyy ataman») [The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>
- Larina Ya.I., 2023. Rossiysko-shvedskaya diplomaticheskaya kommunikatsiya v petrovskoye vremya: hronika vybora rabochego yazyka [Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no. 4, pp. 1196-1214. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2023.4.842>
- Suseeva D.A., 2015. O yazyke delovykh pisem V.N. Tatishcheva (1741–1745 gg.), otnosyashchihsya k periodu ego prebyvaniya v dolzhnosti rukovoditelya Kalmytskoy komissii pri Kollegii inostrannykh del i Astrakhanskogo gubernatora (na material natsionalnogo arhiva respubliki Kalmykiya) [On the Language of V.N. Tatishchev's Business Letters (1741–1745), Relating to the Period of His Tenure as Head of the Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs and the Astrakhan Governor (Based on the Material of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu B.H. Todaevoy* [Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Prospects of Development. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of B.H. Todaeva]. Elista, Izd-vo Kalmyts. gos. un-ta, pp. 33-39.
- Suseeva D.A., 2018. V. N. Tatishchev kak glava Kalmytskoy komissii [V. N. Tatishchev as the Head of the Kalmyk Commission]. *Vostochnyy arkhiv*, no. 1 (37), pp. 4-7.
- Suseeva D.A., Brysina E.V., Suprun V.I., 2019. *Russkiy yazyk XVIII veka na okrainah Rossii: perepiska V. N. Tatishcheva s tsaritsynskim komendantom i drugimi litsami (po materialam Natsionalnogo arhiva Respubliki Kalmykiya)* [The Russian Language of the 18th Century on the Outskirts of Russia: V.N. Tatishchev's Correspondence with the Tsaritsyn Commandant and Other Persons (Based on the Materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. Volgograd, Fortess Publ. 196 p.
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019. Problemy diplomaticheskogo perevoda v russko-kalmytsko-kazakhskikh otnosheniyah serediny XVIII v. [Problems of Diplomatic Translation in the

- Russian-Kalmyc-Kazakh Relation in the Middle of the 18th Century]. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 114-123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17
- Toropitsyn I.V., 2012. Vliyaniye vneshnepoliticheskikh faktorov na sudbu namestnika Kalmytskogo hanstva Donduka Dashi [Influence of Foreign Policy Factors on Destiny of the Deputy of the Kalmyk Khanate Donduk of Dasha]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], no. 3 (32), pp. 26-36.
- Toropitsyn I.V., Suseeva D.A., Kundakbaeva Zh.B., 2020. «Poveleno mne Kirgiz kaysatskoy narod s kalmytskim primirit, chtob onye oba narody mezhdru soboyu zhili v soglasii». K deyatelnosti V.N. Tatishcheva na postu rukovoditelya Kalmytskoy komissii. Pervaya polovina 1740-h gg. [“I Am Commanded to Make Peace Between the Kyrgyz-Kazakh and the Kalmyk People, So That These Two Peoples May Live in Mutual Concord”: Revisiting the Activities of V.N. Tatishchev as the Head of the Kalmyk Commission: The First Half of the 1740s]. *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], no. 2, pp. 343-354. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-2-343-354
- Trofimova O.V., 2003. Protseess formalizatsii rechevykh zhanrov i stanovleniye zhanrov russkogo dokumenta [The Process of Formalization of Speech Genres and the Formation of Genres of the Russian Document]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], no. 4, pp. 150-153.
- Udalyn G.D., 2007. Diplomaticheskoye pismo i yego raznovidnosti [Diplomatic Letter and Its Varieties]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 6, pp. 7-13.
- Tsuryumov A.V., Kurapov A.A., 2021. Evolutsiya politicheskogo statusa Kalmytskogo hanstva v Rossii [The Evolution of the Political Status of the Kalmyk Khan in Russia]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], no. 1 (66), pp. 9-15. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-009-015
- Sheptukhina E.M., 2024. Delovyye pisma V.N. Tatishcheva v zhanrovom aspekte (na materiale dokumentov natsionalnogo arhiva respubliki Kalmykiya) [V.N. Tatishchev’s Business Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 6, pp. 125-140. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9>
- Yarmakina G.M., 2021. Etiketnye formuly kak etnolingvisticheskiye komponenty originalnykh i perevodnykh kalmytskikh tekstov XVIII v. (na material pisem hana Ayuki i ih russkikh perevodov 1714–1715 gg.) [Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Letters by Khan Ayuka and Related Russian Translations, 1714–1715]. *Oriental Studies*, no. 14 (5), pp. 1102-1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2017. Cossack Military Charters of the Mid 18th Century: Genre Distinction. *XLinguae Journal*, vol. 10, iss. 3, pp. 123-136. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

SOURCE

Natsionalnyy arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36 (Consisting of the Kalmyk affairs, under the Astrakhan Governor, Astrakhan), inv. 1.

Information About the Author

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Информация об авторе

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.3>

UDC 811.161.1:070
LBC 81.411.2-51

Submitted: 20.02.2024
Accepted: 05.06.2025

ABSTRACT NAME “FEELING” IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA TEXTS

Kai Yan

Sun Yat-Sen University, Zhuhai, China

Abstract. The article is devoted to the description of the abstract name *feeling* in the Russian language consciousness against the background of contemporary Russian media texts. The research aims to present the abstract name *feeling* as a concept name in the Russian language consciousness based on the identified cognitive content, which is found in the semantic structure of the analyzed unit. The abstract name *feeling* is considered as a unit of language, culture, and language consciousness. The analysis of data presented in encyclopedic, explanatory, etymological, and associative dictionaries of the Russian language resulted in identification of basic cognitive categories, which constitute semantic essence of abstract name *feeling* and form the structure of concept name in the Russian language consciousness. The associative field, which includes the nucleus, centre, and periphery, has been reconstructed, the metaphorical models of the concept name under study have been identified. Cognitive categories and metaphorical models of the concept name *FEELING* representation are shown to reflect basic binary oppositions in the Russian language consciousness, including the spatial, ontological, quantitative, dynamic, qualitative, thermal ones. Contrasting the results of cognitive and linguoculturological modelling of the concept name *FEELING* with its explication in modern Russian media texts has demonstrated lower content intensity of textual representations of the content name under study. The paper shows that the integration of linguocultural science, cognitive science and psycholinguistics based on the interrelation between the language, culture, cognition (mentality of the speaker), and communication contributes to the formation of a unified theoretical and methodological basis for an independent scientific paradigm, i.e. cognitive linguocultural science.

Key words: feeling, model, media text, abstract name, language consciousness.

Citation. Yan K. Abstract Name “Feeling” in Russian Language Consciousness in Contemporary Russian Media Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 29-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.3>

УДК 811.161.1:070
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 20.02.2024
Дата принятия статьи: 05.06.2025

АБСТРАКТНОЕ ИМЯ «ЧУВСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

Кай Янь

Университет им. Сунь Ятсена, г. Чжухай, Китай

Аннотация. Статья посвящена описанию абстрактного имени *чувство*, отражающего фрагмент русского языкового сознания, на фоне современных русских медиатекстов. Цель исследования состоит в представлении абстрактного имени *чувство* как имени концепта на основе выявленного когнитивного содержания, которое входит в семантическую структуру проанализированной единицы. В результате исследования абстрактное имя *чувство* охарактеризовано как единица языка, культуры и языкового сознания. На основе изучения данных, зафиксированных в энциклопедических, толковых, этимологических, ассоциативных словарях, выделены базовые когнитивные категории, лежащие в основе семантики абстрактного имени *чувство* и формирующие структуру имени-концепта в русском языковом сознании, реконструировано

его ассоциативное поле, включающее ядро, центр и периферию, установлены метафорические модели рассматриваемого имени-концепта. Определено, что когнитивные категории и метафорические модели представления имени-концепта *ЧУВСТВО* отражают базовые бинарные оппозиции русского языкового сознания: пространственные, онтологические, количественные, динамические, качественные, термические. Сопоставление результатов когнитивно-лингвокультурологического моделирования имени-концепта *ЧУВСТВО* с его экспликацией в современных русских медиатекстах продемонстрировало меньшую содержательную насыщенность текстовых репрезентаций описываемого имени-концепта. В статье показано, что интеграция лингвокультурологии, когнитивистики и психолингвистики на основе взаимосвязи языка, культуры, познания (ментальности человека говорящего) и коммуникации способствует формированию единой теоретико-методологической основы самостоятельной научной парадигмы – когнитивной лингвокультурологии.

Ключевые слова: чувство, модель, медиатекст, абстрактное имя, языковое сознание.

Цитирование. Янь К. Абстрактное имя «чувство» в русском языковом сознании на фоне современных русских медиатекстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 29–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.3>

Введение

Абстрактное имя (далее – АИ) представляет собой один из важных объектов интегративных исследований, нацеленных на изучение проблем взаимодействия языка, культуры, лингвокультуры и языкового сознания человека говорящего.

В лингвистике АИ чаще всего рассматривается в рамках лингвокультурологического, лингвокогнитивного и сравнительно-сопоставительного подходов. Например, в свете лингвокогнитивного подхода Л.О. Чернейко и В.А. Долинский охарактеризовали АИ *судьба* как имя-концепт в русском языковом сознании [Чернейко, Долинский, 1996]; И.А. Бубнова описала абстрактное имя и его когнитивную модель как отражение индивидуального ментального опыта [Бубнова, 2004]; Е.С. Кубрякова выявила роли АИ для реконструкции концептуальных систем и структур человека [Кубрякова, 2006]. В рамках данного подхода посредством когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными были выявлены коннотации непрямых цветковых прилагательных [Чернейко, Ли, 2019]. В свете лингвокультурологического подхода С.Г. Воркачëв исследовал абстрактные культурные смыслы слова в русском языке [Воркачëв, 2021]; В.В. Красных и Лу Цзыи описали ассоциативно-образный компонент глагольных фразеологических единиц с абстрактным именем *мысль* в русском языке и культуре [Красных, Лу, 2021]; Л.О. Чернейко и Е.В. Феллер провели концептуальный анализ АИ *пустота* в художественных текстах

Л. Андреева [Чернейко, Феллер, 2023]. В свете сравнительно-сопоставительного подхода Х.С. Шагбанова описала имя-концепт эмоция / *emotion* в русском и английском языках [Шагбанова, 2023]; О.П. Шарипова охарактеризовала русские абстрактные слова и их отражение в таджикском языке [Шарипова] и др. (Оговоримся, что, поскольку данная статья не носит обзорного характера, мы не ставим цель описать все существующие научные труды, посвященные АИ.)

Исходя из вышесказанного, отметим, что изучение АИ как особого знака языка культуры (по В.Н. Телия) для выявления культурно-национальных особенностей языкового сознания представителей определенного социолингвокультурного сообщества еще не решена окончательно, что свидетельствует об актуальности проведенного исследования.

Цель нашей работы – представить АИ *чувство* как единицу языка и культуры, как имя-концепт в русском языковом сознании и в отобранных русских медиатекстах. Достижение указанной цели позволит обосновать гипотезу исследования, согласно которой, во-первых, семантическая структура АИ формируется сложными культуронасыщенными концептуальными составляющими, характерными и значимыми для менталитета носителей русской культуры; во-вторых, медиатексты содержат богатые социокультурные знания, создающие особое лингвокультурное пространство у носителей той или иной культуры; в-третьих, моделирование имени-концепта обнаруживает базовые стереотипы носителей русской культуры.

Материал и методы

Методологическую основу исследования составляют в первую очередь работы по лингвокультурологии. Мы опираемся на идеи В.Н. Телия, которая писала, что «лингвокультурология нацелена на изучение действия “языка в человеке” и, тесно сближаясь с когнитивистикой, выходит за пределы традиционной для лингвистики цели – изучение мыслительно-отражательных “следов” человека в языке на всем “пространстве” форм вербально-коммуникативного содержания и выражения языка – в сферу взаимодействия языка и культуры» [Телия, 2005, с. 9]. В таком случае, как отмечает Е.Г. Беляевская, в основе семантического содержания языковых единиц лежат когнитивные структуры, которые представляют собой комплексное образование, сформированное из однотипных когнитивных элементов [Беляевская, 2017а, с. 43]. Она считает, что для лингвокогнитивного подхода характерно применение двухуровневой модели семантики языковых знаков, включающей внешний («лексико-семантический уровень») и внутренний («глубинно-концептуальный уровень») репрезентации знания [Беляевская, 2017б, с. 67]. На собственно лексико-семантическом уровне «располагаются смыслы, воспринимаемая человеком информация, а в случае отдельных языковых единиц – их значения, зафиксированные в лексикографических источниках» [Беляевская, 2017б, с. 67]. Выделение концептуальных составляющих, лежащих в основе семантики языковых знаков, осуществляется в когнитивной лингвистике на основе принципов концептуализации и категоризации [Беляевская, 2017б, с. 68]. Согласно Е.Г. Беляевской, принципы категоризации, представляющие собой способы вербальной репрезентации знаний о мире, формирующиеся в определенном лингвокультурном сообществе, могут быть раскрыты только через призму изучения концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых знаков [Беляевская, 2007, с. 50]. В данной логике «процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания» [Краткий словарь когнитивных терминов..., 1996, с. 93].

Дж. Лакофф разграничивает два типа знания: дефиниционное (связанное с существенными признаками слов) и энциклопедическое (касающееся их случайных признаков) [Лакофф, 2011, с. 229]. Следовательно, формат знания, по мнению Н.Н. Болдырева, представляет собой специфическую форму или способ представления знаний, реализуемые на мыслительном или языковом уровнях [Болдырев, 2006, с. 5]. Иными словами, в основе семантики языковых знаков лежит ее (то есть семантики) сложное культурно-когнитивное содержание (символическое, метафорическое, концептуальное и др.), которое отражает особенности мировоззрения и миропонимания представителя того или иного лингвосоцикультурного сообщества и представляет собой особый формат знания – знание о мире, преломленное через призму языка и культуры.

Базируясь на вышесказанном, отметим, что изучение языка, культуры и ментальных структур человека демонстрирует тесную взаимосвязь методологических основ лингвокультурологии и лингвокогнитивистики (см. подробно об этом: [Красных, 1998; Ковшова, 2016; Зыкова, 2017; Ковшова, 2023; Ковшова, Орлова, 2024; и др.]), что свидетельствует о формировании в современном языкознании когнитивно-лингвокультурологической парадигмы как ветви лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (см. работы Е.Г. Беляевской, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, О.К. Ирихановой, В.И. Заботкиной, И.В. Захаренко, И.В. Зыковой, М.Л. Ковшовой, В.И. Карасика, М.И. Киосе, В.В. Красных, Н.А. Сергиенко, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко и др.). Когнитивная лингвокультурология, по мнению В.И. Заботкиной, позволяет «разработать интегрированное изучение способов получения знания, способов его выражения, хранения в ментальных моделях, его использования и передачи в различных типах дискурса, в различных ситуациях общения, в различных сообществах и культурах» [Заботкина, 2016, с. 109].

Опираясь на выше представленное, полагаем, что одной из задач современной (когнитивной) лингвокультурологии выступает моделирование концептуального и культурного содержания (по В.И. Заботкиной и И.В. Зыковой), которое лежит в основе семантики языковых знаков и с помощью

которого формируется коллективный и/или индивидуальный образ мира (по И.А. Бубновой) у носителей той или иной культуры. При этом концептуальное и культурное содержание языковых знаков можно рассматривать как средство хранения разного типа знания в языковом сознании человека (по М.Л. Ковшовой).

Описание АИ в языковом сознании носителей русской культуры осуществлено на основе ассоциативных данных (количество проанализированных реакций – 1 153, из них слов-реакций 1 136, отказ 17), которые были извлечены из Русского ассоциативного словаря (далее – РАС), Русской региональной ассоциативной базы данных (далее – СИБАС), Русского регионального словаря-тезауруса (далее – ЕВРАС); текстовых данных (НКРЯ) (количество контекстов около 3 000 единиц). Для разграничения проанализированных единиц нами использована следующая система шрифтов: имя «чувства» пишется прописным (ЧУВСТВО), имя концепта – малым прописным курсивом (*чувство*), имя существительное (лексема) – курсивом (*чувство*).

Многие исследователи полагают, что лексема *чувство* синонимична лексеме *эмоция*, однако мы будем, вслед за Н.А. Дмитриевой, придерживаться точки зрения, что слова *эмоция* и *чувство* в русском языке имеют разные смысловые составляющие (см. подробно: [Дмитриева, 2014, с. 211]).

Исследование выполнено с применением методов наблюдения и описания, а также количественного, семантического, ассоциативного и концептуального анализа.

Результаты и обсуждение

1. Имя, по А.Ф. Лосеву, есть результат человеческой мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения [Лосев, 1999, с. 8]. При этом имя есть смысловое выражение; именем и словами создан и держится мир; имя носит на себе каждое живое существо [Лосев, 1999, с. 59–60]. Л.О. Чернейко считает, что любое имя обобщает явления действительности и переводит его из пространства физического в ментальное [Чернейко, 1997]. Отношение носителя языка к АИ формируется на основе культурно обусловленных представлений о соответствующей аб-

страктной сущности, которые складываются в русле национальной традиции, на основе обычаев и передаются, в частности, посредством языкового средства [Чернейко, 2013, с. 236]. Смысловое содержание АИ моделируется через концепт, который объединяет логический и сублогический аспекты знания [Чернейко, 2013, с. 7], поскольку именно АИ наиболее часто связано с ключевыми концептами (особенностями осмысления мира) определенного лингвокультурного сообщества. При этом имя-концепт включает языковое выражение всех видов знания о явлении, которое стоит за ним [Чернейко, 2013, с. 238].

С опорой на положения концепций Е.Г. Беляевской, Дж. Лакоффа, Л.О. Чернейко и др. охарактеризуем феномен ЧУВСТВА, представленный в некоторых энциклопедических справочниках, и значение слова *чувство*, зафиксированное в лексикографических источниках.

ЧУВСТВО в энциклопедических словарях определяется как особый вид эмоций и психологического состояния человека (волнения), представляет собой разнообразные психические феномены (БЭС). Оно, как утверждают психологи, исторически формируется в процессе социализации человека, трансформируется под влиянием конкретных социальных условий (БПС) и определяется как особая форма эмоциональных переживаний человека, характеризующаяся предметной направленностью и устойчивостью (БСЭ), также понимается как эмоциональные связи человека с явлениями окружающей действительности, выражающие их значимость в контексте индивидуальных потребностей и мотивов (БПС).

Рассматривая значение лексемы *чувство* по данным лексикографических источников (историко-этимологических, семантических и толковых словарей русского языка), мы обнаружили, что данная лексема была заимствована из старославянского языка, она образована от *чувъ* – ‘способность чувствовать’, производное от глагола *чути*, который имел значение ‘чувствовать, слышать, ощущать, познавать’ (Словарь Фасмера; Словарь Шанского). Значение лексемы *чувствовать* в русском языке, по В.И. Далю, связано с такими глаголами, как *ощущать*, *слышать*, *осязать*, *познавать* (Словарь Даля).

Используя методику компонентного анализа слова [Чернейко, 2013] и данные толковых и семантических словарей русского языка, ранее мы выявили некоторые повторяющиеся значения лексемы *чувство*: '1) способность живого существа к восприятию внешних стимулов посредством сенсорных систем (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус); 2) психофизическое состояние живого существа, выражающееся в субъективных переживаниях и ощущениях; 3) то, что связано с проявлением чувства любви, испытываемого кем-л. к кому-л.' (см., например: [Янь, 2023, с. 97–103]).

Имя-концепт *ЧУВСТВО* в русском языке вербализуется посредством следующих языковых средств: 1) существительные (*ощущение, состояние, впечатление, переживание, восприятие, испытание*); 2) глаголы (*воспринимать, ощущать, испытывать*). При этом образ чувства в русской культуре непосредственно связан с проявлениями любви [Янь, 2023, с. 100].

Кроме указанных языковых репрезентаций (существительных и глаголов) имени-концепта *ЧУВСТВО* в лексикографических источниках представлены некоторые его (концепта *ЧУВСТВО*) концептуальные составляющие в русском языковом сознании: 1) базовые когнитивные категории: состояние, действие, вкус; 2) некоторые метафорические реализации концепта: чувство – это стихия, чувство – это пища, чувство – это человек. Полагаем, что имя-концепт *ЧУВСТВО* в русском языковом сознании тесно связано с базовыми оппозициями «свой – чужой», «вкус – безвкусице», «внутри – снаружи». На основе выделенных базовых оппозиций по методике И.В. Зыковой были определены соответствующие культурно-концептуальные представления о границе, ощущении, пространстве (см., например: [Янь, 2018; и др.]).

2. По мнению М.Л. Ковшовой, «лингвокультурология исследует языковой код как вербальную часть кода культуры, ставит в центр изучения человека – субъекта языка и культуры, носителя разного типа знаний» [Ковшова, 2023, с. 750]. В исследовательской практике возможно применение методов интроспективного анализа и экспериментальных методик, позволяющих изучать речемыслительные и коммуникативные процессы, свя-

занные с особенностями языкового сознания человека [Ковшова, 2023, с. 750]. Мы принимаем дефиницию термина «языковое сознание», данную Н.В. Уфимцевой и Е.Ф. Тарасовым, толкующим его как «совокупность знаний, ассоциированных с языковыми знаками, которые используются для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания» [Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 20]. Первичные и вторичные образы, по мнению исследователей, «являются средствами формирования содержания мысли до ее оречевления при помощи языковых знаков, у которых с телами этих знаков ассоциированы общественно отработанные знания» [Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 20].

С опорой на данные ассоциативных словарей (РАС, СИБАС, ЕВРАС) нами было смоделировано ассоциативное поле (далее – АП) на стимул лексемы *чувство* в русском языковом сознании, которое представим в соответствии с количественным параметром (см. табл. 1). В структуре АП нами были выделены ядро (выявлено самой частотной реакцией), центр (представлен наиболее частотными реакциями) и периферия (образуется единичными реакциями).

3. С применением принципов анализа, обоснованных В.В. Красных и Н.Н. Болдыревым [Красных, 2002; Болдырев, 2006], все слова-реакции объединены нами в категории (см. табл. 2). Когнитивная категория понимается как «концептуальное объединение, или организация, каких-либо объектов по определенным семантическим признакам или свойствам» [Янь, 2018, с. 12].

Базируясь на выделенных категориях, мы представили их реализацию в современных русских медиатекстах, чтобы определить степень их релевантности для современного социокультурного контекста.

4. Рассмотрим примеры проявления базовых когнитивных категорий концепта *ЧУВСТВО* в современных русских медиатекстах.

ОЩУЩЕНИЕ, ЧУВСТВО, ЭМОЦИЯ. По словам парламентария, в боевое братство десантников объединяет важнейшее *чувство – любовь к Родине* (НКРЯ: Клинецвич поздравил военнослужащих и ветеранов с Днем ВДВ // Парламентская газета, 2019.08.02).

Таблица 1. Ассоциативное поле лексемы *чувство* в русском языковом сознании

Table 1. The associative field of the lexeme *feeling* in Russian language consciousness

№	Структура АП	Реакции	Частота и частотность (абсолютное выражение, %)
1	Ядро	любовь 231	231 (20,03)
2	Центр	юмора 86; любви 52; вины, долга 51; сильное 23; голода 20; страха 19; радость 16; достоинства 15; меры 14; ощущение 14; гордости; 13; эмоции 12; эмоция 12; ответственности, радости, юмор 11; боль, глубокое 10; долг, сердце 9; страх, счастья, шестое 8; вина, голод, гордость, достоинство, хорошее 7; жалости, мести, ответственность, ритма, стыда 6; дома, жизнь, одиночества, седьмое, совести, собственности, счастье 5; большое, душа, обиды, осязание, собственного достоинства, состояние, страсть 4; высокое, долго, желание, жизни, мера, нежность, ненависть, прекрасное, ревности, смерти, справедливости, удовлетворения, человек 3; веры, взрыв, внутри, восприятие, дружба, интуиция, искреннее, искренность, личное, любить, мысли, настоящее, нежное, ответное, прекрасно, прекрасного, пять, ревность, самосохранения, сострадания, стиля, стыд, тоски, тревоги, умора, удовлетворение, холод, холода, чистое, эйфория, feeling 2	722 (62,62)
3	Периферия	апатии, бред, верность, веселый, вещь, вызвать, вызывать, глаз, горячее, дума, запах, лень, локтя, луна, нежное = любовное, неотесанности, нет, нравственности, обида, отупения, родное, романтика, слово, слух, суматоха, успокоенности, холодно, язык, sense, апатия, бабочки, без чувств, благородство, блаженство, взаимное, вкус, влюбился, влюбленности, внезапное, возвышающее, восторг, временное, гнева, гордый, дежавю, доброты, доверия, жажда, жажды, зависти, зависть, зло, злости, иллюзия, искренние, испытывать, к другому человеку, легкость, любовь ... ненависть, мило, милосердие, мука, наличие души, недоверие, неприятное, нерв, нервы, нечувство, нюх, опасность, осуждение, отсутствуют, охватывает, палец, первое, переполняющее душу, понимание, предчувствие, притуплено, приятное, пылкое, равновесия, разочарования, растерянности, рвение, реальность, редкость, свобода, секрет, силы, система, скорби, скрыть, слезы, смелости, смерть, совесть, сознания, спокойный, стиль, странное, стремление, тревога, трепет, удовольствия, успех, холодность, чувствительный 1, благодарности, близость, боли, будет, взаимность, виновности, воли, восторга, времени, в сердце, греха, добро, жалость, забота, защищенность, злость, идеал, инстинкт, испытание, каламбур, касание, крепкие; любовь, радость; любовь, страсть; накопело; наслаждение; насыщенности; нежности; неудовлетворения; обманчиво; обоняние; ожог; опасности; острое; открытое; отягчает; ощущения; победа; подвох; поддержки; полное; похоти; приятно; просто; радостное; раскаяние; река; рождается; сантименты; светлое; свойство человека; сердце, душа; скромности; слабости; собственность; сожаления; сохранения; страсти; страх, боль; теплое; тяжести; уверенность; уныния; утихло; феромоны; часто; человечность; честное; что-то; что-то важное; чувство; шесть; щемящее; эмпатии; явление 1	183 (15,87)

Таблица 2. Когнитивные категории концепта ЧУВСТВО в русском языковом сознании (данные приводятся по убыванию количества реакций)

Table 2. Cognitive categories of the concept FEELING in Russian language consciousness (the data are arranged in descending order by the number of reactions)

№	Категории	Реакции	Частота и частотность (абсолютное выражение, %)
1	Ощущение, чувство, эмоция	любовь 231; любви 52; вины 51; голода 20; страха 19; радость 16; ощущение 14; эмоции 12; эмоция 12; радости 11; боль 10; страх 8; счастья 8; вина 7; голод 7; стыда 6; жалости 6; одиночества 5; счастье 5; совести 5; состояние 4; страсть 4; обиды 4; осозание 4; удовлетворения 3; нежность 3; ненависть 3; ревности 3; интуиция 2; любить 2; стыд 2; тоски 2; тревоги 2; ревность 2; нежное 2; удовлетворение 2; эйфория 2; feeling 2; сострадания 2; апатии 1; обида 1; апатия 1; sense 1; чувство 1; щемящее 1; без чувств 1; блаженство 1; внезапное 1; восторг 1; гнева 1; любовь ... ненависть 1; тревога 1; странное 1; восторга 1; любовь, радость 1; любовь, страсть 1; удовольствия 1; нежности 1; неудовлетворения 1; радостное 1; страх, боль 1; влюбленности 1; жажда 1; жажды 1; зависти 1; зависть 1; зло 1; злости 1; иллюзия 1; мило 1; милосердие 1; мука 1; неприятное 1; нечувство 1; приятное 1; пылкое 1; разочарования 1; скорби 1; боли 1; виновности 1; успех 1; жалость 1; забота 1; злость 1; наслаждение 1; ощущения 1; победа 1; похоти 1; приятно 1; раскаяние 1; сантименты 1; сожаления 1; страсти 1; уверенность 1	611 (52,97)
2	Способность	юмора 86; юмор 11; веры 2; верность 1; инстинкт 1; обоняние 1; вкус 1; слух 1; запах 1; нюх 1	106 (9,19)
3	Моральная ценность	долга 51; ответственности 10; долг 9; ответственность 6; справедливости 3; нравственности 1; человечность 1	81 (7,03)
4	Характеристика	достоинства 15; гордости 13; гордость 7; достоинство 7; умора 2; стиля 2; благородство 1; доброты 1; смелости 1; гордый 1; добро 1; неотесанности 1	52 (4,51)
5	Состояние	смерти 3; желание 3; настоящее 2; веселый 1; лень 1; нежное = любовное 1; отупения 1; успокоенности 1; суматоха 1; эмпатии 1; возвышающее 1; нерв 1; нервы 1; опасность 1; притуплено 1; свобода 1; рвение 1; растерянности 1; равновесия 1; смерть 1; спокойный 1; чувствительный 1; защищенность 1; трепет 1; обманчиво 1; опасности 1; открытое 1; слабости 1; сохранения 1; уныния 1	35 (3,04)
6	Действие	мести 6; восприятие 2; взрыв 2; мысли 2; вызвать 1; вызывать 1; влюбился 1; дежавю 1; испытывать 1; отсутствуют 1; охватывает 1; понимание 1; предчувствие 1; осуждение 1; скрыть 1; будет 1; испытание 1; накопело 1; поддержки 1; рождается 1; утихло 1	29 (2,52)
7	Объект	ритма 6; жизнь 5; жизни 3; вещь 1; луна 1; слово 1; язык 1; явление 1; что-то 1; что-то важное 1; секрет 1; сознания 1; система 1; греха 1; идеал 1; феромоны 1; дума 1	28 (2,43)
8	Сила	сильное 23; силы 1; крепкие 1	25 (2,17)
9	Степень	глубокое 10; высокое 3; долго 3; близость 1; насыщенности 1; острое 1; полное 1; редкость 1; часто 1	22 (1,91)
10	Принадлежность	собственности 5; собственного достоинства 4; личное 2; самосохранения 2; ответное 2; родное 1; собственность 1	17 (1,47)
11	Граница	меры 14; мера 3	17 (1,47)

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№	Категории	Реакции	Частота и частотность (абсолютное выражение, %)
12	Число	шестое 8; седьмое 5; пять 2; шесть 1; первое 1	17 (1,47)
13	Свойство	прекрасное 3; прекрасно 2; прекрасного 2; искреннее 2; искренность 2; искренние 1; свойство человека 1; светлое 1	14 (1,21)
14	Тело человека	сердце 9; глаз 1; сердце, душа 1; палец 1; локтя 1	13 (1,13)
15	Качество	хорошее 7; чистое 2; честное 1	10 (0,87)
16	Температура	холод 2; холода 2; горячее 1; холодно 1; холодность 1; теплое 1	8 (0,69)
17	Отношение	дружба 2; взаимное 1; взаимность 1; доверия 1; недоверие 1; касание 1; скромности 1	8 (0,69)
18	Психический мир человека	душа 4; наличие души 1; переполняющее душу 1; совесть 1	7 (0,61)
19	Место	дома 5	5 (0,43)
20	Объем	большое 4	4 (0,35)
21	Вес	легкость 1; отягчает 1; тяжести 1	3 (0,26)
22	Пространство	внутри 2; в сердце 1	3 (0,26)
23	Субъект	человек 3	3 (0,26)
24	Время	временное 1; времени 1	2 (0,17)
25	Жидкость	слезы 1; река 1	2 (0,17)
26	Другие	бред 1; нет 1; романтика 1; благодарности 1; каламбур 1; ожог 1; подвох 1; просто 1; воли 1; реальность 1; стремление 1; к другому человеку 1; бабочки 1; стиль 1; отказ 17	31 (2,69)

СПОСОБНОСТЬ. Им нужно досконально знать историю и географию, особенности объектов показа, а главное – быть контактными людьми, иметь **чувство юмора**, ораторские способности и много других навыков (НКРЯ: Услуги на курортах Краснодарского края должны оказываться только самого высокого класса // Парламентская газета, 2021.07.02).

МОРАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ. Станиславу Сергеевичу было присуще **чувство справедливости** (НКРЯ: Володин возложил цветы к памятнику Говорухину // Парламентская газета, 2021.06.14).

ХАРАКТЕРИСТИКА. И все же Инна Чурикова, которой какое-то особенное, **природное чувство достоинства** позволяет, как и ее героине, быть разной, в том числе и уставшей от роли морального авторитета, – преодолевает эту старательность текста, превращая свою Елизавету из четко прописанного персонажа в человека противоречивого, живого, не прикрывающегося никакой маской (НКРЯ: Анна Банасюкевич. К королеве на поклон // lenta.ru, 2017.05.27).

СОСТОЯНИЕ. Ахмад не знал, как успокоить в себе **клокотавшее чувство радости**, чтобы не умереть от восторга (НКРЯ: Вален-

тин Никитин. Время сладкого янтая (главы из романа) // «Дальний Восток», 2019).

ДЕЙСТВИЕ. Всеми остальными героями движет ненависть, это всепоглощающее **чувство охватывает** их из-за любви Волкова и Ларисы (НКРЯ: Мигулина Катерина. Алексей Пиманов: «Стараюсь не мстить тем, кто меня предает» // Труд-7, 2008.07.09).

ОБЪЕКТ. Добавим, что ранее другая группа ученых выяснила, что хорошее **чувство ритма** может помочь в изучении иностранных языков (НКРЯ: Отсутствие чувства ритма может быть вредным для здоровья // vesti.ru, 2014.11.13).

СИЛА. Это было **сильное чувство**, мы не могли скрыть это ни от себя, ни от окружающих (НКРЯ: Судьба человека. Запретная любовь Екатерины Климовой // vesti.ru, 2020.08.05).

СТЕПЕНЬ. Оба на тот момент были несвободны, но служебный роман перерос в **настоящее глубокое чувство** (НКРЯ: «Вампирша» Анна Дубровская чудом избежала гибели вместе с группой Бодрова-младшего // vesti.ru, 2020.04.15).

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. Общую ответственность и **чувство собственности** осознают далеко не все (НКРЯ: Как вернуть

жильцам права на чердаки и подвалы // Парламентская газета, 2021.10.29).

ГРАНИЦА. Депутат Госдумы Виталий Милонов призвал мэра Южно-Курильска Вячеслава Власенко соблюдать **чувство меры** (НКРЯ: Милонов пристыдил главу Южно-Курильска, пристававшего к коллеге // РИА Новости, 2020.04.07).

ЧИСЛО. Среди них – «Дети кукурузы» 1984 года, «Человеческая многоножка» 2009 года, «Восставший из ада» 1987-го, «Ловец снов» 2003 года, «Шесть демонов Эмили Роуз» 2005 года и «**Шестое чувство**» 1999-го (НКРЯ: Любителям фильмов ужасов помогут «наложить в штаны от страха» // lenta.ru, 2018.03.15).

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА. Спросите себя, что вам нужно: **греющее сердце чувство** или богатая внутренняя пустота? (НКРЯ: Ксения Конюхова. ЕГЭ. 1914 год... // Комсомольская правда, 2014.06.09).

КАЧЕСТВО. Если у вас осталась «дырка» там, между внешней средой и мозгом, и эту дырку можно продиагностировать, потому что у нас не такое **хорошее чувство** запахов, чем раньше, или полное отсутствие запаха, то в эту дырку уже после того, как коронавирус ушел, что-то еще может залезть (НКРЯ: Биолог рассказала об опасности потери обоняния при COVID-19 для мозга // lenta.ru, 2020.12.05).

ТЕМПЕРАТУРА. А также не создавать дополнительной нагрузки на сосуды: курение провоцирует их спазм, соответственно **чувство холода** ощущается сильнее (НКРЯ: Когда мерзнут руки и ноги // Аргументы и факты, 1999.02.03).

ОТНОШЕНИЕ. Дружба – **чувство** такое же загадочное, как и любовь: с ней все так же непонятно (НКРЯ: Два художника-друга рисовали друг друга // lenta.ru, 2019.03.11).

СВОЙСТВО. Это было **прекрасное чувство** – танцевать ночью в Москве на Красной площади, в России, откуда вышли самые знаменитые в мире танцоры (НКРЯ: Беседовал Петр Каменченко. «Русские стремятся к невозможному» // lenta.ru, 2019.11.06).

МЕСТО. Да, это очень важно: **чувство дома**, защищенности, когда для пациента – это все мое, и я тут я (НКРЯ: Зоя Ерошок. «Если любовь и можно чем-то заменить – то только памятью». Вспоминая основательницу

Первого московского хосписа Веру Миллиончикову // Новая газета, 2018.10.05).

ОБЪЕМ. Легкое чувство опоры, тяжелое чувство бесконечного пространства, горькое **маленькое чувство** живой жизни, которая так коротка и так необязательна (НКРЯ: Александр Сокуров. Элегия из России, 2007).

ВЕС. Другой вопрос, что одни страдают явной фобией, а другие испытывают лишь **легкое чувство** дискомфорта при виде множественных отверстий (НКРЯ: Страх перед ажурными блинчиками: мы инстинктивно боимся отверстий // vesti.ru, 2013.09.10).

ПРОСТРАНСТВО. Все дело в **чувствах**, отсюда и слезы (НКРЯ: Евгения Грудинина, Ольга Белодед. Четверо фабрикантов развлекали ростовчан и шутили на разные темы (2004) // Приазовский край, 07.10.2004).

СУБЪЕКТ. Это **чувство идет** рядом с жалостью (НКРЯ: В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх // Аргументы и факты, 2006.04.07).

ВРЕМЯ. Это инфракрасный лазер, который вызывает **временное чувство** жжения на коже (НКРЯ: Американцы будут разгонять демонстрации лазерным оружием // vesti.ru, 2009.10.02).

Результаты выборки показали, что не все когнитивные категории имени-концепта **ЧУВСТВО**, которые выявлены по данным лексикографических источников и ассоциативных экспериментов, актуализируются в современных русских медиатекстах. Этот факт свидетельствует о том, что: 1) данные лексикографических источников и ассоциативных экспериментов представляют более полные возможности для выявления когнитивного содержания исследуемой единицы в языковом сознании носителей русской культуры; 2) культурные знания, связанные с именем-концептом **ЧУВСТВО** и зафиксированные в русском языковом сознании, как свидетельствуют данные лексикографических источников и ассоциативных экспериментов, отличаются большей содержательной насыщенностью по сравнению с их репрезентацией в современных русских медиатекстах.

5. Охарактеризуем метафорические модели реализации концепта **ЧУВСТВО** в русской лингвокультуре и их отражения в современных русских медиатекстах.

Абстрактные имена, как считает Л.О. Чернейко, составляют большую часть ключевых слов культуры. «Имя абстрактного феномена является его единственным материальным воплощением, а представления, сложившиеся в социуме о феномене, являются культурно значимыми смыслами, направляющими сочетаемость АИ в речи и в речевой деятельности, что позволяет реконструировать портрет феномена во всех сложившихся в культуре его проекциях на фрагменты эмпирического опыта» [Чернейко, Феллер, 2023, с. 205] (курсив наш. – К. Я.). При этом лингвокультурологическая реконструкция системы знания, «стоящего за АИ феномена как культурно значимой абстракции, вокруг которой развивается полилог, осуществляется методом концептуального анализа АИ» [Чернейко, Феллер, 2023, с. 207].

Концептуальный анализ АИ, по Л.О. Чернейко и В.А. Долинскому, «базируется на буквальном прочтении в первую очередь таких узуально сочетающихся с ним глаголов физического действия, которые несут информацию о классе явлений, принимающих этот акциональный признак» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 22]. Сочетаемость имени в этом ракурсе «есть внешнее, поверхностное проявление его глубинных ассоциативных контуров, складывающихся из имплицитных субстантивных лексических параметров» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 22]. Следовательно, «сочетаемость имени предопределяется его глубинным ассоциативным потенциалом, который раскрывается в ассоциативном эксперименте, прямо ориентированном на говорящего и позволяющем исследователю смоделировать внерациональную, сублогическую структуру языкового сознания» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 22].

На основе методики Л.О. Чернейко (о ней см.: [Чернейко, 1997; Чернейко, Ли, 2019; и др.]) и данных ассоциативного поля лексем *чувство*, а также с учетом выделенных базовых когнитивных категорий нами были определены некоторые метафорические модели (X – ЭТО Y) имени-концепта *ЧУВСТВО* в русском языковом сознании и показана их репрезентация в современных русских медиатекстах.

«ЧУВСТВО – ЭТО СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ». В рамках данной метафоры концепт

ЧУВСТВО мыслится как субъект действия, что репрезентируется с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *охватывает*, *чувство* → *будет*, *чувство* → *накипело*, *чувство* → *рождается*, *чувство* → *утихло* и др.: *А когда мне подалось на глаза стихотворение Берггольц, которое я не знала, первым было резкое ощущение: «Господи, я же этого не писала...». Потом, к сожалению, это чувство ушло. И когда мне приходилось читать стихи Ольги Федоровны на телевидении или со сцены, я их уже читала не как автор... (НКРЯ: А.С. Демидова. Бегущая строка памяти, 2000).*

«ЧУВСТВО – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО». В рамках данной метафоры концепт *ЧУВСТВО* мыслится как человек, что репрезентируется с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *человек*, *чувство* → *боль*, *чувство* → *смерти*, *чувство* → *жизнь*, *чувство* → *долга*, *чувство* → *ответственность*, *чувство* → *слезы*, *чувство* → *сердце*, *чувство* → *глаз*, *чувство* → *локтя* и др.: *Это было такое чувство... Человек – это чувства, которые он испытывает (НКРЯ: 80 лет назад, 15 августа 1937 года, вышел приказ НКВД «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины» // Новая газета, 2017.08.16).*

«ЧУВСТВО – ЭТО ПИЩА». В рамках данной метафоры концепт *ЧУВСТВО* мыслится как пища (еда, питание) человека, что репрезентируется с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *вкус*, *чувство* → *нюх*, и др.: *С верного пути ее сбило новое неизведанное чувство – вкус легких денег (НКРЯ: Ольга КАРПОВА. Фирма по установке окон нагрела 53 челябинца // Комсомольская правда, 2011.01.14).*

«ЧУВСТВО – ЭТО ПРЕДМЕТ». В рамках данной метафоры концепт *ЧУВСТВО* мыслится как предмет, который имеет: 1) температуру, и выражается с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *холод*, *холода*, *холодно*, *холодность*; *чувство* → *горячее*, *теплое*; 2) свойство, и выражается с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *глубокое*, *высокое*, *острое*, *полное*, *сильное*, *крепкое* и др.: *Другое дело – ирония, холодное чувство, очень характерное, кстати, для периода Серебряного века (НКРЯ: Александр Щипков: Ирония и христианство несовместимы // Парламентская газета, 2018.01.29).*

«ЧУВСТВО – ЭТО ПРОСТРАНСТВО». В рамках данной метафоры концепт *ЧУВСТВО* мыслится как пространство вместилища, что репрезентируется с помощью следующих слов-реакций: *чувство* → *внутри*, *чувство* → *в сердце*, *чувство* → *влюбился* и др.: *Честно говоря, у меня до сих пор какое тревожащее чувство внутри* (НКРЯ: Игорь Улитин. Впервые с царских времен чиновники приняли присягу // Комсомольская правда, 2012.03.24).

С опорой на выявленные базовые когнитивные категории и метафорические модели имени-концепта *ЧУВСТВО*, полагаем, что в русской культуре ЧУВСТВО как психологическое состояние и ощущение репрезентируется через: внутреннее выражение (любовь, вина, голод, страх, радость, ощущение, эмоция) и внешнее выражение (сенсорные способности человека – ощущение, восприятие, слушание, видение, обоняние, осязание). Отсюда вытекают некоторые базовые свойства имени-концепта *ЧУВСТВО* в русском языковом сознании: ощущение, состояние, эмоция, способность, любовь. Позволим себе предложить, что указанное имя-концепт демонстрирует системную взаимосвязь с некоторыми базовыми бинарными оппозициями русского языкового сознания: пространственные (внутри – снаружи, свой – чужой), физиологические (способность – неспособность), онтологические (живой – мертвый), количественные (большой – маленький), динамические (действие – бездействие), качественные (сильный – слабый) и термические (холод – тепло), а также выявить соответствующие культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций: пространство, граница, интеллект / способность, существо, объем, движение, качество, температура.

6. Метод моделирования имени-концепта в русском языковом сознании был разработан на междисциплинарной основе с опорой на методы современной лингвокультурологии, когнитивистики, психолингвистики и др. (на основе работ Е.Г. Белявской, А.А. Залевской, В.И. Заботкиной, Е.В. Зыковой, Д.Б. Гудкова, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, М.Л. Ковшовой, Н.И. Кургановой, В.В. Красных, А.А. Леонтьева, В.А. Пищальниковой, Р.М. Скорняковой, Е.Ф. Тарасова, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой, Р.М. Фрумкиной, Л.О. Чернейко и др.).

В психолингвистике моделирование, вслед за А.А. Леонтьевым, понимается как конструирование другого – реального или воображаемого – объекта, изоморфного данному в каких-то существенных признаках. При подобном конструировании мы обязательно воспроизводим специфические свойства, обычно принципы организации и функционирования исследуемого объекта» (цит. по: [Уфимцева, 2016, с. 244]). Н.И. Курганова пишет, что моделирование структурных параметров, «не просто фиксирует набор смыслов, конструируемых в ходе смыслообразовательной активности, но и ранжирует их в соответствии с ценностными установками культур, опытом и знаниями носителей языка» [Курганова, 2019, с. 29].

В.И. Карасик считает, что лингвокультурологическое моделирование является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики (см. подробно: [Карасик, 2020]). Отметим, что термин «лингвокультурологическое моделирование» был введен в научный оборот Р.М. Скорняковой, которая определяет его с точки зрения «моделирующего субъекта – исследователя» [Скорнякова, 2009; и др.]. Согласно концепции Р.М. Скорняковой, лингвокультурологическое моделирование – это «интегративный метод» исследования, который представляет собой систему научных приемов и процедур, имеющих целью реконструировать фрагмент языкового сознания человека через анализ их языковых воплощений [Скорнякова, 2009, с. 30].

В современной когнитивной лингвистике, как считает Е.Г. Беляевская, основное внимание «уделяется демонстрации результатов моделирования семантики языковых единиц или высказываний как части решения двух основных проблем, составляющих предмет изучения в рамках когнитивного подхода к языковым явлениям, – концептуализации и категоризации» [Беляевская, 2014, с. 13]. Основываясь на результатах проведенного выше описания (то есть на результатах объединения данных анализа лексикографических источников, ассоциативных экспериментов, отобранных русских медиатекстов из НКРЯ), мы построили когнитивно-лингвокультурологическую модель имени-концепта *ЧУВСТВО* в русском языковом сознании (см. табл. 3). Структуру модели составляют следующие параметры: 1) свойство и

формы проявления; 2) базовые когнитивные категории; 3) метафорические модели; 4) базовые бинарные оппозиции; 5) культурно-концептуальные составляющие выделенных оппозиций (алгоритм см. в: [Янь, 2018; и др.]).

По содержанию представленной модели концепта ЧУВСТВО можно обнаружить, что за исследуемой единицей имени-концепта стоят сложные культуронасыщенные когнитивные составляющие, которые формируют особую систему знания как фрагмент языкового сознания носителей русской культуры. Кроме того, все выделенные стереотипные признаки имени-концепта ЧУВСТВО также могут образовать смысловое пространство и реализоваться в отобранных современных русских медиатекстах.

Заключение

Результаты проведенного анализа сводятся к следующему:

1) в основе семантики АИ *чувство* лежат многослойные культурные значимые смыслы, за которыми стоит сложное когнитивное содержание, характерное для системы ценностей носителей того или иного языка (по Е.Г. Беляевской);

2) применение разрабатываемого алгоритма когнитивно-лингвокультурологического моделирования к анализу АИ как имени-концепта на материале сочетаний данных лексикографических источников и русских медиатекстов позволило: а) раскрыть социокультурное и историческое содержание как особую (информационную) систему знания (по Ю.Н. Караулову), которая стоит за проанализированными знаками языка культуры (по В.Н. Телия), б) реконструировать фрагмент языкового сознания носителей той или иной культуры (по Л.О. Чернейко);

3) благодаря интеграции лингвокультурологии, когнитивистики и психолингвистики, на основе взаимосвязи языка, культуры, познания (ментальности человека говорящего) и коммуникации, возможно, формируется единая теоретико-методологическая основа самостоятельной научной парадигмы – когнитивной лингвокультурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляевская Е. Г., 2007. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (13). С. 44–50.

Таблица 3. Когнитивно-лингвокультурологическая модель концепта ЧУВСТВО в русском культурном пространстве

Table 3. Cognitive and linguocultural model of the concept FEELING in Russian cultural space

№	Параметры	Стереотипные признаки
1	Форма проявления	внутреннее состояние (чувство ЛЮБОВЬ, ВИНА, ГОЛОД; эмоция СТРАХ, РАДОСТЬ; ощущение); внешнее проявление (человеческая способность: слушание, видение, ощущение, обоняние, осязание)
2	Свойство	восприятие, ощущение, состояние, способность, любовь
3	Когнитивные категории	1) ощущение, чувство и эмоция; 2) способность; 3) моральная ценность; 4) характеристика; 5) состояние; 6) действие; 7) объект; 8) сила; 9) степень; 10) принадлежность; 11) способ; 12) число; 13) тело человека; 14) качество; 15) температура; 16) отношение; 17) психический мир человека; 18) свойство; 19) место; 20) объем; 21) вес; 22) пространство; 23) субъект; 24) время; 25) жидкость; 26) другие
4	Метафорические модели	чувство – это человек; чувство – это пища; чувство – это пространство; чувство – это предмет; чувство – это живое существо; чувство – это стихия
5	Базовые оппозиции	свой – чужой; внутри – снаружи; способность – неспособность; живой – мертвый; действие – бездействие
6	Культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций	сильный – слабый; вкус – безвкусие; холод – тепло; граница, пространство, интеллект, существо, движение, качество, ощущение, температура

- Беляевская Е. Г., 2014. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник МГЛУ. Вып. 20 (706). С. 9–21.
- Беляевская Е. Г., 2017а. Концептуальные основания лексических и грамматических категорий: сходства и различия // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе / отв. ред. Д. Б. Никуличева. М. : Канцлер. С. 40–48.
- Беляевская Е. Г., 2017б. Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе // Норма и вариативность в языке и речи. М. : Ин-т науч. информ. по обществен. наукам РАН. С. 60–78.
- Болдырев Н. Н., 2006. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (008). С. 5–22.
- Бубнова И. А., 2004. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т. 239 с.
- Воркачёв С. Г., 2021. Культурные смыслы в языке: метафорика тщеславия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. С. 87–95. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-87-95
- Дмитриева Н. А., 2014. О соотношении слов «Эмоция» и «Чувство» в их историческом развитии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 2 (16). С. 204–212.
- Заботкина В. И., 2016. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 53. М. : МАКС Пресс. С. 102–111.
- Зыкова И. В., 2017. Метаязык лингвокультурологии: константы и вариант. М. : Гнозис. 752 с.
- Карасик В. И., 2020. Перспективы развития современной лингвокультурологии // Перспективные направления современной лингвистики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-теорет. конф. М. : РУДН. С. 26–31.
- Ковшова М. Л., 2016. Лингвокультурологический метод во фразеологии: код культуры. М. : Ленанд. 456 с.
- Ковшова М. Л., 2023. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник РУДН. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. С. 745–756. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756
- Ковшова М. Л., Орлова О. С., 2024. Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков непрямой номинации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание. № 4. С. 75–99. DOI: 10.31249/ling/2024.04.05
- Красных В. В., 1998. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог-МГУ. 352 с.
- Красных В. В., 2002. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис. 269 с.
- Красных В. В., Лу Цзыи, 2021. Ассоциативно-образный компонент некоторых глагольных фразеологических единиц с абстрактным именем *мысль* // Вестник Московского ун-та. Серия 9, Филология. № 5. С. 88–99.
- Краткий словарь когнитивных терминов, 1996 / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во Моск. ун-та. 245 с.
- Кубрякова Е. С., 2006. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (009). С. 5–14.
- Курганова Н. И., 2019. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. № 3 (41). С. 24–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37
- Лакофф Дж., 2011. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М. : Гнозис. 515 с.
- Лосев А. Ф., 1999. Философия имени. М. : Эксмо-Пресс. 69 с.
- Скорнякова Р. М., 2009. Функциональная системность как принцип лингвокультурологического моделирования картины мира // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия: Филологические науки. № 5 (39). С. 42–46.
- Телия В. Н., 2005. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 30. М. : МАКС Пресс. С. 4–42.
- Уфимцева Н. В., 2016. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. № 1. С. 238–249.
- Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф., 2009. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. № 10. С. 18–25.
- Чернейко Л. О., 1997. Абстрактное имя и система понятий языковой личности. Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология. Вып. 1. С. 40–51.
- Чернейко Л. О., 2013. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : ЛИБРОКОМ. 272 с.
- Чернейко Л. О., Долинский В. А., 1996. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциатив-

- ного анализа // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 6. С. 20–41.
- Чернейко Л. О., Ли Яньянь, 2019. Коннотации непроизводных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 5. С. 144–164.
- Чернейко Л. О., Феллер Е. В., 2023. Концептуальный анализ абстрактного имени ПУСТОТА в идиосистеме Л. Андреева (на материале рассказов) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. № 2. С. 205–216. DOI: 10.31912/pvrgli-2023.2.20
- Шагбанова Х. С., 2023. Концепты «ЭМОЦИЯ» и «EMOTION» в русской и английской языковых картинах мира // LITERA. № 6. С. 98–107. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41025
- Шарипова О. П. Русские абстрактные слова и их таджикские эквиваленты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-abstraktnye-slova-i-ih-tadzhikskie-ekvivalenty>
- Янь К., 2018. Анализ лексических средств выражений эмоций в современном русском языке и в художественных текстах И.А. Бунина (радость, удивление, страх) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 34 с.
- Янь К., 2023. Психолингвистическое описание значения слова чувство в языковом сознании носителей русской культуры // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54). С. 97–103.

ИСТОЧНИК

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

СЛОВАРИ

- БПС – Большой психологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%A7%D0%A3%D0%92%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%90
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%A7%D0%A3%D0%92%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%90
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/45502>
- ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
- МАС – Малый академический словарь русского литературного языка. URL: <https://gufo.me/dict/mas>

- РАС – Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/index.php>
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток). URL: <http://adict.ru/nsu.ru/>
- Словарь Ефремовой – Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B0%D0%B1%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F>
- Словарь Даля – Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal>
- Словарь Дмитриева – Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/>
- Словарь Ожегова – Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
- Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
- Словарь Фасмера – Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>
- Словарь Шанского – Этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/6/%D0%90%D0%91%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%A6%D0%98%D0%AF

REFERENCES

- Belyaevskaya E.G., 2007. Kulturologicheskaya informatsiya v semantike leksicheskikh edinit [Cultural Information in Lexical Units Semantics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4 (13), pp. 44-50.
- Belyaevskaya E.G., 2014. Metody analiza leksicheskoy semantiki v kognitivnoy lingvistike [Cognitive Methods of Analysing Lexical Semantics]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 20 (706), pp. 9-21.
- Belyaevskaya E.G., 2017a. Kontseptualnye osnovaniya leksicheskikh i grammaticheskikh kategoriy: skhodstva i razlichiya [Conceptual Foundations of Lexical and Grammatical Categories: Similarities and Differences]. Nikulichev D.B., ed. *Grammaticheskkiye kategorii germanskikh*

- yazykov v antropotsentricheskoy perspective* [Grammatical Categories of Germanic Languages in an Anthropocentric Perspective]. Moscow, Kantsler Publ., pp. 40-48.
- Belyaevskaya E.G., 2017b. Leksiko-semanticheskoye varyirovaniye v traditsionnoy i kognitivnoy perspektive [Lexical-Semantic Variation in Traditional and Cognitive Perspectives]. *Norma i variativnost v yazyke i rechi* [Norm and Variability in Language and Speech]. Moscow, In-t nauch. inf. po obshchestvennym naukam RAN, pp. 60-78.
- Boldyrev N.N., 2006. Yazykovyye kategorii kak format znaniya [Linguistic Categories as a Format of Knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (008), pp. 5-22.
- Bubnova I.A., 2004. *Abstraktnoye imya i intellekt: kognitivnaya model kak otrazheniye individualnogo mentalnogo opyta* [Abstract Noun and Intellect: Cognitive Model as Reflection of Individual Mental Experience]. Minsk, Min. gos. lingvist. un-t. 239 p.
- Vorkachov S.G., 2021. Kulturnyye smysly v yazyke: metaforika tshcheslaviya [Cultural Meanings in Language: metaphor of vanity]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 2, pp. 87-95. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-87-95
- Dmitrieva N.A., 2014. O sootnoshenii slov «Emotsiya» i «Chuvstvo» v ih istoricheskom razvitiy [On the Correlation Between Words “Emotion” and “Feeling” in the Process of Historic Development]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], no. 2 (16), pp. 204-212.
- Zabotkina V.I., 2016. Reprezentatsiya yavleniy kultury v mentalnykh modelyakh i diskurse [Representation of Cultural Phenomena in Mental Models and Discourse]. Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles], iss. 53. Moscow, MAKS Press, pp. 102-111.
- Zykova I.V., 2017. *Metayazyk lingvokulturologii: konstanty i variant* [Metalanguage of Cultural Linguistics: Constants and Variations]. Moscow, Gnozis Publ. 752 p.
- Karasik V.I., 2020. Perspektivy razvitiya sovremennoy lingvokulturologii [Prospects for the Development of Modern Linguoculturology]. *Perspektivnyye napravleniya sovremennoy lingvistiki: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-teoreticheskoy konf.* [Promising Directions in Modern Linguistics. Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Theoretical Conference]. Moscow, RUDN, pp. 26-31.
- Kovshova M.L., 2016. *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: kod kultury* [Cultural Linguistic Method in Phraseology: Culture Code]. Moscow, Lenand Publ. 456 p.
- Kovshova M.L., 2023. Rol lingvokulturologii na sovremennom etape: osnovnyye printsipy i metod issledovaniya [The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], no. 3, pp. 745-756. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756
- Kovshova M.L. Orlova O.S., 2024. Kulturnyy skript kak chast kognitivno-kulturologicheskogo analiza znakov nepryamoy nominatsii [Cultural Script as a Part of Frame Analysis of Indirect Nomination Signs]. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics], no. 4, pp. 75-99. DOI: 10.31249/ling/2024.04.05
- Krasnykh V.V., 1998. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznaniye. Kommunikatsiya)* [Virtual Reality or Real Virtuality? (Human. Consciousness. Communication)]. Moscow, Dialog-MGU Publ. 352 p.
- Krasnykh V.V., 2002. *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 269 p.
- Krasnykh V.V., Lu Tszyi., 2021. Assotsiativno-obraznyy komponent nekotorykh glagolnykh frazeologicheskikh edinit s abstraktnym imenem mysl [Associative-Shaped Component of Some Verbal Phraseological Units with the Abstract Name Thought]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 5, pp. 88-99.
- Kubryakova E.S., ed., 1996. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 245 p.
- Kubryakova E.S., 2006. V genezise yazyka, ili razmyshleniya ob abstraktnykh imenakh [In Genesis of Language, or Reflection on nomina abstracta]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3 (009), pp. 5-14.
- Kurganova N.I., 2019. Assotsiativnyy eksperiment kak metod issledovaniya znacheniya zhivogo slova [Associative Experiment as a Method of

- Studying the Living Word Meaning]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 3 (41), pp. 24-37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37
- Lakoff Dzh., 2011. *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kn. 1. Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Language Categories Reveal About Thinking. Book 1. The Mind Beyond the Machine]. Moscow, Gnozis Publ. 515 p.
- Losev A.F., 1999. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of the Name]. Moscow. Eksmo-Press. 69 p.
- Skorniyakova R.M., 2009. Funktsionalnaya sistemnost kak printsip lingvokulturologicheskogo modelirovaniya kartiny mira [Functional System Property as a Principle of Linguistic and Cultural Modeling of World Mapping]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 5 (39), pp. 42-46.
- Teliya V.N., 2005. O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy [On the Phenomenon of Reproducibility of Linguistic Expressions]. Krasnyh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles], iss. 30. Moscow, MAKS Press, pp. 4-42.
- Ufimtseva N.V., 2016. Yazykovaya kartina mira: problemy modelirovaniya [Language Picture of the World: Problems of Modeling]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1, pp. 238-249.
- Ufimceva N.V., Tarasov E.F., 2009. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Some Problems of Language Consciousness Study]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 10, pp. 18-25.
- Cherneyko L.O., 1997. Abstraktnoye imya i sistema ponyatiy yazykovoy lichnosti [Abstract Name and System of Concepts of Linguistic Personality]. Krasnyh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles]. Moscow, Filologiya Publ., iss. 1, pp. 40-51.
- Cherneyko L.O., 2013. *Lingvofilosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-Philosophical Analysis of Abstract Nouns]. Moscow, LIBROKOM. 272 p.
- Cherneyko L.O., Dolinskiy V.A., 1996. Imya SUDBA kak obyekt kontseptualnogo i assotsiativnogo analiza [The Name FATE as an Object of Conceptual and Associative Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 6, pp. 20-41.
- Cherneyko L.O., Li Janyan, 2019. Konnotatsii neproizvodnykh prilagatelnykh tsveta v aspekte kognitivnogo analiza ih sochetaemosti s abstraktnymi imenami sushchestvitelnymi [Connotations of Non-Derivative Color Adjectives in the Aspect of Cognitive Analysis of Their Compatibility with Abstract Nouns]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 5, pp. 144-164.
- Chernejko L.O., Feller E.V., 2023. Kontseptualnyy analiz abstraktnogo imeni PUSTOTA v idiosisteme L. Andreeva (na materiale rasskazov) [Conceptual Analysis of the Abstract Noun "Emptiness" (Pustota) in the Idiosystem of L. Andreev (On the Material of Short Stories)]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 2, pp. 205-216. DOI: 10.31912/pvrli-2023.2.20
- Shagbanova Kh.S., 2023. Kontsepty «EMOTSIYA» i «EMOTION» v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinah mira [“EMOTION” in the Russian and English Language Pictures of the World]. *LITERA*, no. 6, pp. 98-107. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41025
- Sharipova O.P. *Russkiye abstraktnye slova i ih tadzhikskiy ekvivalenty* [Russian Abstract Words and Their Tajik Equivalents]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-abstraktnye-slova-i-ih-tadzhikskie-ekvivalenty>
- Jan K., 2018. *Analiz leksicheskikh sredstv vyrazheniy emotsiy v sovremennom russkom yazyke i v hudozhestvennykh tekstah I.A. Bunina (radost, udivleniye, strah): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Analysis of Lexical Means of Expressing Emotions in Modern Russian and in the Literary Texts of I.A. Bunin (Joy, Surprise, Fear). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 34 p.
- Jan K., 2023. Psiholingvisticheskoye opisaniye znacheniya slova chuvstvo v yazykovom soznanii nositeley russkoy kultury [Psycholinguistic Description of the Word “Feeling” Meaning in the Linguistic Consciousness of Russian Culture Speakers]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], vol. 3 (54), pp. 97-103.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

DICTIONARIES

- Bolshoy psihologicheskii slovar* [Comprehensive Psychological Dictionary]. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%A7%D0%A3%D0%92%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%90
- Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%A7%D0%A3%D0%92%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%90
- Bolshoy entsiklopedicheskii slovar* [Great Encyclopedic Dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/45502>
- Russkii regionalnyi assotsiativnyy slovar-tezaurus* [Russian Regional Associative Thesaurus Dictionary]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
- Malyi akademicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Short Academic Dictionary of Russian Literary Language]. URL: <https://gufo.me/dict/mas>
- Russkii assotsiativnyy slovar* [Russian Associative Dictionary]. URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/index.php>
- Russkaya regionalnaya assotsiativnaya baza dannykh (Sibir i Dalniy Vostok)* [Russian Regional Associative Database (Siberia and the Far East)]. URL: <http://adict.ru.nsu.ru/>
- Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B0%D0%B1%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F>
- Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka V.I. Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dal]. URL: <https://gufo.me/dict/dal>
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka D.V. Dmitriyeva* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by D.V. Dmitriev]. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/>
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka S.I. Ozhegova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by D.N. Ushakov]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
- Etimologicheskii slovar russkogo yazyka M. Fasmera* [Etymological Dictionary of the Russian Language by M. Fasmer]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>
- Etimologicheskii slovar russkogo yazyka N.M. Shanskogo* [Etymological Dictionary of the Russian Language by N.M. Shansky]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>
- Filosofskiy entsiklopedicheskii slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/6/%D0%90%D0%91%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%A6%D0%98%D0%AF

Information About the Author

Kai Yan, PhD (Philology), Associate Professor, Acting Dean of the Faculty of Russian Language, Acting Director of the Russia and Central Asia Studies Center, Institute of International Studies, Sun Yat-Sen University, Zhuhai, China, ky_710@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7216>

Информация об авторе

Кай Янь, PhD (филология), доцент, и. о. декана факультета русского языка, и. о. руководителя Центра исследований России и Центральной Азии, Институт международных исследований, Университет им. Сунь Ятсена, г. Чжухай, Китай, ky_710@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7216>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.4>

UDC 811.111:821
LBC 81.432.1-51

Submitted: 31.05.2024
Accepted: 05.06.2025

REPRESENTATION OF POLITENESS IN MODERN ENGLISH LITERARY DISCOURSE

Elena V. Bodnaruk

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The paper is devoted to a comprehensive study of the linguistic category of politeness. It provides an empirical analysis of means expressing politeness, extracted by continuous sampling from the direct speech of characters in the novel *The Only Story* written by the English writer Julian Barnes. Systematization of multi-level means involved in producing polite statements is carried out. Their belonging to the conventional and individual type of politeness is determined. The most frequently used linguistic units are identified. The repertoire of linguistic means involved in the expression of politeness includes addresses and etiquette formulas, some interrogative and negative sentences, constructions with modal verbs and propositional verbs (such as *think, suppose, mean*, etc.), morphological forms of the subjunctive mood (e.g. *would* + infinitive), imperative forms (including the imperative of the verb *let*), a number of lexical units (for example, adverbs of measure and degree, adverbs of modality, adverbs of frequency, some pronouns, particles, conjunctions, interjections). It was found that in the analysed novel the individual type of politeness prevails. The belonging of linguistic units to this type can be determined only in the specific context of their usage. Some comments are also given about the relationship between negative and positive politeness in the novel. In particular, the predominance of linguistic means of expressing negative politeness was found.

Key words: category of politeness, conventional politeness, individual politeness, positive politeness, negative politeness, means of expressing politeness, English language, literary discourse.

Citation. Bodnaruk E.V. Representation of Politeness in Modern English Literary Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 46-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.4>

УДК 811.111:821
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 31.05.2024
Дата принятия статьи: 05.06.2025

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Елена Владимировна Боднарук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле комплексного изучения языковой категории вежливости. Произведен эмпирический анализ средств выражения вежливости, извлеченных путем сплошной выбор-

ки из прямой речи персонажей в романе английского писателя Джулиана Барнса «The Only Story». Осуществлена систематизация разноуровневых средств, участвующих в оформлении вежливого высказывания, определена их принадлежность к конвенциональному и индивидуальному типу вежливости. Выявлены наиболее частотные языковые единицы. Репертуар языковых единиц для выражения вежливости включает обращения и этикетные формулы, некоторые вопросительные и отрицательные предложения, конструкции с модальными глаголами и глаголами пропозициональной установки (типа *think, suppose, mean* и под.), морфологические формы сослагательного наклонения (*would* + инфинитив и др.), императив (в том числе от глагола *let*), ряд лексических единиц (наречия меры и степени, модальные наречия, наречия частотности, местоимения, частицы, союзы, междометия). Показано, что в анализируемом романе превалирует индивидуальный тип вежливости, принадлежность языковых единиц к которому определяется только в конкретном контексте их использования. Сделаны выводы о соотношении в романе негативной и позитивной вежливости; обнаружено преобладание языковых средств выражения негативной вежливости.

Ключевые слова: категория вежливости, конвенциональная вежливость, индивидуальная вежливость, позитивная вежливость, негативная вежливость, средства выражения вежливости, английский язык, художественный дискурс.

Цитирование. Боднарук Е. В. Репрезентация вежливости в современном англоязычном художественном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 46–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.4>

Введение

Категория вежливости является, пожалуй, одной из самых часто изучаемых в современной лингвистике. Несмотря на всю значимость данной категории, ее обстоятельное исследование началось лишь в 70-х гг. XX века. Наиболее известной является трактовка вежливости, предложенная П. Браун и С. Левинсоном, в основе которой лежит понятие «лица», разработанное социологом Э. Гоффманом, определившим «лицо» как «положительную социальную ценность», на которую претендуют коммуниканты во время конкретного речевого контакта [Goffman, 2003, p. 7]. В процессе коммуникации социальное «лицо» как говорящего, так и слушающего может оказаться под угрозой. В этой связи принято говорить о довольно значительном репертуаре речевых актов, обладающих ликоугрожающими свойствами (*face threatening acts*) – требование, просьба, наставление, предупреждение и др. Данные речевые акты могут привести к потере «лица» и требуют использования средств выражения вежливости. «Лицо» говорящего или слушающего может трактоваться в двух противоположных значениях, поэтому выделяются две его разновидности: позитивная и негативная [Brown, Levinson, 1987, p. 59]. Негативное «лицо» характеризуется наличием у говорящего или слушающего притязаний на личную территорию, свободу от вмешательства других лиц, независи-

мость. Позитивное «лицо» – результат реализации желания говорящего или слушающего создать позитивный образ себя, стремления к тому, чтобы этот образ ценили и одобряли другие участники коммуникации [Brown, Levinson, 1987, p. 61]. От понятия «лицо» П. Браун и С. Левинсон проводят проекцию к двум типам вежливости – негативной и позитивной, для выражения которых существуют свои стратегии и языковые средства. При этом речь идет либо о сохранении или поддержании «негативного лица» собеседника (главным образом его права на личную территорию), либо о сохранении и поддержании его «позитивного лица» (путем демонстрации солидарности с ним, обращения с ним как с человеком, который симпатичен говорящему) [Brown, Levinson, 1987, p. 69–70].

Серьезность угрозы «лицу» собеседника можно, согласно П. Браун и П. Левинсону, оценить исходя из трех критериев: а) власти говорящего над слушающим (*relative power = P*); б) социальной дистанции между говорящим и слушающим (*social distance = D*); в) степени давления на слушающего (*ranking of imposition = R*) [Brown, Levinson, 1987, p. 76–77]. Критерий *P* может быть проиллюстрирован отношениями типа «начальник – подчиненный». Критерий *D* характеризуется степенью знакомства собеседников и их социальным (не)равенством. Критерий *R* определяется тем, насколько велики могут быть неудобства, причиненные говорящим слушающему посредством речево-

го действия [Brown, Levinson, 1987, p. 80–81]. Степень вежливости будет тем выше, чем более выраженным окажется тот или иной критерий.

Парадокс феномена вежливости заключается в том, что вежливость, значимость которой для коммуникации трудно переоценить, плохо вписывается в принцип кооперации (cooperative principle), разработанный П. Грайсом и складывающийся из четырех базовых максим кооперативного общения – максим количества, качества, отношения и манеры [Grice, 1975, p. 45]. Сам П. Грайс не включил максимум вежливости в этот перечень. Он считал, что максимы кооперативного общения нацелены прежде всего на максимально эффективный обмен информацией [Grice, 1975, p. 47], в то время как вежливое оформление «утяжеляет» высказывание, делает его более многословным и фактически нарушает максимы. Однако отсутствие вежливости может серьезно осложнить коммуникацию и даже привести к ее прекращению. Видимо, осознавая это, Дж. Лич, критически оценив принцип кооперации П. Грайса, обогатил его именно за счет принципа вежливости (politeness principle): принцип вежливости рассматривается Дж. Личем как необходимое дополнение к принципу кооперации. Более того, иногда он, по справедливому замечанию Дж. Лича, оказывается важнее принципа кооперации [Leech, 1983, p. 80].

Принцип вежливости складывается (по Дж. Личу) из шести максим, главной из которых является максима такта (tact maxim), дополняемая максимами великодушия (generosity maxim), одобрения (approbation maxim), скромности (modesty maxim), согласия (agreement maxim) и симпатии (sympathy maxim). Максимы различаются по релевантности. Первая максима более значима, чем вторая, вторая – чем третья и т. д. Такое соотношение максим свидетельствует, по мнению Дж. Лича, о том, что: а) вежливость сфокусирована больше на адресате, чем на говорящем; б) негативная вежливость (избегание разногласий) более значима, чем позитивная (стремление к согласию) [Leech, 1983, p. 132–133].

Еще до появления публикации Дж. Лича Р. Лакофф в одной из своих работ вывела основные правила прагматической компетенции коммуникантов: 1) выражайся ясно, понятно (be

clear); 2) будь вежлив (be polite). Р. Лакофф отмечала, что данные правила могут усиливать друг друга, но чаще находятся в конфликте и говорящему приходится выбирать – быть вежливым или выражаться ясно [Lakoff, 1973, p. 296]. Р. Лакофф считала, что в случае конфликта правил говорящий обычно отдает предпочтение вежливости, поскольку избежать конфликта в общении важнее, чем выразиться ясно и лаконично [Lakoff, 1973, p. 297]. Нетрудно заметить, что первое правило соотносится с максимами кооперации П. Грайса. Второе правило – be polite – Р. Лакофф разбивает на три постулата: 1) не навязывайте себя; 2) давайте собеседнику право выбора; 3) делайте так, чтобы ваш собеседник почувствовал себя комфортно, – будьте дружелюбны [Lakoff, 1973, p. 298]. Очевидно, что в концепции Р. Лакофф прослеживаются параллели с позитивной и негативной вежливостью.

Не очень удачные обозначения основных типов вежливости – «позитивная» и «негативная», предложенные П. Браун и С. Левинсоном, со временем подверглись критике. Так, Р. Ратмайр в одной из своих работ заменила их на «вежливость солидарности» и «вежливость сохранения дистанции» [Ратмайр, 2003, с. 27], Т.В. Ларина использует термины «вежливость сближения» и «вежливость дистанцирования» [Ларина, 2009, с. 161].

Следует отметить, что рассмотренные классификации вежливости не единственные в современной лингвистике. Исследователи выделяют также конвенциональную и индивидуальную вежливость [Vorderwülbecke, 2001, S. 32], абсолютную и относительную вежливость [Брагина, 2018, с. 39], семантическую и прагматическую вежливость [Ларина, 2018, с. 137], эксплицитную и имплицитную вежливость [Газизов, Мурясов, 2014, с. 972]. Данные четыре пары характеризуют одни и те же феномены. Под конвенциональной (абсолютной, семантической, эксплицитной) вежливостью авторы понимают этикетную вежливость. Высказывание в этом случае определяется как вежливое без учета контекста общения; этой вежливости учат с детства. Индивидуальная (относительная, прагматическая, имплицитная) вежливость определяется в контексте; ее интерпретация зависит от адресата, поскольку только он реша-

ет, вежливо ли произнесенное высказывание или нет.

Т.В. Ларина предлагает еще одну типологию вежливости, исходя из структуры языковых стилей. Она пишет о высоком, среднем и низком уровнях вежливости, или соответственно о формальной, нейтральной и неформальной вежливости. Средний уровень вежливости встречается в повседневных жизненных ситуациях (в семье, на работе, в транспорте). Высокий уровень вежливости характерен для официального общения, подчеркивает дистантность и формальность отношений. Низкий уровень вежливости допустим при общении близких людей и свидетельствует о высоком уровне интимности и солидарности. Так, формулы приветствия *Здравствуйте, Мария Владимировна!*, *Здравствуй, Маши!*, *Привет, Маши!* будут считаться вежливыми, если первая употреблена в формальном контексте общения, вторая – в нейтральном, а третья – в неформальном [Ларина, 2009, с. 162–163; 2018, с. 137].

Как было отмечено, проявление вежливости чувствительно ко многим факторам, в том числе к образованию коммуникантов, их профессиональной принадлежности, роду деятельности, возрасту, воспитанию, темпераменту, индивидуально-личностным особенностям [Брагина и др., 2021; Бхатти, Горбачева, Харитоновна, 2022; Горбатовский, Олейник, 2023; Denisenko, Yergazy, Rybakov, 2023; Иссерс, 2025; и др.]. Помимо этого, оно определяется типом культуры. Неслучайно в исследованиях вежливости принято отмечать ее национально-культурную специфику (см., например: [Ларина, 2009, с. 166; Власян, 2011, с. 37–38; Клименко, 2005, с. 88]). Исследования, проведенные на материале разных языков, показали, что правила позитивной и негативной вежливости у П. Браун и С. Левинсона, равно как и принципы вежливости Дж. Лича и Р. Лаккофф, соотносятся преимущественно с культурой Запада [Kasper, 1990, p. 195], и прежде всего англосаксонской культурой.

Мы солидарны с Т.В. Лариной в том, что нет народов вежливых в большей или в меньшей степени и что каждый народ вежлив по своему [Ларина, 2009, с. 424]. Однако, если исходить из того, насколько часто англичане используют в речи те или иные средства вы-

ражения вежливости, можно предположить, что они должны восприниматься как очень вежливая нация. А.А. Джиеова и В.С. Соседова пишут в этой связи: «Все же, по многочисленным признаниям, англичане являются чуть ли не самой вежливой нацией в мире...» [Джиеова, Соседова, 2014, с. 85].

Т.В. Ларина отмечает следующие наиболее значимые коммуникативные характеристики англичан: с одной стороны, эмоциональная сдержанность и самоконтроль, сохранение дистанции, неимпозитивность и некатегоричность; с другой стороны, коммуникативная аттрактивность, проявляющаяся в демонстративном фокусировании внимания на других, а не на себе, улыбочивость и стремление сделать общение приятным для собеседника (частое использование «социальных поглаживаний» – комплиментов, преувеличений в оценочности и т. п.) [Ларина, 2009]. Таким образом, можно предположить, что вежливость у англичан – это своеобразный баланс между дистанцированием и сближением.

Подводя итог теоретическому осмыслению феномена языковой вежливости, суммируем ее наиболее значимые характеристики. Итак, вежливость рассматривается обычно как коммуникативная категория [Ларина, 2009, с. 168–169; Карабань, 2006, с. 7; Клименко, 2005, с. 87]. Она – одна из составляющих речевого поведения [Ратмайр, 2018, с. 236], регулирует процесс общения [Карабань, 2006, с. 7], направлена на его гармонизацию и бесконфликтность [Ларина, 2009, с. 168–169; Карабань, 2006, с. 7; Болотина, 2018, с. 160; Клименко, 2005, с. 87; Ратмайр, 2018, с. 236]; основывается на соблюдении социальных норм и отражает принятые в обществе ценности [Болотина, 2018, с. 160]; представляет собой систему национально-специфических стратегий и тактик, нацеленных на достижение взаимопонимания [Ларина, 2009, с. 168–169; Клименко, 2005, с. 87].

Известно, что вежливость адресатоцентрична, однако нельзя не согласиться в этой связи с рассуждениями Н.И. Формановской о том, что вежливость – это не только уважение к адресату, но и проявление достоинства говорящего [Формановская, 2007, с. 127]. Она является своего рода «социальной интеллигентностью» [Гладров, 2006, с. 82].

В рамках данной статьи планируется описать, как категория вежливости реализуется в рамках художественного произведения. Охарактеризовать репертуар языковых средств, участвующих в оформлении вежливого высказывания, крайне сложно, наблюдая за живым общением. Поэтому представляется целесообразным и даже необходимым обратиться для этого к художественному произведению, прямая речь в котором является своеобразным «слепок» естественной устной речи.

Материал и методы исследования

В качестве источника эмпирического материала в статье используется роман известного английского писателя Джулиана Барнса «The Only Story», из которого методом сплошной выборки были извлечены равноуровневые языковые средства выражения вежливости, представленные в прямой речи героев. Общее количество подвергнутых анализу языковых единиц – 652.

Все выявленные средства были систематизированы согласно их языковому уровню, а также в зависимости от принадлежности к конвенциональному или индивидуальному типу вежливости (по терминологии К. Фордervюльбеке [Vorderwülbecke, 2001]). Определенные наблюдения были произведены и в отношении принадлежности языковых средств к негативной и позитивной вежливости.

Основное различие между конвенциональной и индивидуальной вежливостью видится нам в том, что средства выражения конвенциональной вежливости обладают вежливой семантикой во всех ситуациях их использования, в то время как индивидуальная вежливость представлена языковыми средствами, которые могут выражать не только вежливость. Более того, выражение вежливости обычно не является их основной функцией. В этой связи значение вежливости у данных средств является контекстуально обусловленным.

При работе с эмпирическим материалом были использованы следующие общенаучные методы исследования: наблюдение, сравнение, обобщение, систематизация и интерпретация. Основными лингвистическими методами

были контекстуальный и семантико-прагматический анализ. В работе использовался также прием количественных подсчетов.

Результаты и обсуждение

Этикетные формулы конвенциональной вежливости встречаются в романе относительно редко. Значительно чаще представлена так называемая индивидуальная вежливость. К этикетным формулам вежливости мы, в частности, относим обращения. В анализируемом романе превалировали обращения по имени: *Paul* (27), *Casey* (15), *Joan* (3), *James* (1), *Jack* (1). Значительно реже встретились обращения по фамилии: *Mrs Macleod* (3), *Mr Ellis* (1), демонстрирующие социальную дистанцию между собеседниками. (В скобках после языковых средств вежливости указана их частотность в анализируемом романе.) Например, при обращении молодых людей к хозяйке дома:

(1) The long silence was broken by Susan asking if anyone wanted any more to eat. 'Have you got any beans, **Mrs Macleod**?' (Barnes, p. 57).

Обращения без упоминания имени / фамилии можно условно разделить на неформальные, используемые при общении между близкими людьми: *dear* (6), *darling* (5), *Mum* (1), *Mum and Dad* (1), *Grandma* (1), *old chum* (1) – и формальные, представленные как правило в общении между незнакомыми людьми: *sir* (5), *young man* (1), *madam* (1).

Помимо обращений, этикетные формулы вежливости в романе включали в себя следующие слова и фразы: *(I'm) sorry* (16), *thank you* (4), *thanks* (4), *please* (3). Обращает на себя внимание частотность формул извинения. Примечательно, что герои романа извиняются не только за свои проступки, но и за то, в чем нет их вины. Ср.:

(2) 'Sorry I'm late, darling,' she says, putting down her handbag (Barnes, p. 109);

(3) The phone goes one evening. 'Is that Henry?' 'No, **sorry**, wrong number' (Barnes, p. 137).

В ряде случаев лексема *sorry* используется и вовсе лишь для выражения сочувствия, сопереживания, солидарности с собеседником:

(4) 'My mother has been temporarily sectioned,' was her opening line. 'I'm very **sorry** to hear that' (Barnes, p. 202).

Этикетными формулами вежливости, встретившимися в романе, были фразы приветствия, прощания, поддержания контакта и некоторые другие (как формального, так и неформального плана): *Hi* (1), *Good evening* (1), *Goodbye* (1), *Help yourself* (1), *Be my guest* (1), *So how are you keeping?* (1), *How about you?* (1), *And how are we today?* (1). В последнем случае речь идет об обращении врача к пациенту (вежливое докторское «мы»):

(5) You hear the psychiatrist's voice, quite clearly, say, '**And how are we today, Mr Ellis?**' (Barnes, p. 132).

Средства вежливости не этикетного – индивидуального – характера буквально «пронизывают» прямую речь героев романа. Прежде всего это модальные и близкие к ним по значению глаголы в презентных и претеритных формах: *should* (15), *might* (13), *may* (11), *could* (8), *can* (7), *must* (5), *need* (3), *ought to* (1). Наиболее высоким потенциалом вежливости характеризуются претеритные формы сослагательного наклонения *might* и *should*:

(6) 'The thing is,' she replies, 'I'm not feeling entirely well, and it's just possible I **might** be sick' (Barnes, p. 136);

(7) 'Maybe we **should** ask them round for sherry' (Barnes, p. 11).

В глагольной сфере еще одним весьма частотным средством выражения вежливости является форма сослагательного наклонения «*would* + инфинитив» (45).

(8) 'And I suppose he **would like** you to return' (Barnes, p. 110).

«*Would* + инфинитив» может встречаться при выражении вежливости в паре с формой претерита сослагательного наклонения (5):

(9) 'Of course,' I added brightly, 'this one **would be** even more advantageous if you **walked** into the Village rather than **drove**' (Barnes, p. 23).

Данные формы сослагательного наклонения способствуют смягчению, приданию некатегоричности высказыванию, поэтому они

довольно часто используются как средство выражения вежливости.

Высокую частотность при выражении вежливости показал глагол *think* (33). *Think* является в этом случае глаголом пропозициональной установки, делая высказывание, представленное в придаточной части, менее категоричным:

(10) 'As I say, it's rather puzzling. **Do you think** there was drink involved?' (Barnes, p. 118).

Аналогичный эффект смягчения достигается некоторыми другими глаголами, употребляемыми в качестве глаголов пропозициональной установки: *suppose* (9), *mean* (6), *seem* (5), *agree* (3), *mind* (2), *find* (2), *guess* (1), *happen* (1), *appear* (1), *expect* (1), *hope* (1):

(11) 'So, if I may ask, what does she do all day?' <...> 'Well, I **suppose** she... keeps house' (Barnes, p. 118).

Частотностью в анализируемом романе характеризуется вводная фраза *you see* (6), призванная привлечь внимание собеседника к высказыванию, добиться взаимопонимания:

(12) '**You see**, I haven't been in love before, so I don't understand about love. What I'm worried about is that, if you love me, it will leave you less for the other people you love' (Barnes, p. 51).

Функцию привлечения внимания собеседника выполняет и глагол *look* (6), обособленный в начале высказывания:

(13) '**Look**, Paul, I don't tell you about it because I don't want the two parts of my life overlapping. I want to build a wall around us here' (Barnes, p. 110).

В свою очередь, глагол *come on* (2) в начальной позиции используется скорее для подбадривания собеседника:

(14) '**Come on**. What are you here to ask me?' (Barnes, p. 66).

Обращает на себя внимание тот факт, что в примерах 13 и 14 глаголы *look* и *come on* стоят в форме императива. В неформальном общении императив (23) вполне может встречаться в составе вежливых высказываний, хотя обычно в сопровождении других

средств вежливости. Императив в этом случае способствует сокращению социальной дистанции между собеседниками, переводя общение в неформальную плоскость:

(15) 'Are we in a hurry?' I allowed myself that question. 'Just **drive** safely, Paul, just **drive** safely' (Barnes, p. 99).

Еще одним средством выражения вежливости является конструкция «*let* + инфинитив», в составе которой *let* используется в императиве (7). Посредством нее говорящий обычно высказывает просьбу, но благодаря семантике глагола *let* просьба облекается в более мягкую форму:

(16) 'Let me **know** when she's back safely.' 'Sure,' you say, your mind only half there (Barnes, p. 109).

За пределами глагольной сферы в выражении вежливости активно участвуют некоторые разряды наречий. Это в первую очередь наречия меры и степени: *just* (24), *a bit* (9), *very* (6), *really* (4), *much* (4), *little* (4), *at least* (4), *anyway* (3), *quite* (3), *even* (3), *frightfully* (2), *rather* (2), *slightly* (2), *terribly* (1), *hardly* (1), *entirely* (1), *mainly* (1), *absolutely* (1). Данные наречия выражают различную степень проявления признака, уменьшая либо усиливая его. Уменьшение признака приводит к актуализации негативной вежливости, а его усиление к проявлению скорее позитивной вежливости:

(17) 'I'm **terribly** sorry. Please don't tell him' (Barnes, p. 16);

(18) 'It's **rather** puzzling,' he begins. 'It's unusual for a woman of her age to take a fall' (Barnes, p. 117).

Особой частотностью в нашем материале характеризовалось наречие *just*. Оно придает высказыванию определенную непринужденность и легкость, уменьшая степень выраженности проблемы, о решении которой идет речь в высказывании, и тем самым повышая уровень вежливости:

(19) 'True. **Just** tell me your thoughts on this' (Barnes, p. 116).

Функциональное сходство с наречиями меры и степени демонстрируют наречия час-

тотности *ever* (3), *yet* (3), *always* (2), *never* (1), *occasionally* (1):

(20) 'But if you want me to say so, then I will. Maybe I **occasionally** take a drop or two more than is good for me' (Barnes, p. 123).

Еще одним разрядом наречий, участвующих в оформлении вежливого высказывания, являются модальные наречия: *maybe* (10), *actually* (5), *of course* (5), *probably* (4), *possibly* (3), *perhaps* (1), *certainly* (1). Они, как и наречия меры и степени, обычно смягчают высказывание, понижают степень его категоричности, тем самым повышая уровень вежливости:

(21) '**Maybe** you and I should have a holiday.' 'You might have to teach me what they're for' (Barnes, p. 54).

Впрочем, некоторые модальные наречия (*of course*, *certainly*) выражают позитивную вежливость, способствуя сближению собеседников:

(22) 'I need you to drive me up to town.' '**Of course**, darling' (Barnes, p. 99).

Определенную роль в выражении вежливости играют также некоторые союзы, например *but* (11), *and* (4), *whatever* (2), частицы, например *well* (21), *then* (7), *so* (5), и даже междометия, например *oh* (3), *eh* (1). Высокой частотностью в нашем материале характеризовались лексемы *but*, *then* и *well*. Данные лексемы выполняют наряду с функцией связывания частей высказывания функцию мягкого фокусирования внимания на предмете разговора, часто в сочетании с функцией заполнения пауз, что также способствует повышению уровня вежливости и свидетельствует о желании говорящего быть ближе к собеседнику:

(23) 'It's not you, Paul. And it's not fair on you either. **But** I think if I can get through the... adjustment, **then** it'll get better' (Barnes, p. 113);

(24) 'And how much do you pay for petrol?' '**Well**, that obviously depends on where I buy it, doesn't it?' (Barnes, p. 23).

Свой вклад в выражение вежливости вносят некоторые именные части речи, например существительные в составе устойчивых фраз:

kind of (4), *by the way* (2), *by any chance* (2), *for your sake* (1), *for a while* (1), *no trouble at all* (1), *no need to worry* (1), *by the looks of it* (1); местоимения: *something* (8), *there* (6); прилагательные: *right* (4), *gratifying* (1), *wonderful* (1), а также фразы типа *I'm glad* (3), *I'm afraid* (2), *I'm (not) sure* (2), *I'm worried* (1). Данные языковые единицы могут либо снимать категоричность высказывания, уменьшая степень давления на адресата речи (негативная вежливость), либо делать акцент на положительных эмоциях говорящего, способствуя сближению с собеседником, гармонизации отношений (позитивная вежливость):

(25) 'There's something I need to explain,' she begins (Barnes, p. 52);

(26) 'I'm glad it all worked out in the end' (Barnes, p. 154).

Довольно часто маркеры вежливости встречаются в составе вопросительного предложения (87), которое обычно оформляет какой-либо косвенный речевой акт, например, просьбы или предложения:

(27) I felt absurdly fond of her. 'Is there anything I can do for you, Joan?' I found myself asking (Barnes, p. 69).

При этом в английском языке есть и особый структурный тип вопросительного предложения, являющийся маркером вежливости. Это так называемый разделительный вопрос (18), встречающийся в заключительной части повествовательного предложения – tag question. С одной стороны, он смягчает утверждение, с другой – способствует поиску консенсуса с собеседником:

(28) 'You're going back to college next month, aren't you?' 'Yes' (Barnes, p. 68).

Еще одним структурным элементом, который может оказывать влияние на степень вежливости, является отрицание (26). Отрицательные структуры, в противовес утвердительным, вносят в высказывание ноту неуверенности и даже скепсиса, благодаря чему говорящий снижает степень давления на своего собеседника. Этот коммуникативный эффект особенно заметен, когда отрицание сочетается с вопросительным предложением:

(29) 'What about the diversity of the press? Isn't that something to be valued?' (Barnes, 92).

В целом обращает на себя внимание тот факт, что средства индивидуальной вежливости часто взаимодействуют в рамках одного высказывания. Большинство приведенных в качестве иллюстрации примеров содержат несколько разноуровневых языковых единиц, в совокупности формирующих вежливое высказывание. Это тем более примечательно, что значительная часть вежливых высказываний в романе демонстрирует общение хорошо знакомых друг с другом людей. Такое обильное использование языковых средств подтверждает распространенное мнение о том, что англичане весьма вежливы, даже в общении с близкими людьми в неформальной обстановке.

Завершая рассмотрение средств выражения вежливости в романе Дж. Барнса, систематизируем их, представив в обобщенном виде (см. таблицу).

Согласно данным, представленным в таблице, в романе конвенциональная вежливость, выраженная обращениями и этикетными формулами, существенно уступает индивидуальной. Средства выражения конвенциональной вежливости составили лишь 17 %, в то время как средства выражения индивидуальной вежливости – 83 %. Средства индивидуальной вежливости являются разноуровневыми. Среди них есть собственно синтаксические единицы (вопросительные или отрицательные предложения), лексико-синтаксические единицы (например, конструкции с модальными глаголами), морфологические формы (например, «*would* + инфинитив»), лексические единицы (например, наречия).

Значительная часть средств вежливости (вопросительные и отрицательные структуры, конструкции с модальными глаголами, «*would* + инфинитив» и др.) характеризуется смягчающими свойствами, снижающими категоричность высказывания, уменьшающими степень давления на собеседника, поддерживающими его претензию на личную территорию. В целом, судя по инвентарю средств и их представленности в контексте, можно говорить о том, что в романе негативная вежливость встречается чаще позитивной. Средства выражения позитивной вежливости, та-

Языковые средства выражения вежливости в романе «The Only Story» Дж. Барнса

Linguistic means expressing politeness in the novel *The Only Story* by J. Barnes

Языковые средства выражения вежливости	Кол-во
<i>Средства выражения конвенциональной вежливости</i>	
Этикетные: обращения	73
<i>Good evening, Help yourself, please, thanks, sorry</i> и др.	35
<i>Средства выражения индивидуальной вежливости</i>	
Вопросительные структуры, в том числе разделительные вопросы	87
Отрицательные структуры	26
Глаголы, глагольные формы и конструкции: модальные глаголы и глаголы, близкие к ним по модальной семантике	63
<i>would</i> + инфинитив и претерит сослагательного наклонения	50
глаголы <i>think, suppose, seem, hope, agree, mind</i> и др.	71
императив, в том числе глагол <i>let</i> в императиве	38
Неглагольные средства: наречия (меры и степени, частотности, модальности)	113
структуры с существительными и прилагательными, местоимения	42
союзы, частицы и междометия	54
Итого	652

кие как глаголы во вводной функции *look, come on*, наречия типа *terribly, absolutely, really, certainly, of course*, некоторые частицы, союзы, междометия, этикетные фразы и ряд других средств, составляют лишь около трети от общего количества рассмотренных языковых единиц. Такое соотношение негативной и позитивной вежливости, по-видимому, обусловлено особенностями сюжетной линии исследуемого романа и теми ситуациями, в которые Дж. Барнс помещает своих героев. Кроме того, оно косвенно подтверждает мнение Дж. Лича о большей значимости в межличностном общении негативной вежливости.

Выводы

В статье рассмотрены разноуровневые языковые средства выражения вежливости, извлеченные методом сплошной выборки из прямой речи романа «The Only Story» английского писателя Дж. Барнса. В этом произведении конвенциональный тип вежливости (в оформлении которого участвуют обращения и этикетные формулы) количественно значительно уступает индивидуальному типу (представленному большинством остальных разноуровневых языковых средств). Репертуар языковых единиц, участвующих в оформлении веж-

ливого высказывания, оказался весьма внушительным (всего было обнаружено 652 языковые единицы), среди которых следует отметить вопросительные и отрицательные структуры, разнообразные глагольные средства (в том числе модальные глаголы, формы сослагательного наклонения, императив), некоторые разряды наречий, структуры с существительными и прилагательными, местоимения, союзы, частицы и междометия. В высказывании данные языковые средства часто комбинируются, в результате чего происходит повышение степени вежливости. Результаты семантико-прагматического и количественного анализа инвентаря средств выражения вежливости в романе свидетельствуют о том, что около 2/3 из них составили языковые единицы, служащие смягчению высказывания, уменьшению степени его категоричности и, соответственно, выражающие обычно негативную вежливость (вежливость дистанцирования). Так называемая позитивная вежливость (вежливость сближения) представлена в романе в меньшей степени. В заключение отметим, что изучение категории вежливости может и должно быть продолжено. Перспективным видится сравнительно-сопоставительное исследование средств выражения вежливости (например, в английском и русском, английском и немецком

языках), а также рассмотрение вежливости в диахроническом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотина Ю. П., 2018. Реализация категории вежливости как способ репрезентации лингвокультурного типажа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 158–165. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.16>
- Брагина Н. Г., 2018. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / под ред. И. А. Шаронова. М. : Полит. энцикл. С. 38–44.
- Брагина Н. Г., Иссерс О. С., Мендоза И., Ратмайр Р., 2021. Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы) // Коммуникативные исследования. Т. 8, № 2. С. 217–232. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232
- Бхатти Н. В., Горбачева О. А., Харитоновна Е. Ю., 2022. Категория вежливости в индоевропейских языках: сравнительный аспект (на материале английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 28, № 3. С. 151–160. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160
- Власян Г. Р., 2011. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 36–38.
- Газизов Р. А., Мурашов Р. З., 2014. Грамматические способы репрезентации имплицитной вежливости в немецкой лингвокультуре // Вестник Башкирского университета. Т. 19, № 3. С. 972–976.
- Гладров В., 2006. Скрытая категория вежливости в русском и немецком языках // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 81–93.
- Горбатовский А. С., Олейник М. А., 2023. Категория вежливости в процессе моделирования культурного пространства художественного текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 13. С. 198–211. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110>
- Джиоева А. А., Соседова В. С., 2014. Конструэнты категории вежливости: концепт *stiff upper lip* // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 4. С. 85–100.
- Иссерс О. С., 2025. Коммуникативная категория такта и ее репрезентация в профессиональных сферах общения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Вып. 18(10). С. 2022–2034.
- Карабань Н. А., 2006. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 23 с.
- Клименко О. К., 2005. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе : (Функциональные и статусные характеристики). М. : ИНИОН РАН. С. 85–101.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рук-оп. памятники Древ. Руси. 512 с.
- Ларина Т. В., 2018. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : Полит. энцикл. С. 133–144.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Яз. слав. культуры. 272 с.
- Ратмайр Р., 2018. Вежливость в русской и австрийской культурах: мифы и реальность // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : Полит. энцикл. С. 234–245.
- Формановская Н. И., 2007. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР. 480 с.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Denisenko V. N., Yergazy N., Rybakov M. A., 2023. *Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication* // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Vol. 14, № 3. С. 575–594. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594
- Goffman E., 2003. *On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction* // Reflections. Vol. 4, № 3. P. 7–13.
- Grice H. P., 1975. *Logic and Conversation* // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. N. Y., Academic Press. P. 41–58.
- Kasper G., 1990. *Linguistic Politeness: Current Research Issues* // Journal of Pragmatics. Vol. 14. P. 193–218.
- Lakoff R., 1973. *The Logic of Politeness, or Minding Your P's and Q's* // Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, Chicago Linguistic Society, vol. 9. P. 292–305.

- Leech G. N., 1983. Principles of Pragmatics. London ; N. Y. : Longman. 250 p.
- Vorderwülbecke K., 2001. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk // Höflichkeitsstile. Frankfurt am Main : Lang. P. 27–46.

ИСТОЧНИК

- Barnes – Barnes J. The Only Story. L. : Vintage, 2018. 213 p.

REFERENCES

- Bolotina Yu.P., 2018. Realizatsiya kategorii vezhливosti kak sposob reprezentatsii lingvokulturnogo tipazha [Realisation of the Category of Politeness as the Way of Representing the Linguacultural Type]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 158-165. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.16>
- Bragina N.G., 2018. Vezhливost kak nevezhливost: na styke raznykh kulturnykh norm i pravil [Politeness as Impoliteness: At the Intersection of Different Cultural Norms and Rules]. Sharonov I.A., ed. *Vezhливost i antivezhливost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., pp. 38-44.
- Bragina N.G., Issers O.S., Mendoza I., Rathmayr R., 2021. Kategoriya yazykovoy vezhливosti i ee kompleksnoe opisanie (k postanovke problemy) [The Category of Linguistic Politeness and Its Complex Description: On the Problem Statement]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 8, no. 2, pp. 217-232. DOI: [10.24147/2413-6182.2021.8\(2\).217-232](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232)
- Bkhatti N.V., Gorbacheva O.A., Kharitonova E.Yu., 2022. Kategoriya vezhливosti v indoevropeyskikh yazykakh: sravnitelnyy aspekt (na materiale angliyskogo, nemetskogo, russkogo i urdu) [Category of Politeness in Indo-European Languages: Comparative Aspect (Based on English, German, Russian, and Urdu)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], vol. 28, no. 3, pp. 151-160. DOI: [10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160)
- Vlasyan G.R., 2011. Kommunikativnaya kategoriya vezhливosti: problema interpretatsii [Communicative Category of Politeness: Problem of Interpretation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 33 (248), iss. 60, pp. 36-38.
- Gazizov R.A., Muryasov R.Z., 2014. Grammaticheskie sposoby reprezentatsii implitsitnoy vezhливosti v nemetskoy lingvokulture [Grammatical Means of Implicit Politeness Representation in German Linguistic Culture]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 19, no. 3, pp. 972-976.
- Gladrov V., 2006. Skrytaya kategoriya vezhливosti v russkom i nemeckom yazykah [Implicit Category of Politeness in Russian and German Languages]. *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost / implitsitnost vyrazheniya smyslov* [Semantic-Discursive Studies of Language: Explicitness / Implicitness in the Expression of Meanings]. Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta, pp. 81-93.
- Gorbatovskiy A.S., Oleynik M.A., 2023. Kategoriya vezhливosti v protsesse modelirovaniya kulturnogo prostranstva khudozhestvennogo teksta [The Category of Politeness in the Process of Modelling of a Literary Text's Cultural Space]. *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [German Philology in St. Petersburg State University], iss. 13, pp. 198-211. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110>
- Dzhioeva A.A., Sosodova V.S., 2014. Konstruenty kategorii vezhливosti: kontsept stiff upper lip [Constructors of the Politeness: Concept Stiff Upper Lip]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 4, pp. 85-100.
- Issers O.S., 2025. Kommunikativnaya kategoriya takta i yeye reprezentatsiya v professionalnykh sferakh obshcheniya [The Communicative Category of Tact and Its Representation in Professional Spheres of Communication]. *Jurnal Sibirskogo Federalnogo Universiteta. Humanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], iss. 18 (10), pp. 2022-2034.
- Karaban N.A., 2006. *Kommunikativno-pragmaticheskiye aspekty realizatsii kategorii vezhливosti v ofitsialno-delovom stile russkogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and Pragmatic Aspects of the Politeness Category Implementation in the Official Business Style of the Russian Language. Cand. philol. sci. abs. diss.] Volgograd. 23 p.
- Klimenko O.K., 2005. Kategoriya vezhливosti i rechevoy etiket v russkom yazyke [Category of Politeness and Speech Etiquette in Russian]. *Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: (Funktsionalnye i statusnye kharakteristiki)* [Russian Language in

- Modern Society (Functional and Status Characteristics)]. Moscow, INION RAN, pp. 85-101.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii. Sopostavlenie angliyskih i russkih lingvokulturnyh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 512 p.
- Larina T.V., 2018. *Vezhlivost, nevezhlivost i grubost v mezhkulturnom aspekte* [Politeness, Impoliteness and Rudeness in an Intercultural Perspective]. Sharonov I.A., ed. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., pp. 133-144.
- Ratmajr R., 2003. *Pragmatika izviniya. Sravnitelnoye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [The Pragmatics of Apology. Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 272 p.
- Ratmajr R., 2018. *Vezhlivost v russkoy i avstriyskoy kulturah: mify i realnost* [Politeness in Russian and Austrian Cultures: Myths and Reality]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., pp. 234-245.
- Formanovskaya N.I., 2007. *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech Interaction: Communication and Pragmatics]. Moscow, IKAR Publ. 480 p.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A., 2023. Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 575-594. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594
- Goffman E., 2003. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Reflections*, vol. 4, no. 3, pp. 7-13.
- Grice H.P., 1975. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts*. New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Kasper G., 1990. Linguistic Politeness: Current Research Issues. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, pp. 193-218.
- Lakoff R., 1973. The Logic of Politeness, or Minding Your P's and Q's. *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Chicago Linguistic Society, vol. 9, pp. 292-305.
- Leech G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 250 p.
- Vorderwülbecke K., 2001. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk. *Höflichkeitsstile*. Frankfurt am Main, Lang, pp. 27-46.
- SOURCE**
- Barnes J. *The Only Story*. London, Vintage. 2018. 213 p.

Information About the Author

Elena V. Bodnaruk, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e.bodnaruk@narfu.ru, bodnaruk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>

Информация об авторе

Елена Владимировна Боднарук, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, e.bodnaruk@narfu.ru, bodnaruk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.5>

UDC 81'367.623

LBC 81.052.1

Submitted: 30.04.2025

Accepted: 01.07.2025

PROMOTIONAL ADJECTIVES IN GRANT PROPOSAL ABSTRACTS: A CORPUS STUDY ¹

Dmitriy S. Tulyakov

HSE University, Perm, Russia

Tatiana M. Permyakova

HSE University, Perm, Russia

Ekaterina A. Balezina

HSE University, Perm, Russia

Abstract. By effectively integrating promotional discourse into grant proposal abstracts, researchers can more compellingly present their ideas and increase their chances of securing funding. Implications of promotional adjectives in grant writing might differ across various research fields. This study aims to explore the use of promotional adjectives in abstracts of research grant proposals in six research fields, ranging from arts and humanities to natural sciences, to confirm the hypothesis that the frequencies of promotional adjectives in abstracts across disciplines and the proportion of discipline-specific and general promotional adjectives within disciplines vary considerably. 148 promotional adjectives in six disciplinary corpora of abstracts of research grant proposals funded by UK Research and Innovation in 2012–2023 (over 13 million words, 28,551 texts) were examined. The results show that general promotional adjectives in grant proposal abstracts demonstrate high frequency regardless of the genre and the discipline; discipline-specific adjectives are more likely to be presented in Arts and Humanities, Engineering and Physics, and Economics and Social Sciences than in Natural Sciences. The use of promotional adjectives is consistent, yet distinct, in all disciplines. The results of the study may have implications for disciplinary researchers' grant writing practices and in teaching English for Academic Purposes.

Key words: grant proposal abstracts, linguistic corpus, corpus linguistics, promotional adjectives, Social Sciences, Natural Sciences, Humanities.

Citation. Tulyakov D.S., Permyakova T.M., Balezina E.A. Promotional Adjectives in Grant Proposal Abstracts: A Corpus Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 58-67. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.5>

УДК 81'367.623

ББК 81.052.1

Дата поступления статьи: 30.04.2025

Дата принятия статьи: 01.07.2025

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ПРОДВИЖЕНИЯ В ЗАЯВКАХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ГРАНТОВ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ¹

Дмитрий Сергеевич Туляков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Татьяна Михайловна Пермякова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Екатерина Андреевна Балезина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Аннотация. Эффективно интегрируя дискурс продвижения в аннотации заявок на гранты, исследователи могут более убедительно представить свои идеи и повысить шансы на получение финансирования. Частотность использования прилагательных продвижения при написании заявок на гранты может отличаться в разных областях исследований. В данной статье рассматривается употребление прилагательных продвижения в аннотациях заявок на гранты в шести научных сферах. Основная гипотеза состоит в том, что частотности прилагательных продвижения в разных дисциплинах существенно отличаются и что пропорциональное соотношение дисциплинарно-специфичных и общих прилагательных продвижения также различается. Проанализированы 148 прилагательных продвижения в шести дисциплинарных корпусах аннотаций заявок на гранты, финансируемых Британским фондом исследований и инноваций в 2012–2023 гг. (более 13 млн слов, 28 551 текстов). Хотя прилагательные продвижения высокочастотны в аннотациях во всех дисциплинах, дисциплинарно-специфичные прилагательные отмечены в пропорционально большем объеме в искусстве и гуманитарных науках, инженерии и физике, экономике и социальных науках, чем в естественных науках. Использование прилагательных продвижения является стабильно высоким и последовательным, но в то же время различающимся во всех дисциплинах. Практическая значимость работы выражается в применении результатов для написания грантов исследователями в рамках разных научных дисциплин и разработки учебных пособий по иностранному языку для специальных целей. *Вклад авторов.* Теоретический обзор исследования выполнен Т.М. Пермяковой, корпус аннотаций собран и обработан Д.С. Туляковым, статистический анализ проведен Е.А. Балезиной.

Ключевые слова: заявки на получение грантов, лингвистический корпус, корпусная лингвистика, прилагательные продвижения, социальные науки, естественные науки, гуманитарные науки.

Цитирование. Туляков Д. С., Пермякова Т. М., Балезина Е. А. Прилагательные продвижения в заявках на получение грантов: корпусное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 58–67. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.5>

Introduction

Promotional language in research writing refers to the strategic use of words and phrases that emphasize the importance, novelty, and potential impact of ideas [Hyland, Jiang, 2021]. The frequency of promotional linguistic items in scientific writing has increased significantly over the years, particularly in grant applications and abstracts [Millar, Batalo, Budgell, 2022].

Most applications for research funding face strong competition, as a result, applicants are forced to make their proposal stand out [Hanauer, Englander, 2011; Lillis, Curry, 2010; Martín, Pérez, 2014; Watermeyer, Chubb, 2019]. By effectively integrating promotional discourse into grant proposal abstracts, researchers can more compellingly present their ideas and increase their chances of securing funding [Connor, Mauranen, 1999; Feng, 2008]. Promotional language not only aids in securing funding but also reflects and enhances the perceived innovativeness of research proposals. It helps convey the originality and potential impact of scientific ideas to reviewers [Peng et al., 2024].

Promotional genre has become a versatile and fast-developing area of discourse, influencing the nature of professional and academic speech [Bhatia, 2005]. While it has transited to electronic communication, some publications by authorities with editorial experience recommend to refer to promotional discourse in a larger number of highly competitive fields and discussions [Shaw, Kuteeva, Okamura, 2014; Shaw, Okamura, 1999].

Researchers agree on the multifaceted nature of the proposal genre. Englander [2014] posits that research proposals constitute a diverse array of texts authored by scholars. Feng [2002] asserts that research grant proposals serve as a portal through which one can gain insight into various academic engagements and interactions. Specifically, the application of proposal genre conventions to the structure of texts enhances the readers' ability to select pertinent information, and adherence to an impersonal writing style augments the likelihood of securing readers' approval in a wide range of disciplines [Lagerwerf, Bossers, 2002; Ruesch, 2014]. Additionally, the study conducted by Feng [2002] elucidated the correlation between distinctive referential writing behaviors of applicants

(individual self-promotion) and adherence to the conventions of proposal genres, such as compliance with established formats. Written academic discourse, where the proposal genre belongs, is highly persuasive, as scholars need to convince readers of the validity and relevance of their research using interpersonal promotional strategies appropriate to the specific disciplinary and linguistic communities [Mur-Dueñas, 2018].

The importance of the abstract as a genre of research writing has been long recognised. Research abstracts, which are expected to provide accurate summaries of full papers or projects [Swales, Feak, 2010], are usually freely available to all readers, including those who do not have a subscription to a particular resource. Moreover, abstracts are reproduced across a wide range of online information systems (including citation and bibliographic databases, academic search engines, funding agencies' portals, publisher websites, and institutional repositories), which makes abstracts a first point of contact between readers and research. Naturally, with a constantly growing flow of scientific publications, researchers increasingly rely on abstracts when searching for relevant information in their field and, generally, navigating the vast landscape of academic research [Méndez Alcaraz, Alcaraz Ariza, 2020].

To promote one's research means evaluating it in positive terms as an attempt to persuade the reader in a favourable attitude towards it [Martin, White, 2005]. Promotional words generally are mainly adjectives, such as *groundbreaking*, *innovative*, *unique*, *revolutionary*, *fundamental*, etc. [Peng et al., 2024], which can be explained by the capacity of this speech part to express evaluative meaning.

Application and implications of promotional adjectives might differ across various research fields. Studies have found that in scientific grant proposals promotional language is often used to highlight the novelty and potential impact of research [Peng et al., 2024]. In humanities, however, promotional language is less formally studied [Eisen, 2014]. Unlike in sciences, where specific metrics like funding success are directly tied to promotional language, humanities rely more on qualitative assessments of cultural impact and engagement, which, in turn, also involve promotional elements to highlight the value of humanities studies [Eisen, 2014].

Though widely differing study areas involve promotional language intensively, there are, to our knowledge, no investigations comparing promotional adjectives across different disciplines, particularly, in grant proposal abstracts [Hyland, Jiang, 2018]. In order to identify patterns of disciplinary variation, we aim to explore the frequencies of promotional adjectives in abstracts of research grant proposals in six different research fields, ranging from arts and humanities to bio- and natural sciences. The research questions are the following:

RQ 1: Do disciplines differ in the frequency of promotional adjectives use?

RQ 2: Are there differences in the proportion of discipline-specific and general promotional adjectives across various disciplines?

Material and methods

To examine the use of promotional adjectives, we have built a corpus of abstracts of research grant proposals submitted to six UK Research and Innovation research councils (UKRI), namely to Arts and Humanities Research Council (AHRC), Biotechnology and Biological Sciences Research Council (BBSRC), Economic and Social Research Council (ESRC), Engineering and Physical Sciences Research Council (EPSRC), Medical Research Council (MRC), Natural Environment Research Council (NERC). The resulting UKRI corpus includes all successful grant proposals for projects funded from 2012 to 2023. All data was obtained from UKRI's website the Gateway to Research (GtR, n.d.) on January 15, 2024. For convenience, the names of the subcorpora comprising the UKRI corpus have been shortened in a way that reflects the disciplines they represent (see Table 1). The corpus was built by a custom-made Python script, and the word frequency information was obtained with the help of WordSmith Tools, version 8.0 [Scott, 2022].

For selection of promotional adjectives for this research we, firstly, referred to the most comprehensive study of promotional adjectives, done by Millar et al. [2023], who compiled and verified an extensive list of 112 promotional adjectives by examining academic abstracts. Our list is largely based on this work, with the addition of promotional adjectives mentioned in Hyland and

Jiang [2018]. After consulting a range of dictionaries and thesauruses and doing test search queries on our abstract collection, we concluded that the resulting list of 148 promotional adjectives would help to verify the specifics of promotion in research grant abstracts. The words that appear to function predominantly as nouns or verbs in our corpus, for example, quality, experienced, etc., were excluded.

Results and discussion

That list of 148 promoting adjectives was used for search queries throughout the corpus. Table 2 shows the distribution of all adjectives in six corpora ordered by items normalized by 1 million words. It is evident that Engineering and Physics research proposal abstracts employ the most adjectives (14,958), and thus demonstrate high promotional potential, while Social Sciences engage the least number of hyping adjectives (10,399).

The top 10 most frequent adjectives used in research proposal abstracts all along the six corpora are *new*, *important*, *potential*, *novel*, *significant*, *effective*, *leading*, *critical*, *fundamental*, and *unique* (Table 3). The biggest share of most frequently used adjectives is again contained in Engineering and Physics.

From the data above we can conclude that the top 1 adjective *new* is most frequently used in Engineering and Physics subcorpus; yet Arts and Humanities rank the second in the use of this adjective. The examples below demonstrate its presence in the abstracts:

(1) This also makes it difficult to identify and pursue **new** research directions in the field, especially in collaboration between academia and industry (Engineering and Physics, 2021 – 119,515);

(2) This proposal will make a radical **new** contribution by providing much better constrained estimates of methane contributions from lakes (Natural Environment, 2021 – 119,802).

Table 1. Total number of abstracts funded by six UKRI research councils in the UKRI corpus and total word count for six subcorpora

Research council	No of abstracts	Total words
Arts and Humanities	2,817	1,426,163
Social Research and Economics	3,224	1,659,723
Engineering and Physics	8,161	3,388,438
Medical Research	4,389	2,020,443
Biotechnology	5,310	2,408,224
Natural Environment	4,650	2,269,512
UKRI	28,551	13,172,548

Table 2. Normalized frequency of promotional adjectives in six discipline subcorpora (words per million)

Science disciplines	Arts and Humanities	Social Research and Economics	Engineering and Physics	Medical Research	Biotechnology	Natural Environment	Total
Total number of adjectives	12,061	10 399	14 958	12 554	11 824	11 247	73 044

Table 3. Top 10 promotional adjectives in six corpora (words per million)

Promotional adjectives	Arts and Humanities	Social Research and Economics	Engineering and Physics	Medical Research	Biotechnology	Natural Environment	Total	Var
<i>New</i>	3 223	2 795	3 764	2 349	2 888	2 371	17 390	0,169
<i>Important</i>	647	2 046	971	1 100	1 568	1 412	7 744	0,349
<i>Potential</i>	738	883	1 106	869	897	978	5 472	0,123
<i>Novel</i>	184	909	1 006	252	762	516	3 628	0,517
<i>Significant</i>	567	421	731	501	421	601	3 242	0,201
<i>Effective</i>	199	459	456	545	938	272	2 869	0,496
<i>Leading</i>	347	340	646	310	494	411	2 548	0,272
<i>Critical</i>	468	415	451	340	324	527	2 525	0,169
<i>Fundamental</i>	124	537	698	151	202	397	2 109	0,604
<i>Unique</i>	292	326	376	275	280	378	1 928	0,133

(3) The aim of the proposed follow-on project is to identify and pursue **new** opportunities to implement and exploit the peri-dyeing technique within different textile sectors... (Arts and Humanities, 2017 – 119,514).

The semantics of importance leads Biology and Natural Sciences corpora, however, with only 5 adjectives (*important, essential, crucial, vital, valuable*):

(4) ...methods to be developed in the project are efficient in extracting information in the genomic datasets, while accommodating **important** biological processes involved, such as the polymorphism in the ancestral species, uncertainties in the gene (Biotechnology, 2023 – 39,481);

(5) In this proposal, we aim to identify all **essential** co-factors and substrates (including non-histones) of the Sin3A complex in an array of primary cell types (Biotechnology, 2017 – 42,067);

(6) Specifically, the experimental programme will address **crucial** outstanding questions including: the precise mechanism by which iron and sulfur are delivered... (Biotechnology, 2018 – 40,501);

(7) It delivers exceptional scientific value for UK taxpayer support and **vital**, timely discoveries for policy-makers (Natural Environment, 2023 – 65,864);

(8) It is therefore an extremely rare and **valuable** opportunity to obtain both seafloor and floating samples with excellent constraints... (Natural Environment, 2019 – 62,340).

The engineering corpus is distinct with the use of 8 adjectives (*significant, fundamental, ultimate, imperative, foundational, excellent, paramount, indispensable*):

(9) For marine renewables to significantly contribute to the low-carbon energy mix towards 2050, **significant** offshore development in the form of very

large scale arrays will be needed (Engineering and Physics, 2014 – 816);

(10) This project will establish the feasibility and **fundamental** tools to build using rammed earth on Mars and will lay a foundation for future research and development work... (Engineering and Physics, 2023 – 66,229);

(11) Examples of **ultimate** impact include unique conspicuous benefits for experimental scientists, product development teams and... (Engineering and Physics, 2014 – 174,993).

The data obtained show the discipline-related variation and high frequency of promotional adjectives in abstracts regardless of genre and the discipline. This finding aligns with the conclusions made by Hyland and Jiang [2018]. To test our initial assumption of the distinction of the adjectives use in six disciplinary corpora, it is necessary to look deeper at the differences within the frequency range.

Our second hypothesis is that abstracts in some disciplines would rely more heavily on promotional adjectives that are more or less equally frequent in all disciplinary subcorpora, and some disciplines would contain a higher proportion of disciplinary-specific adjectives, i.e. the adjectives that are much more frequent in one discipline than in the whole corpus in general. To test this hypothesis, we divided the adjectives into four groups based on their frequency in the entire corpus and coefficient of variation (CV). The CV is determined by ratio of the standard deviation to the mean frequency of an adjective across six disciplinary corpora. The lower the CV, the more even is the frequency of an adjective across the disciplinary subcorpora. Figure 1 shows four groups of adjectives: group 1 – high variation and high frequency;

<p>Group 2 high variation ($CV \geq 0.5$) and low frequency ($FQ < 100wpm$) N=55 words (<i>premier, expansive, paramount, revolutionary, attractive, etc.</i>)</p>	<p>Group 1 high variation ($CV \geq 0.5$) and high frequency ($FQ \geq 100wpm$) N=15 words (<i>creative, largest, essential, etc.</i>)</p>
<p>Group 4 low variation ($CV < 0.5$) and low frequency ($FQ < 100wpm$) N=43 words (<i>overwhelming, pivotal, incredible, groundbreaking, etc.</i>)</p>	<p>Group 3 low variation ($CV < 0.5$) and high frequency ($FQ \geq 100wpm$) N=35 words (<i>valuable, huge, strong, new, successful, etc.</i>)</p>

Fig 1. Variation and frequency in adjective groups

group 2 – high variation and low frequency; group 3 – low variation and high frequency, and group 4 – low variation and low frequency (cf., Fig. 1). Such division allows us to examine whether the disciplinary corpora are similar or different in terms of the proportion of adjectives showing higher or lower frequencies and higher or lower fluctuation in frequency across corpora.

The distribution of the corpora by groups is presented in Figure 2, which shows that discipline-specific adjectives (group 1 and group 2) are used more frequently than those in Arts and Humanities, Engineering and Physics, and Economics and Social Sciences (over 20% on average). The other three corpora use discipline-specific adjectives to a lesser extent (below 20%). Natural Sciences, including Medical and Biological ones, tend to

use highly consistent but low-varied promotional adjectives (compare data on Figure 3, presenting low-frequency adjectives contained in groups 2 and 4).

Statistically, to test the level of consistency between the disciplinary corpora, Pearson’s correlations were calculated (Table 4). The coefficients (Pearson’s correlations) show a statistically significant difference between the corpora divided into 4 groups given above.

The data presented preliminarily conclude that the use of promoting adjectives shows high correlations between the corpora, accounting on the frequency and variation of promotional lexical items.

To test the variation hypothesis with regard to particular adjectives in relation to each subcor-

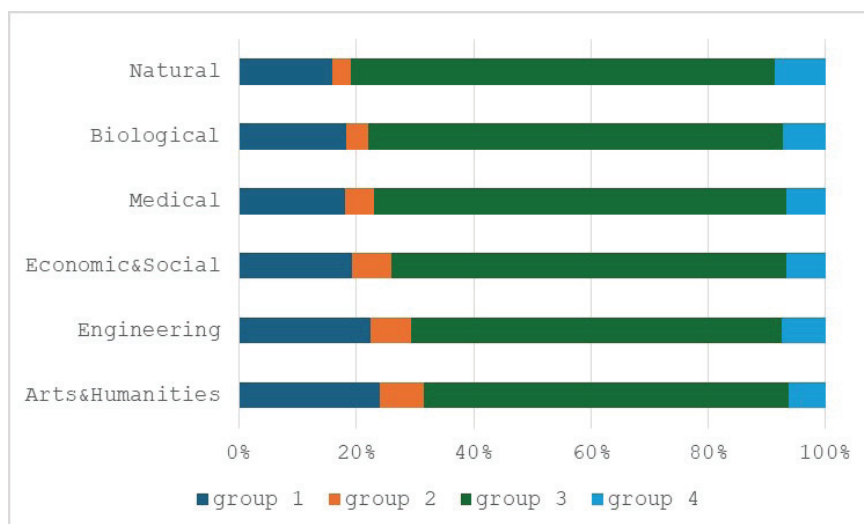

Fig. 2. Group distribution across six disciplinary corpora

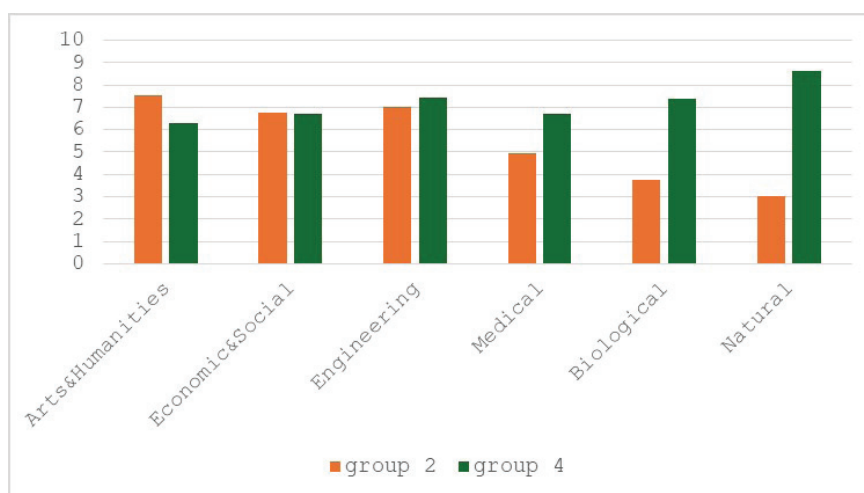

Fig. 3. Distribution of low-frequency adjectives across six disciplinary corpora

pus, we calculated the coefficient of variation of all the adjectives in corpora. Statistically, the top five most diverging adjectives are the following: *creative*, *influential*, *original*, *efficient*, and *solid* (given in cursive in Table 5). Statistically, the bottom five diverging adjectives are *potential*, *vital*, *crucial*, *great*, and *unique* (underlined in Table 5).

Having overviewed Table 5, we may assume that the difference in use might be explained by lexical polysemy of particular adjectives. To understand whether this is the case, we looked at the 2-word collocations, i.e. 2-word clusters with reference to the discipline. Below we provide examples of 2-word clusters for the words *creative* and *potential* (Table 6; examples 12–15).

As we can observe from Table 6, collocations with the word *creative* produce generic terms, e.g. *creative industries*, not the promotional attribution, in all six disciplines. The word

potential is mainly used as an intensifier to a promotional specific noun, e.g. *potential benefits*, *potential future applications*. The non-promotional, i.e. terminological, meaning of the collocates with *potential* is specific to certain disciplines, e.g. *potential energy* in Physics. The examples below demonstrate it:

(12) The team assisted motion capture and immersive technology training for free to over 100 **creative industries**, HEIs and healthcare companies. (Engineering and Physics, 2020 – 217);

(13) Annually, IPV costs in the UK are estimated at £36.7 billion. **Potential benefits** of this work include the reduction of IPV perpetration by male substance abusers. (Social Research and Economics, 2014 – 46,130);

(14) From pop music to graffiti, these sources have played a **vital role** in articulating political meaning ‘from below’ in a vastly expanded public sphere (Arts and Humanities, 2016 – 17,619);

Table 4. Interrelation of corpora (Pearson’s correlations)

Variable		Arts and Humanities	Social Research and Economics	Engineering and Physics	Medical Research	Biotechnology	Natural Environment
Arts and Humanities	Pearson’s <i>r</i>	–					
	<i>p</i> -value	–					
Social Research and Economics	Pearson’s <i>r</i>	0.994	–				
	<i>p</i> -value	0.006	–				
Engineering and Physics	Pearson’s <i>r</i>	0.999	0.998	–			
	<i>p</i> -value	0.001	0.002	–			
Medical Research	Pearson’s <i>r</i>	0.992	1.000	0.996	–		
	<i>p</i> -value	0.008	< .001	0.004	–		
Biotechnology	Pearson’s <i>r</i>	0.991	0.999	0.996	1.000	–	
	<i>p</i> -value	0.009	0.001	0.004	< .001	–	
Natural Environment	Pearson’s <i>r</i>	0.983	0.996	0.990	0.998	0.999	–
	<i>p</i> -value	0.017	0.004	0.010	0.002	0.001	–

Table 5. The most and least divergent adjectives (normalized frequency, words per million)

Promotional adjectives	Arts and Humanities	Social Research and Economics	Engineering and Physics	Medical Research	Biotechnology	Natural Environment	Total	CV
<i>Creative</i>	1 521	127	4	37	9	7	1 705	1,9526
<i>Solid</i>	22	14	49	329	27	99	540	1,2288
<i>Efficient</i>	18	87	250	683	122	93	1 253	1,0679
<i>Original</i>	360	130	42	74	43	34	684	1,0078
<i>Influential</i>	48	47	6	10	9	9	130	0,8563
<i>Effective</i>	199	545	459	456	938	272	2 869	0,4961
<i>Unique</i>	292	275	326	376	280	378	1 928	0,1329
<i>Great</i>	194	157	198	222	154	173	1 098	0,1315
<i>Potential</i>	738	869	883	1106	897	978	5 472	0,1227
<i>Crucial</i>	176	202	231	214	165	214	1 202	0,1152
<i>Vital</i>	127	127	167	157	143	163	882	0,1101

(15) Some of these babies may suffer from a form of starvation during pregnancy, not receiving **the vital oxygen and nutrients** they need from their mother (Medicine, 2015 – 137,832).

Conclusions

With regard to the first research question, “Do disciplines differ in frequency of promotional adjectives use?”, it is clear that research proposal abstracts for Engineering and Physics use the most adjectives and, consequently, promote the most, whereas those for Social Sciences use the fewest hyping adjectives. However, the entire arrangement of promotional adjectives across six corpora turns out to be similar and non-distinctive quantitatively. This result is consistent with the studies of linguistic features of academic promotional genres [Bhatia, 2005; Casal, Kessler, 2020; Hyland, Jiang, 2024; Shaw, 2006; Shaw, Kuteeva, Okamura, 2014; Xie, Mi, 2023].

Further itemised analysis indicates that the subcorpus of Engineering and Physics also uses the top-frequent adjectives the most (*new, potential, novel*), while the Arts and Humanities rank the second. This finding implies that promotional adjectives are employed in abstracts irrespective of the genre and the discipline. This result supports the findings of Hyland and Jiang [2018].

As for the second hypothesis whether the proportion of discipline-specific and general promotional adjectives within disciplines differs across various disciplines. It is evident that in Arts and Humanities, Engineering and Physics, and Economics and Social Sciences, discipline-specific adjectives, e.g. *creative, solid, potential*, are used more frequently than others. Adjectives that are highly frequent but do not show a considerable variation across the disciplines are the most typical of the Natural Sciences, including the medical and biological ones.

A number of adjectives (*potential, creative, etc.*) are primarily employed as intensifiers to a promotional particular noun or have a non-promotional, or terminological, meaning, unique to certain research areas. Although 2-word collocations are not the subject of this study, we might explain this result by the lexical polysemy of specific adjectives and suggest it serve as starting point for further investigations.

The study is not devoid of limitations. Even though the sample is representative, it reflects promotion in grant proposals to one granting organisation only, which limits the genre, linguistic, social and cultural variation. Overcoming these limitations may assist not only in obtaining finer results but also in developing corpus methodology in linguistics, especially in differentiation of polysemy in academic texts.

To conclude, with this study we found, first, that promotional adjectives in grant proposal abstracts are used regardless of the genre. Second, highly-varied discipline-specific adjectives are more common in Arts and Humanities, Engineering and Physics, and Economics and Social Sciences, while low-variety promotional adjectives are typical of Natural Sciences. The implications of this research work are two-fold: firstly, grant-applying researchers may critically estimate their views on the ever-going disciplinary debate over their grant writing practices, and secondly, English for Academic Purposes course designers could benefit from the new corpus data in a promotional academic genre.

NOTE

¹ The paper was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 25-00-020 “Self-Promotion and Criticality in Academic Communication”).

Table 6. Top two 2-word collocations for most frequent diverging adjectives

Adjective	Collocates in the corpora	Discipline-specific collocates
<i>Creative</i>	writing/arts	industries/industry/practices (Arts and Humanities)
<i>Potential</i>	of/to/for/impact/applications/benefits/as/in	polysemy: energy/solutions/treatment (Engineering and Physics) boosters: therapeutic/future/environmental (Natural Environment)

REFERENCES

- Bhatia V.K., 2005. Generic Patterns in Promotional Discourse. *Persuasion Across Genres*, pp. 213-229. DOI: 10.1075/pbns.130.13bha
- Casal J.E., Kessler M., 2020. Form and Rhetorical Function of Phrase-Frames in Promotional Writing: A Corpus- and Genre-Based Analysis. *System 95*. DOI: 10.1016/j.system.2020.102370
- Connor U., Mauranen A., 1999. Linguistic Analysis of Grant Proposals: European Union Research Grants. *English for Specific Purposes*, vol. 18 (1), pp. 47-62. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00026-4
- Eisen S., 2014. The Language Flagship Model and the Humanities. *Russian Language Journal*, vol. 64 (1). DOI: 10.70163/0036-0252.1119
- Englander K., 2014. *Writing and Publishing Science Research Papers in English: A Global Perspective*. S.I., Springer. DOI: 10.1007/978-94-007-7714-9
- Feng H., 2002. *Genre Analysis of Research Grant Proposals: Dr. diss.* Vancouver. 186 p. DOI: 10.14288/1.0078162
- Feng H., 2008. A Genre-Based Study of Research Grant Proposals in China. *Contrastive Rhetoric: Reaching to Intercultural Rhetoric*. S.I., John Benjamins Publishing Company, pp. 63-86. DOI: 10.1075/pbns.169.07fen
- Hanauer D.I., Englander K., 2011. Quantifying the Burden of Writing Research Articles in a Second Language: Data from Mexican Scientists. *Written Communication*, vol. 28 (4), pp. 403-416. DOI: 10.1177/0741088311420056
- Hyland K., Jiang F., 2018. Academic Lexical Bundles: How Are They Changing? *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 23 (4), pp. 383-407. DOI: 10.1075/ijcl.17080.hyl
- Hyland K., Jiang F., 2021. "Our Striking Results Demonstrate ...": Persuasion and the Growth of Academic Hype. *Journal of Pragmatics*, vol. 182, pp. 189-202. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.018
- Hyland K., Jiang F., 2024. Hying the REF: Promotional Elements in Impact Submissions. *Higher Education*, vol. 87 (3), pp. 685-702. DOI: 10.1007/s10734-023-01030-y
- Lagerwerf L., Bossers E., 2002. Assessing Business Proposals: Genre Conventions and Audience Response in Document Design. *The Journal of Business Communication (1973)*, vol. 39 (4), pp. 437-460. DOI: 10.1177/002194360203900403
- Lillis T., Curry M.J., 2010. *Professional Academic Writing in Global Context*. Routledge. 224 p.
- Martin J.R., White P.R., 2005. *The Language of Evaluation. Vol. 2*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
- Martín P., Pérez I.K.L., 2014. Convincing Peers of the Value of One's Research: A Genre Analysis of Rhetorical Promotion in Academic Texts. *English for Specific Purposes*, vol. 34, pp. 1-13. DOI: 10.1016/j.esp.2013.09.002
- Méndez Alcaraz D.I., Alcaraz Ariza M.Á., 2020. Research Paper Abstracts in Monthly Notices of the Royal Astronomical Society (1943–2018). A Diachronic Approach Focusing on Linguistic and Authorial Implications. *English Text Construction*, vol. 13 (1), pp. 62-83.
- Millar N., Batalo B., Budgell B., 2022. Trends in the Use of Promotional Language (Hype) in Abstracts of Successful National Institutes of Health Grant Applications, 1985–2020. *JAMA Network Open*, vol. 5 (8), art. e2228676. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.28676
- Mur-Dueñas P., 2018. Promotional Strategies in Academic Writing. *Persuasion in Public Discourse*, pp. 259-277. DOI: 10.1075/dapsac.79.12mur
- Peng H., Qiu H.S., Fosse H.B., Uzzi B., 2024. Promotional Language and the Adoption of Innovative Ideas in Science. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.*, vol. 121 (25), art. e2320066121. DOI: 10.1073/pnas.2320066121
- Ruesch A.M., 2014. *The Civil Engineering Proposal: A Study Employing Genre Analysis*. S.I., University of Minnesota Digital Conservancy.
- Scott M., 2022. *WordSmith Tools Version 8 (64 Bit Version) Stroud: Lexical Analysis Software*.
- Shaw P., 2006. Evaluative Language in Evaluative and Promotional Genres. Del Lungo G., Dossena M., Crawford B. *Variation in Business and Economics Discourse: Diachronic and Genre Perspectives*. Rome, Officina Edizioni. 13 p.
- Shaw P., Kuteeva M., Okamura A., 2014. Submission Letters for Academic Publication: Disciplinary Differences and Promotional Language. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 14, pp. 106-117. DOI: 10.1016/j.jeap.2014.02.002
- Shaw P., Okamura A., 1999. The Letter of Submission: Avoiding the Promotional Genre. *IEEE Transactions on Professional Communication*, vol. 41 (4), pp. 274-276. DOI: 10.1109/47.735370
- Swales J.M., Feak C.B., 2010. From Text to Task: Putting Research on Abstracts to Work. *Current Trends in English for Professional and Academic Purposes*, pp. 169-182. DOI: 10.1163/9789042029569_012
- Watermeyer R., Chubb J., 2019. Evaluating "Impact" in the UK's Research Excellence Framework (REF): Liminality, Looseness and New Modalities of Scholarly Distinction. *Studies in Higher Education*, vol. 44 (9), pp.1554-1566. DOI: 10.1080/03075079.2018.1455082
- Xie S., Mi C., 2023. Promotion and Caution in Research Article Abstracts: The Use of Positive, Negative and Hedge Words across Disciplines and Rankings. *Learned Publishing*, vol. 36 (2), pp. 249-265. DOI: 10.1002/leap.1515

Information About the Authors

Dmitriy S. Tulyakov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, HSE University, Perm, Russia, dstulyakov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3272-6925>

Tatiana M. Permyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, HSE University, Perm, Russia, tpermyakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4960-5038>

Ekaterina A. Balezina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Management, HSE University, Perm, Russia, eabalezina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Туляков, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, dstulyakov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3272-6925>

Татьяна Михайловна Пермякова, доктор филологических наук, профессор департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, tpermyakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4960-5038>

Екатерина Андреевна Балезина, кандидат социологических наук, доцент департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, eabalezina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.6>

UDC 81'22
LBC 81.002

Submitted: 06.04.2025
Accepted: 04.09.2025

VERBAL ASPECT OF CULTURAL MEMORY¹

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of verbal aspects of cultural memory. Being represented in mental and iconic dimensions, cultural memory is a property of culture that consists in value labelling, storage and transmission of information. Value labelling is carried out at the level of correlation of knowledge with the axiology of culture, its fixation in the meanings of linguistic elements. The major way for value labelling of an object of reality is the internal form of its nomination and the evaluative component of meaning. Storage presupposes the existence of some forms, material objects accumulating selected information that can be used for its transmission. The main verbal means of storing cultural memory include cultural connotation, certain types of linguocultural units – symbols and etalons. Cultural memory has a lay character. The signs accumulating memory embody linguocultural subjects. Memory is interpreted as a dialogue of various subjects of culture or subject's auto-communication. In the process of transmission, information can be transformed under the influence of the fact that the sender and the receiver have different codes. The main construct of cultural communication is the text generated by the previous generation and decoded in accordance with the current value system by the subsequent one. Texts can be replaced by indexical signs pointing to them or transformed into short lay memories having the form of storytelling. Cultural memory acts as a means of integrating generations and thus provides the identity of linguocultural community. Cultural memory is targeted, the transmitted information is directed only to familiar recipients with the expectation of its proper decoding. The development of every culture reflects the most important types of knowledge, which become the basis of cultural memory. The paper establishes that the universal is a mental block associated with the preservation of national-and-cultural identity.

Key words: language, culture, communication, cultural memory, cultural identity, verbal language of culture.

Citation. Tokarev G.V. Verbal Aspect of Cultural Memory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 68-77. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.6>

УДК 81'22
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 06.04.2025
Дата принятия статьи: 04.09.2025

ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ¹

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию вербального плана культурной памяти. Доказан тезис, что культурная память, проявляясь в ментальном и знаковом аспектах, представляет собой свойство культуры, заключающееся в ценностном маркировании, хранении и передаче информации. Установлено, что ценностное маркирование осуществляется на уровне соотношения знаний с аксиологией культуры, его фиксацией в значениях языковых элементов. Важнейшим средством ценностного выделения объекта действи-

тельности становятся внутренняя форма его номинации и оценочный компонент значения. Хранение предполагает существование неких форм, материальных объектов, которые аккумулируют отобранную информацию и могут быть использованы для ее передачи. К вербальным средствам хранения культурной памяти отнесены в первую очередь культурная коннотация, отдельные виды лингвокультурных единиц – символы и эталоны. Показано, что культурная память имеет профанный характер. Знаки, аккумулирующие память, воплощают лингвокультурные сюжеты. Память интерпретируется как диалог разных субъектов культуры или автокоммуникация субъекта. В процессе передачи информация может трансформироваться под влиянием того, что отправляющий и принимающий имеют разные коды. Базовым конструктом культурной коммуникации выступает текст, сгенерированный предыдущим поколением и декодированный в соответствии с актуальной системой ценностей последующим. Тексты могут замещаться индексальными знаками, указывающими на них, либо трансформироваться в короткие профанные воспоминания, имеющие форму сторителлинга. Культурная память выступает средством интеграции поколений, а следовательно, обеспечивает идентичность лингвокультурной общности. Культурная память адресна, передаваемая информация направлена только «своим» с расчетом на адекватное ее декодирование. Развитие каждой культуры отражает наиболее важные типы знаний, которые становятся основой культурной памяти. Определено, что универсалией является ментальный блок, связанный с сохранением национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, культурная память, культурная идентичность, вербальный язык культуры.

Цитирование. Токарев Г. В. Вербальный аспект проблемы культурной памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 68–77. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.6>

Введение

Изучение феномена интеракции языка и культуры выявило множество проблем, связанных с порождением, передачей, хранением культурной информации и объективацией этих процессов. Их исследование актуализировало ряд понятий, рассматриваемых ранее исключительно в лингвистических науках: культурный код, культурная идентичность, культурная память. Однако изучение явлений, отраженных этими понятиями, невозможно без привлечения лингвистического материала, поскольку язык выступает средством выражения культурного своеобразия, контейнером при трансляции знаний из одной культурной парадигмы в другую. В ряду названных понятий культурную память мы считаем исходным, поскольку культурная память использует культурный код в процессе трансляции значимой информации и обеспечивает культурную идентичность субъектов культуры.

История культуры показывает, что лингвокультурная общность живет в сменяющихся одна другую эпохах [Степанов, 2001, с. 28]. При этом существует нечто, что позволяет людям не утратить своей идентичности, под которой мы понимаем результат процесса идентификации, заключающейся в «самоопределении, самоузнавании, самопостижении лич-

ности, отождествлении себя со своими и противопоставлении чужим с опорой на средства языка и культуры» [Токарев, 2023, с. 48]. Этой сущностью оказывается коллективная, или культурная, память. Термин «*коллективная память*» был предложен М. Хальбваксом [Хальбвакс, 2007]. В современных исследованиях наряду с данным термином используются «*социальная память*», «*историческая память*» [Варбург, 2008; Гинатулина, 2022; Рикёр, 2004; и др.]. Достижения современного языкознания позволяют исследовать вербальную основу культурной памяти, механизмы передачи знаний и тем самым обогащать научные представления о ее семиотической природе.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали культурно маркированные единицы, в том числе функционирующие в тульском культурном тексте, данные лингвокультурологических словарей, Национального корпуса русского языка, экспонаты Музея обороны и блокады Ленинграда, имеющие вербальную природу, современные поэтические произведения. Основным методом исследования является описание. Кроме того, использовались приемы концептуального, дискурсивного, ономазиологичес-

кого, компонентного анализа значения, метод лингвокультурологической интерпретации.

Результаты и обсуждение

Изначально память рассматривалась как исключительно психологическая категория. В психологии она определяется как «...процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. Память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией...» [Психология, 1990, с. 264]. В данном определении акцент сделан на том, что память представляет собой когнитивный процесс, функцию мозга. Экспансия и интеграция научного знания позволили экстраполировать данную категорию на лингвокультурную общность в целом. Значительный вклад в разработку проблемы хранения и передачи знаний внес Ю.М. Лотман. Память он понимал как «...способность хранить и воспроизводить информацию» [Лотман, 2000, с. 151]. Более того, Ю.М. Лотман отождествлял с памятью культуру: «...культура есть память, или, иначе говоря, запись в памяти уже пережитого коллективом, она неизбежно связана с прошлым историческим опытом» [Лотман, 2000, с. 488]. Такой подход основан, по мнению ученого, на сходстве механизмов памяти и культуры: «Семiotические аспекты культуры... развиваются... по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [Лотман, 2000, с. 615]. Проявление памяти отражают императивы: «...ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний...» [Лотман, 2000, с. 487]. Приведенные цитаты указывают, что память интерпретируется Ю.М. Лотманом в функциональном аспекте, ее предназначение заключается в регулировании настоящего и проектировании будущего.

Термин «культурная память» стал использоваться в лингвокультурологических исследованиях. В.В. Красных под данным феноменом предлагает понимать «объективизированную память общества, которое сохраняет

свою идентичность и передает ее по цепочке поколений...; это форма трансляции и актуализации культурных смыслов, которая формирует и воспроизводит идентичность общества, и в то же время это некоторое “знание”, которое регулирует деятельность человека и управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах...» [Красных, 2016, с. 132]. Как видно из приведенной дефиниции, память интерпретируется исследователем в ментально-функциональном аспекте: она связывается с идентичностью сообщества и его регламентированной жизнедеятельностью.

В нашей интерпретации память представляет собой свойство культуры, заключающееся в ценностном маркировании, хранении и передаче информации. Память имеет ментальный и знаковый аспекты, которые охватывают три указанных ее составляющие. Рассмотрим вербальный план каждого из названных аспектов памяти.

Ценностное маркирование осуществляется на уровне соотнесения знаний с аксиологией культуры, его фиксацией в значениях языковых элементов. Безусловно, основным средством ценностного выделения объекта действительности является внутренняя форма его номинации, поскольку из множества признаков избирается один, наиболее значимый для лингвокультурной общности, по А.А. Потебне «преобладающий над всеми остальными» [Потебня, 1999, с. 125]. Так, наиболее очевидно этот аспект памяти отражают урбанонимы, которые становятся результатом ценностного выделения наиболее значимых явлений для культурного сообщества. В XIX в. в тульской культуре просматривалась тенденция именовать улицы фамилиями местных меценатов: *Мотякинская, Лопатинская, Сушкинская, Ванькинская* и др., в первой половине XX в. значимыми стали революционные идеологемы, обусловившие возникновение названий, связанных с именами участников революционного движения: *Маркс, Энгельс, Ленин, Цеткин* и др. Во второй половине прошлого столетия значимыми для жителей региона становятся защитники города от гитлеровского нашествия: *Агеев, Волнянский, Горошков* и др. (Тульский край, 2023). Средством ценностно-

го маркирования является и оценочный компонент значения. Так, номинации, построенные по модели, в которой к базовому имени, ставшему культурным знаком чего-либо, добавляется прилагательное, указывающее на регион, в составе своего значения имеют оценочную сему: *Тульская Голгофа*, *Тульская Швейцария* и т. п. Базовый культурный знак аккумулирует ценностно маркированный лингвокультурный сюжет: 'место пыток, а значит, плохое место', 'красивый ландшафт, а значит, хорошее место'.

Хранение предполагает существование неких форм, материальных объектов, аккумулирующих отобранную информацию, которые могут быть использованы для ее передачи. Эта функция памяти указывает на то, что она оперирует одновременно прошлым, настоящим и будущим. Дж.Э. Бараш в качестве конструкторов культурной памяти называл «слова и символы, характерные для конкретного общества в данный период времени» [Бараш, 2020, с. 30]. По нашему мнению, такие единицы лишь отражают свою эпоху, но не актуальны для настоящего. Говоря о культурной памяти, Я. Ассман подчеркивает, что «...прошлое... сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание...» [Ассман, 2004, с. 54]. На наш взгляд, продуктивным способом хранения опыта является коннотация. Ю.Д. Апресян отмечал: «На формирование коннотации лексемы решающее влияние оказывают тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования, этимология...» [Апресян, 1995, с. 170]. Иными словами, слабые элементы значения детерминированы памятью слова. Так, значение номинация *Куликово поле* включает коннотации 'победа', 'свобода', 'независимость', 'торжество русского духа', что находит свою объективацию в многочисленных примерах: «*Александр Мирошник: Объединять может память о противостоянии угрозе внешней: Куликово поле для русичей, Косово поле для сербов, Грюнвальд для белорусов, латышей, поляков, – кажущийся выразительным такой пример, как Победа в Великой Отечественной совет-*

ского народа при более пристальном рассмотрении не является таким уж однозначным (НКРЯ: Форум: История – это то, что с нами будет, 2010); *Для нас Чулмандор все равно что Куликово поле для Москвы* (НКРЯ: Алексей Иванов. Сердце Пармы, 2000) *Три великие победы в истории России – когда отступить было уже поздно: Куликово поле, Бородино, Сталинград...* (НКРЯ: А.Б. Гребнев. Дневник, 1984).

Исследователи культурной памяти отмечают ее профанный, не научный характер, чем она отличается от исторической памяти, являющейся результатом научного осмысления действительности. Историческая память фиксирует все в мельчайших подробностях, устанавливает причинно-следственные связи между явлениями, культурная – отдельные, наиболее значимые для процесса идентификации явления. Историческая память по своей природе фактологична, культурная – мифологична. Знаки, аккумулирующие память, воплощают лингвокультурные сюжеты, по терминологии Я. Ассмана, мифы [Ассман, 2004]. Данные семиотические сущности объективируют культурные нормы, идеологемы. Так, в стихотворении В. Коротаяева «Русь» актуализируются лингвокультурные сюжеты о битвах с монголо-татарами, шведами: *Но стоит только им прослышать, / Что вдруг с какой-то стороны / Сосед с несметным войском вышел, / Поганя земли их страны... / Они, свои отринув беды, / Опять берут доспехов груз – / И бьют татар, и рубят шведов* (Порохом пропахшие слова, 2022, с. 98). Пишущий апеллирует к культурной памяти принимающего, лишь упоминая о событии с опорой на ключевые знаки *татары, шведы*, не прибегая к исторической точности. Указанные знаки воплощают лингвокультурные сюжеты о победе над врагом, покусившимся на родную землю.

Как говорилось выше, обыденное сознание не сохраняет исторических подробностей. Оно переосмысливает вербальные единицы, генерированные той или иной культурной парадигмой, трансформируя их в единицы культуры.

Например, стихотворение А. Боброва «9 Мая в Киеве»: *Здесь ветераны вроде бы нелепы, / Но подивимся их святому дню... / По улице предателя Мазепы / Они прохо-*

дят к Вечному огню. / «Бессмертный полк» опять в бою с врагами, / Их сплачивает память и беда / Под желто-голубыми прапорами, / Которых не бывало в те года. / Гэй, кто тут из святого поколенья?! – / Колонны атакует черный вепрь... / Мы с боем взять должны Реку забвенья, / Как люди, что форсировали Днепр! (Порохом пропахшие слова, 2022, с. 50). В приведенном стихотворении слова и словосочетания *Днепр*, *Вечный огонь*, *Бессмертный полк* становятся символами битвы за Родину, справедливости, памяти. Таким образом, средствами хранения культурной памяти могут выступать отдельные виды лингвокультурных единиц – символы и эталоны.

Я. Ассман разделяет коммуникативную и культурную память, связывая с первой информацию, актуальную для одного поколения. Культурная память включает информацию, значимую при межпоколенной коммуникации. «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Ассман, 2004, с. 52]. «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом» [Ассман, 2004, с. 54]. На наш взгляд, коммуникативная и культурная память представляют собой разные этапы мнемонической деятельности субъектов культуры. Поколение ценностно маркирует знания и наиболее важные готовит к трансферу своим преемникам, либо они избирают среди них наиболее существенные для себя. Заметим, что элементы коллективной памяти могут стать значимыми в исторической перспективе, то есть они могут быть актуализированы опосредованно, через поколение.

Сложная природа памяти дает основание для ее определения как системы. В.А. Ефремов отмечает: «Культурная память – это не только и не столько хранилище информации, сколько сложно структурированная и постоянно трансформирующаяся система» [Ефремов, 2023, с. 10]. Как видим, исследователь обращает внимание на динамический характер памяти. Если прибегнуть к индустриальной метафоре, память можно сравнить с предприятием, которое отбирает сырье и что-то из него создает.

Ю.М. Лотман писал, что в основе жизнедеятельности культуры лежит процесс коммуникации, заключающийся в передаче информации [Лотман, 2000, с. 163]. Одним из информационных потоков является трансляция знаний одного поколения другому. Сходные мысли выражает и Я. Ассман: «Память живет и сохраняется в коммуникации. Если последняя прекращается или если исчезают либо изменяются референциальные рамки коммуникативной реальности, следует забвение» [Ассман, 2004, с. 37–38]. Предложенная Ю.М. Лотманом модель коммуникации может быть использована для понимания процесса функционирования памяти, передачи знаний от одного поколения другому. Полагаем, что в лингвокультурологии память может быть интерпретирована как перманентный процесс, как диалог разных субъектов культуры, в частности разных поколений. Примером этого является сборник стихов «Порохом пропахшие слова», построенный на диалоге поэзии периодов Великой Отечественной войны и специальной военной операции: в нем приведены стихотворения, ставшие реакцией на разные события, однако составители сборника увидели нечто общее в этих произведениях и попытались эксплицировать эту связь. Очевидно, что память предполагает коммуникацию не только между разными субъектами, но и общение с самим собой, автокоммуникацию. Субъект культуры может проживать свою жизнь в разных культурных парадигмах, что подтверждает, к примеру, история XX века. Так, человек, рожденный в СССР во второй половине прошлого столетия, прошел через несколько культурных парадигм: время «оттепели», застоя, перестройки, девяностых – и в диалоге с самим собой передает себе и сохраняет знания об этих эпохах.

Основным конструктом культурной коммуникации выступает текст, сгенерированный предыдущим поколением и декодированный в соответствии с актуальной системой ценностей последующим. Ю.М. Лотман отмечает: «Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [Лотман, 2000, с. 162]. Тексты могут замещаться индексальными знаками, указывающими на них, либо трансформироваться в короткие профанные воспоминания, имеющие форму стори-

теллинга. Так, память о Куликовской битве генерировала немало легенд, которые имеют профанный характер. Одна из них связана со святым источником «Двенадцать ключей», расположенным в Венёвском районе Тульской области: *В деревне около реки Венёвки жил дед Свирид, у которого было 12 сыновей. Во время Куликовской битвы все они погибли. А там, где их похоронили, забил из-под горы родник. С тех пор идут к нему люди за здоровьем и избавлением от различных недугов. Село около источника называли Свиридовым, а родник 12 ключей – в честь двенадцати воинов, отдавших жизни за Родину* (Тульский край, 2023, с. 94).

В.А. Ефремов подчеркивает: «Культурная память гетерогенна, внутренне разнообразна, культурные смыслы в коллективной памяти “не хранятся, а растут”, видоизменяются и прорастают новыми. Следовательно, в самых общих чертах культурную память можно охарактеризовать как сложно структурированную и динамичную форму трансляции, актуализации и видоизменения культурных смыслов...» [Ефремов, 2023, с. 12]. В данном замечании важно, что память представляет собой не статичную структуру, а работающий механизм, не просто передающий будущему известные знания, а способный генерировать новые смыслы. Я. Ассман отмечает: «...память занимается воссозданием. Прошлое не может сохраняться в ней как таковое. Оно постоянно реорганизуется сменяющимися контекстами движущегося вперед настоящего. Также новое может выступать не иначе как в форме воссозданного прошлого. Традиции могут сменяться только традициями, прошлое только прошлым [Ассман, 2004, с. 43]. Т.Б. Маркова развивает эту мысль: «Культурная память – это не только сохранение и популяризация культурного наследия, но и особая форма передачи и актуализации смыслов» [Маркова, 2023, с. 94]. Разрабатывая модель коммуникации, Ю.М. Лотман обращал внимание на изменение передаваемой информации под влиянием того, что отправляющий и принимающий имеют разные коды. Поскольку память соотносится с тезаурусом принимающего, переданная информация может либо сохраняться в том же виде, либо несущественно изменяться, либо искажаться. Существенные изменения объясня-

ются прежде всего деформацией ценностной системы, что приводит к забвению отдельных фрагментов в лингвокультурных сюжетах. Искажение информации происходит под влиянием новых идеологем, культурных норм и культурного лексикона. Е.А. Бегунова отмечает: «Ярче всего это проявляется в переломные эпохи, когда идет трансформация исторического сознания человека и общества, происходит подстройка прошлого “под нужды” настоящего» [Бегунова, 2019, с. 53]. Так, в конце XX в. был прерван трансфер знаний, связанных с социалистической эпохой, последующему поколению. Результатом этого процесса стало затруднение в прочтении культурно маркированных знаков данного периода: *Коминтерн, МОПР, Кимовск* и др. (Толковый словарь..., 1998), отраженных урбанистами. По терминологии Я. Ассмана, эти знаки остались достоянием коллективной памяти. Е.Г. Максимук отмечает: «По прошествии времени слова и символы трансформируются, а в отдельных случаях приобретают иное содержание. Настоящее определяет понимание произошедших событий» [Максимук, 2023, с. 30]. Таким образом, в процессе мнемонической коммуникации предполагается трансформация информации.

Культурная память выступает средством интеграции поколений, а значит, обеспечивает идентичность лингвокультурной общности. Е.Г. Максимук пишет: «Культурная память характеризуется постоянным приумножением значимой информации для общности, объединением участников группы, их самоидентификацией, усвоением ценностей и поведения общности и поддержкой ее устойчивого функционирования» [Максимук, 2023, с. 31]. На интегрирующую роль культурной памяти указывает В.А. Ефремов: «Культурная память... позволяет устранить разрыв поколений, обеспечить единство культурного кода отцов и детей...» [Ефремов, 2023, с. 11].

Культурная память адресна, передаваемая информация направлена только «своим» с расчетом на адекватное ее декодирование. Я. Ассман отмечает: «Коллективная память прочно связана со своими носителями и не может быть передана кому угодно» [Ассман, 2024, с. 40]. В данном умозаключении важно, что память не существует сама по себе. Она является частью когнитивной базы субъекта

культуры. Он должен быть готов принять информацию и передать ее другому. Так, культурные смыслы, передаваемые знаками *Лавра, Луганск, Полтава, Киев, Андрей Первозванный* в стихотворении С. Минакова «Новая походная песня», понятны для представителя восточнославянского социума и, даже точнее, русского мира: *Мы не предали отчужу славу / И над Лаврою свет золотой! / Постоим за Луганск и Полтаву, / За поруганный Киев святой! / Погляди-ка: над хатой саманной – / В белом небушке, с синим крестом / Наш апостол, Андрей Первозванный, / На врага указывает перстом!* (Порохом пропахшие слова, 2022, с. 35).

Развитие каждой культуры отражает наиболее важные типы знаний, которые становятся основой культурной памяти. По нашему мнению, универсалией является ментальный блок, связанный с сохранением национально-культурной идентичности. В русской лингвокультуре он включает следующие компоненты:

- 1) борьба с монголо-татарским игом, Куликовская битва;
- 2) борьба с польскими интервентами 1612 г.;
- 3) Отечественная война 1812 г.;
- 4) Великая Отечественная война 1941–1945 гг.;
- 5) специальная военная операция, начавшаяся в 2022 году.

Данный вывод мы сделали на основе анализа дискурсивного материала, содержащего аллюзии на исторические события. Так, в стихотворении Л. Корнилова «Стяг» культурные знаки как в сорок третьем, *Мамай* указывают на события, связанные с борьбой с монголо-татарским игом, с фашистскими захватчиками: *В огне обстрелов и атак, / Ломая встречный ветер, / По Украине красный флаг / Идет, как в сорок третьем. / И сила в нем такая, / Что он врага вгоняет в страх / Со времени Мамай. / И неразлучен он с мечом / Древнейшего закала, / Ведь Русь вовеки с кумачом / Победу добывала* (Порохом пропахшие слова, 2022, с. 17).

Знаки культуры, восходящие к указанным выше парадигмам, объединяет установка «береги Родину», которая воплощается символами и эталонами. Первые берут на себя роль выражения представлений, вторые – закрепления норм, оба типа знаков выступают куль-

турными регуляторами. Так, клятва, представленная в экспозиции Музея обороны и блокады Ленинграда в Санкт-Петербурге, включает знаки, отсылающие к событиям польской интервенции, Отечественной и Гражданской войн. В тексте клятвы эти единицы функционируют как эталоны героизма и патриотизма:

Клятва! Высокая честь, величайшее счастье сражаться в рядах народных ополченцев против озверелых фашистских псов. Мы клянемся до последней капли крови драться за наши города и села, за нашу землю, за нашу свободу. Клянемся с честью носить звание бойца народного ополчения, продолжать главные традиции Минина и Пожарского, ополченцев 1812 года, легендарных героев гражданской войны.

В приведенном тексте выражено приобщение адресанта к эталонам, передаваемым культурной памятью, пишущий идентифицирует себя с ними.

Заключение

Память представляет собой свойство культуры, состоящее в ценностном маркировании, хранении и передаче информации. Культурная память имеет профанный характер. Память включает два аспекта: ментальный и знаковый. Основным средством знакового выражения памяти является естественный язык. Ценностное маркирование проявляется в номинации явлений действительности (выборе ономазиологического признака), оценочном компоненте значения. Каждая лингвокультурная группа формирует типы содержания, которые считает важными для передачи другому поколению. К универсальному содержательному блоку следует отнести знания, связанные с сохранением национально-культурной идентичности. Память трансформирует языковые единицы, переводя их в статус культурных знаков и наделяя культурными ролями. Для хранения информации избираются специализированные средства, к которым относятся лингвокультурные единицы – символы и эталоны, коннотация. Основной формой передачи информации является текст, представленный в виде индексального знака или воспоминания в жанре сторителлинга. Культурная память адресна, что обуславливает ее интегрирующую и идентифицирующую функции по

отношению к лингвокультурной группе. Она представляет собой диалог разных субъектов культуры или их автокоммуникацию.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена за счет средств соглашения на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) № 073-00065-25-01 от 18.03.2025 г., заключенного с Минпросвещения России, на тему: «Формирование и развитие мотивации к изучению русского языка средствами современного образовательного контента (в помощь преподавателю РКИ в Республике Сербской (Босния и Герцеговина))».

The work was carried out at the expense of the agreement for financial support of the state assignment for the provision of public services (performance of works) No. 073-00065-25-01 dated 03/18/2025, concluded with the Ministry of Education of the Russian Federation, on the topic: "Formation and development of motivation to learn Russian by means of modern educational content (to help an RCT teacher in Republika Srpska (Bosnia and Herzegovina))".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Яз. рус. культуры. 767 с.
- Ассман Я., 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Яз. слав. культуры. 368 с.
- Бараш Дж. Э., 2020. Анализ понятий памяти и истории в контексте идеи времени: интерпретация концепции коллективной памяти в полемике с теорией Райнхарта Козеллека // Философские науки. Т. 63, № 9. С. 18–34.
- Бегунова Е. А., 2019. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 48. С. 50–55.
- Варбург А., 2008. Великое переселение образов. М. : Азбука-классика. 416 с.
- Гинатулина О. А., 2022. Социально-исторический анализ феномена исторической памяти // Kant. № 3 (44). С. 114–118.
- Ефремов В. А., 2023. Культурная память: филологический и семиотический подходы // Преце-

дентика в тезаурусе языковой личности. СПб. : Виктория плюс. С. 9–12.

- Красных В. В., 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры. М. : Гнозис. 496 с.
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб. 704 с.
- Максимук Е. Г., 2023. Коллективная, историческая, социальная и культурная память в дискурсе социологического знания // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Гомель : Гомел. правда. С. 29–31.
- Маркова Т. Б., 2023. От культурной памяти к культуре памяти // Вестник Российского философского общества. Вып. 3/4 (105/106). С. 93–107. DOI: 10.21146/1606-6251-2023-3/4-93-107
- Потебня А. А., 1999. Мысль и язык. М. : Лабиринт. 300 с.
- Психология : словарь, 1990 / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат. 494 с.
- Рикёр П., 2004. Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманитар. лит. 728 с.
- Степанов Ю. С., 2001. Константы. Словарь русской культуры. М. : Акад. проект. 990 с.
- Токарев Г. В., 2023. Проблемы изучения символярия региональной идентичности: лингвокультурологический аспект. Тула : ТППО. 167 с.
- Хальбвакс М., 2007. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во. 348 с.

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Порохом пропахшие слова. М. : Вече : Союз писателей России, 2022. 112 с.
- Толковый словарь языка совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
- Тулский край. Опыт описания представлений туляка в первой трети XXI века : словарь. Тула : Тул. полиграфист 1, 2023. 161 с.

REFERENCES

- Apresyanyan Yu.D., 1995. *Izbrannyye trudy. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Integral Language Description and System Lexicography]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 767 p.
- Assman Ya., 2004. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High

- Cultures of Antiquity]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 368 p.
- Barash Dzh.E., 2020. Analiz ponyatiy pamyati i istorii v kontekste idei vremeni: interpretatsiya kontseptsii kollektivnoy pamyati v polemike s teoriey Raynkharta Kozelleka [Analysis of the Concepts of Memory and History in the Context of the Idea of Time: Interpretation of the Concept of Collective Memory in the Controversy with the Theory of Reinhart Kozelleck]. *Filosofskiy nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], vol. 63, no. 9, pp. 18-34.
- Begunova E.A., 2019. Nekotorye aspekty sravnitel'nogo analiza ponyatiy «kulturnaya pamyat» i «istoricheskaya pamyat» v zarubezhnoy i otechestvennoy gumanitaristike [Some Aspects of the Comparative Analysis of the Concepts of Cultural Memory and Historical Memory in Foreign and Domestic Humanities]. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 48, pp. 50-55.
- Varburg A., 2008. *Velikoye pereseleniye obrazov* [The Great Migration of Images]. Moscow, Azbuka-klassika Publ. 416 p.
- Ginatulina O.A., 2022. Socialno-istoricheskiy analiz fenomena istoricheskoy pamyati [Socio-Historical Analysis of the Phenomenon of Historical Memory]. *Kant*, no. 3 (44), pp. 114-118.
- Efremov V.A., 2023. Kulturnaya pamyat: filologicheskiy i semioticheskiy podhody [Cultural Memory: Philological and Semiotic Approaches]. *Precedents in the Thesaurus of Linguistic Personality*. Saint Petersburg, Viktoriya plyus Publ., pp. 9-12.
- Krasnyh V.V., 2016. *Slovar i grammatika lingvokultury* [Vocabulary and Grammar of Linguoculture]. Moscow, Gnozis Publ. 496 p.
- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera* [The Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo SPB Publ. 704 p.
- Maksimuk E.G., 2023. Kollektivnaya, istoricheskaya, socialnaya i kulturnaya pamyat v diskurse sotsiologicheskogo znaniya [Collective, Historical, Social and Cultural Memory in the Discourse of Sociological Knowledge]. *Sotsialnoye znaniye v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy* [Social Knowledge in Modern Society: Problems, Patterns, Prospects]. Gomel, Gomel. Pravda Publ., pp. 29-31.
- Markova T.B., 2023. Ot kulturnoy pamyati k kulture pamyati: novyye aspekty izucheniya pamyati [From Cultural Memory to Culture of Memory: New Aspects of the Study of Memory]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], iss. 3/4 (105/106), pp. 93-107. DOI: 10.21146/1606-6251-2023-3/4-93-107
- Potebnya A.A., 1999. *Mysl i yazyk* [Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ. 300 p.
- Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G., eds., 1990. *Psikhologiya: slovar* [Psychology. Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ. 494 p.
- Rikyor P., 2004. *Pamyat. Istoriya. Zabveniyе* [Memory. History. Oblivion]. Moscow, Izd-vo gumanit. lit. 728 p.
- Stepanov Yu.S., 2001. *Konstanty. Slovar russkoy kultury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akad. proekt Publ. 990 p.
- Tokarev G.V., 2023. *Problemy izucheniya simbolariya regionalnoy identichnosti. Lingvokulturologicheskiy aspekt* [Problems of Studying the Symbolarium of Regional Identity. Linguistic and Cultural Aspect]. Tula, TPPO Publ. 167 p.
- Khalbvaks M., 2007. *Sotsialnye ramki pamyati* [The Social Framework of Memory]. Moscow, Novoye izd-vo. 348 p.

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Porokhom propakhshie slova* [Gunpowder-Smelling Words]. Moscow, Veche, Soyuz pisateley Rossii, 2022. 112 p.
- Tolkovy slovar yazyka sovdepii* [Explanatory Dictionary of the Soviet Language]. Saint Petersburg, Folio-Press, 1998. 704 p.
- Tulskiy kray. Opyt opisaniya predstavleniy tulyaka v pervoy treti XXI veka: slovar* [Tula Region. The Experience of Describing Representations of Tula in the First Third of the 21st Century. Dictionary]. Tula, Tul'skiy poligrafist 1 Publ., 2023. 161 p.

Information About the Author

Grigory V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.7>

UDC 811.161.1:070
LBC 81.411.2-51

Submitted: 10.03.2025
Accepted: 04.09.2025

PRAGMATICS IN LINGUISTIC MEDIATIZATION OF MODERN ACCOMMODATION PROFILE

Olga S. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The research into Russian-language mediatization practices is relevant due to the scientific interest in studying the linguistic mediatization techniques that shape and direct the perception of socially recognized value markers by today's mass reader. The article focuses on discursive techniques for mediatizing of value signs characteristic of modern way of life, which are implemented in Russian-language advertising texts. They introduce the information about residential buildings under construction or for sale on special online platforms of Russian developers. The achievement of pragmatic effect whilst mediatizing modern accommodation profile is noted to employ the texts of three types: the developer's official text enumerating the structural characteristics of the building; information from the developer about the benefits of the advertised residential complex that are significant for the prospective buyer; and the use of expert comments, the authors of which evaluate both the advantages and disadvantages of the construction project as a whole. The analysis of lexical contents of the texts considered resulted in construing a thematic field that consists of basic thematic groups, which comprise construction vocabulary proper, and associatively linked thematic groups of general vocabulary on building design and site planning that implement the tactics of realistic accommodation profile representation. The pragmatic peculiarities of mediatization tactics include the reference to realistic characteristics of the accommodation being sold, combined with an indication of new utilitarian requirements and socially recognized values broadcast by developers; using an expert comment that complements the text content with a subjective and personal assessment of accommodation quality, which contributes to the implementation of targeting tactics as an intention of personalization.

Key words: Russian-language advertising text, accommodation profile, socially recognized values, modelling, mediatization, lingua-pragmatic tactics, thematic field.

Citation. Volkova O.S. Pragmatics in Linguistic Mediatization of Modern Accommodation Profile. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 78-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.7>

УДК 811.161.1:070
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 10.03.2025
Дата принятия статьи: 04.09.2025

ЛИНГВОПРАГМАТИКА МЕДИАТИЗАЦИИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ЖИЛЬЯ

Ольга Сергеевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Исследование посвящено актуальным проблемам изучения русскоязычных практик медиатизации, формирующих оценку массовым читателем социально признаваемых ценностных маркеров. В фокусе научного внимания находятся дискурсивные техники медиатизации ценностных знаков современного образа жизни, реализованные в русскоязычных продающих текстах, размещенных на специальных онлайн-платформах российских девелоперов и представляющих информацию о строящихся жилых комплексах. Установлено, что для достижения прагматического эффекта при медиатизации образа современного жилья используются тексты трех разновидностей: официальный текст от застройщика, в котором перечисляются конструктивные характеристики здания; сообщение от девелопера о значимых для предполагаемого покупателя достоинствах рекламируемого жилого комплекса; адресованный предполагаемому покупателю экспертный комментарий, в котором оцениваются преимущества и недостатки жилого комплекса в целом.

В результате анализа лексического наполнения исследованных текстов сконструировано тематическое поле, которое состоит из базовых тематических групп, объединяющих собственно строительную лексику, и ассоциативно связанных с ними тематических групп общей лексики, участвующей в вербализации тактик моделирования современного образа жилья. Прагматическая специфика тактик медиатизации состоит в перечислении реалистичных характеристик продаваемого жилья в сочетании с указанием на новые утилитарные требования и социально одобряемые ценности, транслируемые девелоперами; в привлечении комментария от эксперта, который дополняет текстовый контент субъективно-личностной оценкой качества жилья, что способствует реализации тактики адресности как интенции персонализации.

Ключевые слова: русскоязычный продающий текст, образ жилья, социально одобряемые ценности, моделирование, медиатизация, лингвопрагматическая тактика, тематическое поле.

Цитирование. Волкова О.С. Лингвопрагматика медиатизации образа современного жилья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 78–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.7>

Введение

Медиатизация как специфическая практика взаимодействия между членами определенного общества или национальными сообществами служит решению социально значимых институциональных задач – с помощью текста информировать, просвещать значительное количество людей, формировать и регулировать способ их жизни, управлять их мнениями и ценностями. В основе этой практики лежат приемы текстового отражения фактов и событий, фрагментов действительности, призванные не только фиксировать состояние дел в отдельных сферах деятельности современных сообществ, но и также влиять на социальную реальность.

Прагматическая процессуальность медиатизации осуществляется посредством инкорпорирования социальных объектов или ситуаций в медиaprостранство, с последующим формированием информационного потока, в котором факты и события вводятся в медианарратив, способный рационально или эмоционально-оценочно подавать информацию, конструируя образ с целью репрезентации неких социальных концепций или идей (подробно об этом см.: [Ильинова, Волкова, 2023]). Подчеркнем, что медианарратив может выполнять и социально полезную функцию, в частности, информировать о возникновении нового объекта, тренда модного образа жизни, подчеркивать их актуальность, сообщать о проблемах, связанных с ними, инициировать дискуссии, которые помогут сообществу преодолеть социальные разногласия и найти разумное применение этим инновациям. Следо-

вательно, роль медиатизации видится также в институционализации новых явлений, значимых для отдельных групп лиц или всего общества в целом.

Свойства медиатизации неоднократно рассматривались в работах, посвященных описанию различных прагматическо-дискурсивных стратегий и тактик формирования контента медийных пространств в историческом и актуальном, современном контекстах (см., например: [Буряковская, 2015; Волкова, 2016; Губанова, 2021; Добросклонская, 2020; Ильинова, 2016; Кочетова, 2023; Кочетова, Ильинова, 2023; Кочетова, Кононова, 2024; Мельникова, 2015; Радбиль, 2023; 2024; Шмелева, 2015; Stebletsova, Torubarova, Linaker, 2023; Talbot, 2007; Zappettini, Ponton, Larina, 2021]). Несмотря на различие подходов и методик описания дискурсивно-текстовых и лингвостилистических характеристик медиатизации, ученые выражают согласие в том, что этот процесс оказывает динамичное влияние на социальную реальность [Клушина, 2014]. Создавая особую картину актуальных событий через специфические приемы их интерпретации (например, не только в формате новостного сообщения, но и посредством публикации экспертных мнений и рассуждений), медийные порталы прямо или косвенно влияют на восприятие мира представителями отдельных социальных групп и сообществ.

При изучении медиатизации отдельные исследователи [Шмелева, 2015; Nepp, Hajarvard, Lundby, 2015; Hodkinson, 2011] выделяют его лингвокультурную специфику, мотивируя это тем, что медийные практики выступают в качестве культурно-консолидирующих [Карасик, 2004; 2019] и способны через лингвостилистические

и дискурсивно-текстовые приемы воплощать ценности культуры [Радбиль, 2023, с. 172].

К настоящему времени опубликованы исследования, нацеленные на описание дискурсивных тактик и приемов медиатизации как способов влияния на разные группы ценностей современного многополярного социума, в том числе утилитарно-материальные и социально-регулятивные, составляющие каркас приемлемых форм поведения и взаимодействия в современном глобализированном мире. Так, в разные годы научная группа исследователей ВолГУ занималась выявлением языковых приемов введения и медиатизации ценностей как социально одобряемого стиля жизни, в частности, опубликованы результаты лингвистического мониторинга приемов медиатизации концепта «Искусственный интеллект» в англоязычном и русскоязычном информационно-публицистическом дискурсе [Кочетова, 2023; Пуилова, Kochetova, 2024], разновекторного внедрения в массовое сознание ценности концептов «Кибербезопасность» [Кочетова, Ильинова, 2023], «Индивидуальная мобильность» [Ильинова, Волкова, 2023]. Наблюдения за тематическим наполнением текстов, посвященным медиатизации представления о модном стиле жизни в сетевых блогах и чатах, показало, что агенты сетевой коммуникации (так называемые лидеры мнения) инициируют обсуждение разных тем: активная жизненная позиция, сознательное отношение к здоровью, правильное питание, регулярные занятия спортом, экоактивизм и др., при этом для описания и обсуждения модных форм поведения в свой тезаурус они активно включают англоязычные заимствованные номинации [Волкова, 2021].

В коллективной монографии «Медиатизация лингвокультурных феноменов» представлены результаты осмысления некоторых методик лингводискурсивного анализа процесса медиатизации и их применения для описания процессов внедрения отдельных актуальных социально-значимых концептов в массовое сознание [Ильинова и др., 2024]. Детальному дискурсивно-корпусному анализу (об этом также см.: [Чернявская, 2017]) были подвергнуты разные медиажанры, представляющие разноплановые мнения о ценности здорового образа жизни [Ильинова и др., 2024, с. 55–56], характеристиках

феномена информационных пранков [Ильинова и др., 2024, с. 208–216], выделены приемы медиатизации типажных заимствованных концептов «Супермен», «Мачо», «Тьютор» в русскоязычном медийном дискурсе [Ильинова и др., 2024, с. 81–117]. Доказано, что медиатизация типажных заимствований неизбежно воздействует на систему актуальных ценностей, трансформируя признаки, ассоциируемые с образами, характерными для принимающей культуры. Они сохраняют связь с иноязычными реалиями, но под влиянием близких прецедентных феноменов русского социума приобретают позитивную или негативную оценку отдельной социальной группы. Согласно результатам исследования, при медиатизации может акцентироваться совпадение или чуждость типажа, который вступает в конфронтацию с ценностными представлениями русской культуры.

Эвристичность полученных результатов во многом обусловлена применением системной методологии изучения медиатизации как набора приемов многопараметрического описания тематико-семантического и композиционно-структурного состава коллекции текстов, посредством которых осуществляется введение и закрепление в сознании носителей современной массовой культуры ценностных параметров рассматриваемого образа социально-значимого явления, их верификация возможна посредством метода лингвопрагматической интерпретации.

Несмотря на рост научного интереса к модным и инновационным конститuentам современного стиля жизни и наличие ряда публикаций, посвященных данной тематике в рамках дискурсивно-прагматических исследований, до сих пор специально не ставился вопрос об определении и описании приемов медиатизации социально-значимого образа жилья как репрезентанта утилитарных требований и статусных ценностей для человека, проживающего в современном урбанизированном пространстве. Цели предпринятой работы состоят в систематизации композиционно-структурных признаков текстов, представляющих жилье на информационных платформах российских девелоперов, установлении языковых приемов конструирования образа современного жилья и раскрытии через лингвопрагматическую интерпретацию утилитарных и

имиджевых характеристик, которые приписываются современному пространству для проживания авторами продающих текстов, адресованных возможному покупателю.

Материал и методы

Теоретическую базу исследования составляют положения лингвопрагматической теории дискурса, допускающие анализ коллекции текстов и речевых примеров коммуникативной практики, отражающих социальный контекст изучаемого понятия с целью уточнения базовых аксиологических и прагматических характеристик отдельной разновидности дискурса [Карасик, 2004; Чернявская, 2017]. Объективизация результатов достигается с помощью параметрического анализа текстовых данных [Леонтович, 2011], позволяющего обнаружить некоторое количество прагматически-релевантных характеристик, указывающих на ценностную специфику изучаемого концептуального образа, выявляемую через тематико-смысловой состав лексики, репрезентирующей его в тексте.

Жилье рассматривается нами как социально значимый концепт в современной массовой культуре XXI века. Его ценность внедряется в сознание массового реципиента: жилье – это неотъемлемая составляющая стиля жизни и успешности человека. Образ жилья понимается в данном исследовании как общая концепция организации места для проживания современного горожанина, включающая конструкцию здания (этажность, внешний дизайн, выбор строительных материалов, основу для создания внутреннего интерьера), а также планирование инфраструктуры вокруг жилого комплекса, требуемой для позитивной оценки места проживания. Представление о современном жилье формируется, в первую очередь, через сообщения, размещаемые на специальных онлайн-платформах, например, платформа «Новострой-М», где российские девелоперы публикуют информацию о строящихся или уже сданных в эксплуатацию объектах. Изучение лексического состава таких текстов позволяет сконструировать тематическое поле слов и установить их ассоциативную связь с содержанием транслируемых текстом ценностей современного образа жизни.

За единицу исследования принимается русскоязычный текстовый фрагмент, описывающий отдельные разновидности жилых комплексов или помещений. Анализу подверглись 238 текстовых примеров, в которых присутствуют языковые единицы, входящие в тематическое поле лексики, ассоциируемой с общим представлением о жилье, а именно слова, называющие разновидности зданий и их конструктивные особенности (например, *жилой комплекс, жилой дом, апартаменты, квартира, площадь, этажность* и пр.), которые объективно характеризуют современное жилище как градостроительный проект в момент застройки и продажи. На основе ассоциативных связей этих единиц с другими, призванными выделить отдельные отличительные черты зданий, квартир, объектов инфраструктуры, формируются тематические группы лексики, указывающие на предлагаемые авторами текстов оценочные параметры жилья, изучение прагматики их экспликации позволит уточнить субъективно-оценочные ассоциации с утилитарными требованиями и социально-одобряемыми нормами современного образа жизни.

Результаты и обсуждение

Образ современного жилья создается и транслируется аудитории благодаря сочетанию разноплановых типов текстов, содержащих объективно-номинативную, объективно-оценочную и субъективно-экспертную информацию. Медийный контент, включающий описание строящихся или уже сданных в эксплуатацию жилых комплексов, характеризуется сложной организацией, что реализуется в наличии трех типов текстов: форматно-организованные и информационно-объективные сообщения от девелопера, комментариев от эксперта. Отличия заключаются в прагматической установке, структуре контента, лексическим составом и синтаксисом.

Форматно-организованный текст от девелопера

Карточку застройщика на стартовой странице платформы характеризует лаконичное и форматно-организованное описание строящегося объекта. Фактуальность и объектив-

ность текста реализуется через четко заданные рубрики и системность специальной лексики. В качестве повторяющихся отметим следующие разделы: расположение, способы покупки, характеристики жилья, правовые документы. Раздел «расположение» имеет рубрики: *регион, округ, район, метро, станция МЦД, шоссе, адрес*. Раздел «способы покупки» указывает на возможности приобретения жилья *в ипотеку, в рассрочку, ДДУ (договор долевого участия)* и на *акции*; он представляется максимально интерактивным, графическое оформление с инкорпорированными кросс-линк сервисами обеспечивает быстрый переход на страницы банков, предоставляющих ипотечные программы с подробным описанием условий кредитования. Раздел «характеристики» содержит набор облигаторных рубрик: *застройщик, срок сдачи, презентация, тип здания, этажность, высота потолка, отделка, парковка, класс новостройки, стадия строительства*; опциональных рубрик: *двор без машин, рейтинг, лифт, грузовой лифт, тип кондиционирования, закрытая территория, охрана*. Информация в разделах оформлена в виде скрытой таблицы с максимально лаконичным заполнением опциональных и облигаторных рубрик, например, *двор без машин – есть, тип кондиционирования – индивидуальное, паркинг – подземный, высота потолков – 3.10–4.55*. Раздел «правовые документы» представлен рубриками: *разрешения, планировки квартир, проектные декларации* и позволяет ознакомиться с архитектурно-строительными, инженерными и юридическими документами, скачав их в формате pdf.

Основная синтаксическая особенность текстов данного типа заключается в предикативной неполноте, простоте, доминировании номинативности в структуре предложений. Лексико-грамматическое оформление в целом весьма клишировано, индикативно. Здесь представлена инженерно-строительная лексика, например, тип здания (*монолитно-кирпичный, каркасный, блочный, панельный*), отделка (*черновая, чистовая, white box, под ключ, дизайнерская*). Количественные сведения даются в цифровом начертании, с дробным (*высота потолка – 3,0*), интервальным обозначением (*этажность – 52–56*), сопро-

вождаются математическими символами (*количество комнат – 3, 4+*, *метраж 99–120 м²*) и сокращениями (*Метро Минская – 20 мин.*, *адрес – пр-кт Генерала Дорохова, д. 49, цена – 4,3–8,5 млн руб.*). Специфика терминологического и тематически-ориентированного лексического наполнения, клишированность и синтаксический минимализм указывают на прагматическую установку – создать условия для удобства индексирования при параметрическом сравнении, сортировке и поиске подходящих вариантов для потенциальных покупателей, обеспечить специалистов-риелторов, брокеров и юристов объективной и документально подтвержденной информацией, необходимой для работы.

Информационно-объективный текст от девелопера

Текст данной разновидности характеризуется значительно большей структурной когерентностью и синтаксической связностью при сохранении ограничений по объему (обычно до 200 слов). Заглавия информационного блока «Подробная информация» или «Инфраструктура», предлагаемые медиаплатформой для всех девелоперов, позволяют структурировать информацию на стартовых страницах новостроек и облегчают ее поиск, при этом отмечается ограниченный набор параметров для характеристики строительных конструкций и инфраструктуры территории: указание на класс, или категорию жилья (премиальный проект, бизнес, эконом), архитектурный облик комплекса, количество входящих в него зданий – уже сданных в эксплуатацию и еще строящихся, транспортная и пешая доступность, наличие близости парков, торгово-развлекательных центров (ТРЦ), образовательных учреждений, преимущества архитектурно-дизайнерских решений.

Следует отметить некоторую клишированность словесного оформления информации. Так, в значительном количестве текстов встречаются устоявшиеся словосочетания с включением специальной строительной лексики: *надежный застройщик, умные планировки, высокие потолки, новое качество жизни, развитая инфраструктура, благоустроенная территория, комфортная жизнь, в ша-*

говой доступности, премиальная недвижимость, при этом обнаруживается их понятийно-тематическая и синтаксическая сложность. Наряду с объективно-нейтральными лексическими единицами в текстовый контент включены цифровые данные, в частности, для обозначения метража квартир: *площадью от 44,3 до 135,7 квадратных метров*, высоты потолков: *Высота потолков составляет 3,05 метра*, этажности здания: *Комплекс образуют четыре корпуса переменной этажности 7-13-14-16 этажей*; общей площади комплекса с прилегающей территорией: *масштабная застройка, занимающая территорию в 5 га*; уточняется общее количество жилых помещений *всего в комплексе представлено 1072 жилых помещения*. Возможно и полное словесное написание: *покупателям доступны одно-, двух-, трех-, четырех- и пятикомнатные квартиры*.

Семантический анализ лексического состава указанных разновидностей текста от девелопера позволил выявить тематические группы, в которые объединяются слова, означающие градостроительные, инфраструктурные, архитектурные, инженерные, планировочные, дизайнерские характеристики жилых домов и комплексов и образующие тематическое поле «Строящееся жилье». Поле формируется вокруг понятий, представляющих разновидности зданий и их конструктивные особенности (*жилой комплекс, жилой дом, апартаменты, квартира, площадь, этажность* и пр.), что объективно характеризует современное жилье как градостроительный проект в момент застройки и продажи. Тематическая детализация происходит за счет включения специализированной лексики, называющей архитектурно-строительные особенности жилых комплексов, которая распределяется в тематические группы: градостроительные характеристики (*миниполис, башня, жилой комплекс, монолитный корпус, фасад, станция метро*), инфраструктурные характеристики (*ТЦ, малые архитектурные формы, детский веревочный городок, спортивный комплекс, парковая зона, доступная социальная инфраструктура, культурно-образовательный кластер*), архитектурные характеристики (*стилобат, пергола, колонны, входные группы*), инженерные характеристики (*несущие*

перегородки, независимое отопление, увеличенная площадь остекления, подключенные коммуникации, отопительные радиаторы), планировочные характеристики (*многоуровневый подземный паркинг, мастер-спальня, постирочная, гостевой санузел, интерьерное решение, лобби, лаундж-зона, кофе-пойнт, коворкинг, келлеры, колясочные, лапомойки, зарядка для электрокаров*), дизайнерские характеристики (*легкие арочные витражи, панорамное остекление, декоративный клинкерный кирпич, контрастная цветовая гамма, облицованы натуральным камнем и алюминиевыми панелями, покрытие под медь и золото*). Лексика в перечисленных тематических группах не содержит оценочной коннотации, что создает условия для формирования у адресата собственного объективного представления о строящемся жилье.

В рассматриваемых разновидностях текста от девелопера выделяются дополнительные тематические группы лексики, участвующие в актуализации чувственного восприятия информации о строящемся жилье и его ценностных характеристиках. На это указывают тематические словосочетания, апеллирующие к зрительным, слуховым, обонятельным, вкусовым, тактильным ассоциациям: *воздействие на зрение (благодаря широким витражным окнам лобби наполняется естественным светом, открываются живописные виды на набережную, объемные фасады с интересной асимметрией, декорированный светящимися янтарными «коронами» и строгими ламелями); на слух (в корпусах установлены малошумные лифты, дома кажутся «живыми» и подвижными, словно течение реки); на обоняние и вкус (прямо во дворе можно насладиться свежесваренным кофе с горячей выпечкой); осязание: теплый пол, гладкая поверхность*). Важным дополнением считаем присутствие в тексте от девелопера фраз, воссоздающих ощущение комфорта в целом (*уютное лобби с камерной зоной ожидания; высажены цветники и деревья, в сочетании со светлыми фасадами, отсылают к благородному образу античности; целый участок занимает собственный лесопарк с беговыми и прогулочными дорожками*).

Прагматический анализ текстового контента позволил установить смысловую связь

между компонентами тематического поля «Строящееся жилье» и социально значимыми категориями: безопасность, удобство, комфорт, стиль, инновационность, экологичность, спорт и здоровый образ жизни, семейные ценности, на присутствие которых указывают некоторые образные описания.

Обращение к утилитарно-ценностной категории «безопасность» объясняется базовыми потребностями человека по Маслоу. Она получает реализацию в прямых номинациях системы безопасности: *«безопасный двор», охрана, закрытая территория, внутренний двор, закрытый от посторонних*, а также в указаниях на предпринятые меры и установленное оборудование, обеспечивающее безопасность: *круглосуточный консьерж-сервис, застройщик оснащает подъезды IP домофонами, системами видеонаблюдения без «слепых зон», дворы огорожены по всему периметру и оснащены видеокамерами*. Тема безопасности проявляется и через указание на отсутствие техногенных угроз: *оборудованы чувствительными противопожарными датчиками с функцией автоматического пожаротушения*, а также через сохранение целостности личного пространства: *приватный двор, камерная зона ожидания, безопасные приватные парки, разделенные на активные и тихие зоны*.

Утилитарно-ценностная категория «удобство» может быть условно представлена в двух вариантах: удобство как комфорт и уют и удобство как отсутствие затруднений. Апелляция к категории «комфорт и уют» формирует у потребителя привлекательный образ современного жилья, ассоциируется с физическим удобством и психологическим ощущением удовлетворенности, поскольку данная утилитарная ценность четко коррелирует с представлением о родном доме, безопасном, любимом и приспособленном под индивидуальные потребности:

(1) На первом этаже располагается **стойка-ресепшен с консьержем**, для **комфорта резидентов** в лобби предусмотрены **лаунж-зоны с удобной мебелью, беспроводной интернет, места для работы, колясочные и санузелы с душем для питомцев**. Для автовладельцев продуман **двухуровневый паркинг** на цокольном этаже, оснащенный **кладовы-**

ми помещениями, круглосуточной охраной, машино-местами для габаритных автомобилей и **удобным въездом** (ЖК ТопХиллз).

Комфорт воспринимается современным носителем массовой культуры как источник удовольствия и неги, к этому представлению апеллируют составители текста, продающего жилье: *благоустроенный стилобат с шезлонгами для принятия солнечных ванн*. Комфортный отдых становится неотъемлемой составляющей образа жилья: *в тихих местах для отдыха находятся уютные беседки и навесы*, причем отдых, в зависимости от предпочтений резидентов, разделяется на размеренный, спокойный и активный: *целый участок занимает собственный лесопарк с беговыми и прогулочными дорожками, активные зоны оборудованы тренажерами, столиками для тенниса и других игр*, причем образ жилья для активного горожанина не ограничивается физическими занятиями – творческие, коммуникативные и образовательные мероприятия в комфортных условиях не менее важны:

(2) В трехэтажном стилобате создано **оригинальное пространство** для жителей – «jazz гостиная» с библиотекой, фитнес-залом, спа-центром и большим концертным залом со сценой. В таком месте резиденты **смогут отпраздновать день рождения, устроить концерт или лекцию** (ЖК МОД).

Поскольку комфорт и уют личного пространства создается жильцами индивидуально в собственных квартирах и не может быть воплощен девелопером, универсально-разделяемой, доступной всем резидентам ценностью становится комфорт проживания на территории жилого комплекса:

(3) Главным, объединяющим все кварталы воедино, станет **большой центральный бульвар с фонтанами, зеркальными перголами, скамьями и скульптурами**. У каждого дома благоустроят **собственные уютные дворы**, посадят яблони, дубы и гортензии, обустроят **детские площадки и активные зоны с тренажерами**. Для резидентов продуман **личный спуск к набережной**, кроме того, на крышах стилобатов тоже появятся **веранды с шезлонгами и смотровыми площадками** (ЖК Сити Бэй).

Удобство как отсутствие затруднений репрезентирует ценности современного обще-

ства – социальную включенность, доступность, безбарьерность для всех: *в проекте реализована концепция «безбарьерная среда», что обеспечит дополнительное удобство передвижения маломобильным жильцам.* Оно также реализуется через апелляцию к универсальности, многофункциональности жилья и выгоды для вложения средств: *комплекс подходит и для собственного проживания, и для сдачи в аренду.*

Категория «стиль» способствует созданию образа модного, премиального жилья, владельцы которого внимательно относятся к внешнему облику как собственно квартиры, так и жилого квартала, что указывает на их высокий социальный статус и уровень жизни:

(4) В ландшафтном дизайне этой территории найдут продолжение принципы **бионического стиля**. Здесь появятся лаундж-зона с перголой и качелями, детские площадки, воркаут и зеленые уголки для уединенного отдыха (ЖК Дом 56).

Утилитарно-ценностная категория «инновационность» представляет собой неотъемлемый конститuent медиаобраза современного жилья. Его информационно-образное наполнение отражает современные тенденции стратегической прагматики медиатизации образа жилья как товара и в зависимости от потенциального реципиента – будущего или настоящего покупателя квартиры, формирует образ инновационного, современного, технологически продвинутого современного жилища, получающего положительный отклик в сознании реципиентов. Смысловая акцентуация категории «инновационность» реализуется благодаря использованию лексических единиц, принадлежащих к семантическому полю «новые технологии» и отражающих современные инженерно-цифровые тенденции градостроительной отрасли:

(5) Подъем на нужный этаж осуществляется с помощью **скоростных лифтов** в каждой башне с очень плавным ходом и **удобной системой управления** (ЖК Вилл Тауэрс).

Широкое распространение получает концепция «умный дом», объединяющая смарт-технологии и инженерные решения:

(6) **Многофункциональная система «умный дом»** защитит вашу квартиру от пожара и протечек

и поможет настроить комфортный микроклимат (ЖК ТопХиллз).

Категория «инновационность» также соотносима с представлениями о мобильности и многофункциональности:

(7) Управление производится удаленно, через **мобильное приложение**. В квартале доступ в жилую зону будет осуществляться с помощью **смарт-ключа либо с помощью приложения для смартфона**. С его помощью будут реализованы **любые коммуникации** по заказу уборки квартиры, а также **управлению коммунальными расходами, подаче данных по электро- и водоснабжению** (ЖК Прайм Парк).

Актуальные тенденции развития новых технологий тесно связаны с применением искусственного интеллекта, зачастую в неожиданных сочетаниях:

(8) ...автоматизированная система вакуумного сбора отходов с помощью **искусственного интеллекта** для оптимизированной работы жилищно-коммунального хозяйства (Сбер Сити в Рублево-Архангельском).

Расширенный репертуар лексико-семантических средств создания образа современного жилья, дополнительное включение фраз, характеризующих присутствие цифровых технологических инноваций способствует актуализации ценности в представленном образно-имиджевом изображении в тексте, продающим жильем.

Разноплановое изображение современного жилого комплекса невозможно без указания на социально-ценностную доминанту «экологичность», реализуемую в текстах от девелопера прямым указанием на это:

(9) Комплекс строится в одной из самых **экологических локаций** столицы, в ближайшей округе находятся заповедники, реки и леса, вид на которые открывается из окон квартир (ЖК Спрингс);

употреблением тематически-ориентированных лексических единиц предметных областей «природно-парковые зоны», «разновидности растений»:

(10) Неподалеку находится **заповедник «Серебряный Бор», ландшафтный парк «Митино», сквер** у подножья реки Сходни, **эко-парк «Сходнен-**

ский ковш» и другие **рекреационные локации**; все-сезонное озеленение, свежий воздух и «растения»: **яблони, дубы и гортензии**; На придомовой территории благоустроен собственный **сквер** с прогулочными бульварами, **сезонными растениями, цветниками и дикими травами** (ЖК Сити Бэй).

Значимость данного параметра отражена в выделении экологичности новостройки на платформе девелоперов в категориях поиска и фильтрах: *«лидеры эко-рейтинга», «рядом водоем», «рядом парк».*

Урбанистические представления о здоровой жизни отражены в образе современного жилья и вербализованы лексикой спортивной тематики:

(11) ...благоустроенная набережная с велодорожками, воркаут-тренажерами; собственная инфраструктура представлена спортивным комплексом, включающим несколько залов для занятий **тяжелой атлетикой, боксом, хореографией и танцами, настольным теннисом**, а также крытый универсальный спортивный зал площадью 2 000 квадратных метров для занятий **групповыми видами спорта** (ЖК Скай Хаус);

а также номинациями спортивных образовательных учреждений:

(12) Культурно-образовательный кластер Russian Design District (Рашн Дизайн Дистрикт) – это уникальная экосистема, объединяющая в себе жилое пространство и **объекты образовательной, спортивной** и коммерческой инфраструктуры. Здесь находятся **Академия художественной гимнастики Ирины Винер-Усмановой, Академия единоборств Камилы Гаджиева, Школа йоги и здорового питания, Школа дизайна и технологий** (ЖК Рашн Дизайн Дистрикт).

Категория «спорт и здоровый образ жизни» представляется универсально общественно-разделяемой и способствующей созданию положительной составляющей образа жилья: *будут организованы общественные пространства для работы, отдыха, занятий спортом и игр с детьми.*

В качестве социально значимых доминант, участвующих в создании образа современного жилья, необходимо выделить категорию «Семейные ценности»:

(13) **Игровые площадки** оборудованы яркими скалодромами, **тактильными модулями и ве-**

ревочными комплексами, в спортивных зонах – беговые и велосипедные дорожки и ледовый каток. Для **отдыха родителей** предусмотрены уютные беседки и скамьи, рядом есть летний кинотеатр на открытом воздухе (ЖК Топ Хиллз).

Подчеркивается значимость удобства жилого комплекса для всех членов семьи, включая питомцев:

(14) Во всех лобби предусмотрены мягкие зоны с диванами и креслами, рядом располагаются зеленые уголки с растениями, стеллажи с книгами популярных изданий, кофе-пойнты, **места для колясок и санузлы с мойками лап питомцев** (ЖК Сити Бэй).

Облигаторный информационный компонент сообщения от девелопера – наличие образовательных учреждений, школ и детских садов, на территории комплекса или в шаговой доступности.

Таким образом, своим словесным составом тексты – сообщения от девелопера – создают именно словесный образ современного жилья. Аппелляция к набору утилитарных требований и социально значимых ценностей тактически реализуется расширенным репертуаром тематически ориентированной лексики, называющей значимые параметры при строительстве городского жилья, включением лексики, воздействующей на органы чувств, ментально визуализирующей описываемый строительный объект. Такие тексты когерентно-логичны и информативны, стремятся к объективности, они адресованы непосредственно потенциальным покупателям или риелторам, людям заинтересованным в приобретении строящегося или уже сданного в эксплуатацию жилья.

Персонализированный комментарий от эксперта

Наряду с тактиками объективного и визуально-аппеллятивного описания строительного объекта, на медиаплатформах девелоперов присутствуют тексты третьей разновидности – «мнение эксперта». Это наиболее субъективные, персонализированные и структурно мало стандартизированные тексты. В текстовом контенте данной категории находят место оценочные суждения и субъективные представления о преимуществах и недостатках строя-

щегося жилого объекта. «Экспертность» авторов опубликованных текстов весьма условна, а стиль изложения зачастую стремится к разговорному или обиходно-бытовому. Непосредственным реципиентом данного типа текстов, по сути соответствующих отзывам о товаре или услуге, видится покупатель, условно причисляемый к одной или нескольким категориям: резидент-эгоист, семьянин, трудоголик, энергичный жизнелюб, статусная персона, владелец питомцев, ответственный родитель и др. Речевая репрезентация мнения в комментариях весьма разнообразна, не лишена повторов, указывающих на человеческий фактор и искренность автора:

(15) «Наследие» – **поистине**, один из **самых успешных** на рынке *проектов* жилой застройки последнего времени. Даже **нейминг** этого *проекта* не вызывает усмешки, в отличие от многих **неблагозвучных конкурентов** – такая **недвижимость действительно** становится **фамильным наследием семьи**. **Можно много говорить** о разнообразных **достоинствах проекта** с точки зрения планировок и инженерно-технических решений – они **безусловно** есть и **на высоком уровне**, но **важно отметить** другое. **В первую очередь**, для этого *проекта* характерна **исключительно точная и резонансная концепция** – «дома **настоящей** Москвы». Это стиль старомосковской архитектуры, **полноценный** сталинский ампи́р, только с применением **самых качественных и красивых** строительных материалов. Но помимо историзма, **конечно**, данный проект также имеет и **развитую собственную** инфраструктуру (включая детский сад), **благоустроенные** территории для занятий спортом и отдыха, построенные по **индивидуальным** проектам (ЖК Наследие).

Стилистика повествования иногда пафосна, отличается обилием заимствованных лексических единиц: **нейминг не вызывает усмешки, поистине, один из самых успешных на рынке**. Здесь, очевидно, вербализуются тактики рекламирования, например, сравнение с конкурентами: **в отличие от многих неблагозвучных конкурентов**, преобладает субъективность и оценочность, выраженные преимущественно наречиями и словосочетаниями, поддерживающими когерентность текста: **поистине, действительно, безусловно, в первую очередь, можно много говорить, но важно отметить..., исключительно, конечно**. Отметим преоб-

ладание лексики с положительной коннотацией: **благоустроенный, индивидуальный, успешный, наследие, достоинство, настоящий, качественный, красивый, полноценный, развитый, собственный**, гиперболизируемой с помощью превосходной степени прилагательных и наречий: **самых успешных, самых качественных и красивых строительных материалов**. В комментариях эксперта возможна критика, но с последующей реабилитацией объекта описания:

(16) Строительство квартала Сити Бэй ведется на берегу Москвы-реки, вблизи МКАД и Волоколамского шоссе, на которое есть прямой выезд с территории комплекса. Несмотря на близость крупных автодорог, **транспортная доступность у ЖК весьма спорная** – **выехать сразу на МКАД не получится**, а на Волоколамке **часто собирается большая пробка, что сильно затрудняет перемещение на автомобиле**. Можно воспользоваться и общественным транспортом – автобусная остановка, через которую проходят десятки маршрутов, расположена прямо напротив домов первой очереди, а в 750м есть станция МЦД «Триколотажная», **дойти до которой можно за 10 минут**. Близость крупных загруженных шоссе **не лучшим образом сказывается на экологии локации**. Дополнительные неудобства в зимний период создает снегоплавильная станция (**возможно, к моменту заселения домов ее уже закроют**). Основные пром. зоны были подвержены реновации, на их месте строятся торговые павильоны, автосалоны, современные жилые комплексы (ЖК Сити Бэй).

Представленное описание тематико-семантической, синтаксической и прагматической организации текстового контента, размещаемого на медиаплатформах российских девелоперов, доказывает гипотезу исследования о структурной и смысловой специфике медиатизации образа современного жилья с апелляцией к таким утилитарным требованиям и ценностям урбанистического сообщества, как удобство, комфорт, безопасность, инновационность, экологичность, ценности здоровья и семьи.

Заключение

Центральным объектом в данном исследовании было избрано жилье как социально значимый феномен, характеризующий пред-

ставление о месте массового проживания горожан в XXI в., предметом – приемы текстовой медиатизации жилья с целью трансляции обновленных признаков современного образа жизни и личного успеха. Понятие «образ жилья» рассмотрено как общая концепция организации места для проживания современных горожан (конструкция здания, его этажность, выбор строительных материалов, внешний дизайн и внутренний интерьер) с привлечением сведений о планировании инфраструктуры вокруг жилого комплекса. Медиатизация образа жилья представлена тактическими приемами его описания с помощью словесного состава продающих текстов – информации о строящихся или уже сданных в эксплуатацию объектах, размещаемых на специальных онлайн-платформах российских девелоперов.

Текстовый контент на таких платформах характеризуется системностью. Для информирования используются продающие тексты трех разновидностей, различающиеся по адресности и прагматической задаче: форматно-организованный и информационно-объективный тексты-сообщения от девелопера, а также персонализированный комментарий от эксперта. Тексты первой и второй разновидностей создаются с учетом интересов и целей групп застройщиков и девелоперов, они адресованы риелторам, юристам и возможным покупателям. Информация в них характеризуется фактуальностью, структура – форматным построением, когерентностью, текст отличается синтаксической нормативностью, терминологичностью. Отметим ограничения объема данных и рубрик, представляющих значимые параметры продаваемого жилья (например, строительно-архитектурные характеристики, расположение, инфраструктура, способы покупки). Более субъективными, эмоционально-отмеченными представляются тексты третьей разновидности – «мнение эксперта»; в них присутствуют оценочные суждения о преимуществах и недостатках строящегося жилого объекта, при этом «экспертность» авторов опубликованных комментариев весьма условна, стиль изложения отличается простотой и стремится к разговорному или обиходно-бытовому.

Реализованная в работе методика лингвопрагматического анализа приемов медиа-

тизации образа современного жилья включает семантический анализ состава лексики, организующей основу текстового контента о строящихся и сдаваемых в эксплуатацию строительных комплексах. Она позволила провести систематизацию лексической базы текста, составить тематическое поле «Строящееся жилье»: были выделены базовые группы специальной лексики, номинирующей типы и разновидности жилья, группы слов, номинирующие градостроительные, инфраструктурные, архитектурные, инженерные, планировочные, дизайнерские характеристики жилых домов и комплексов, систематизирована ассоциативно-чувственная лексика, призванная создавать образное описание жилья, апеллирующее к таким формам восприятия, как зрение, осязание, вкус и обоняние. Результаты лингвопрагматического анализа мотивировки объединения лексики выявленных тематических групп в текстовом контенте, представляющем стандартные характеристики, новые нормативы и оценки современного жилья на русскоязычных платформах девелоперов, указали на ассоциации с такими утилитарными требованиями и имиджевыми ценностями, как безопасность, удобство, комфорт, инновационность, экологичность, семья, здоровье.

Научная значимость полученных результатов обусловлена применением методики изучения текстовой техники медиатизации как набора приемов многопараметрического описания тематико-семантического и композиционно-структурного состава коллекции текстов с целью установления прагматически-релевантных характеристик, эксплицирующих ценностную специфику изучаемого социально значимого явления. Результаты лингвопрагматической интерпретации языковых фактов верифицируют когнитивные процессы введения и закрепления в сознании представителей современного урбанизированного сообщества отдельных утилитарных и статусно-ценностных параметров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буряковская В. А., 2015. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Перемена. 228 с.

- Волкова О. С., 2016. Когнитивно-дискурсивные тактики репрезентации спортивного события в новостном тексте: диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 227–236. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.24>
- Волкова О. С., 2021. Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>
- Губанова М. И., 2021. Медиатизация реальности: теоретический аспект // Вестник Волжского университета имени В.Н. Тагичева. № 2, т. 2. С. 84–91. DOI: [10.51965/2076-7919_2021_2_2_84](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_2_84)
- Добросклонская Т. Г., 2020. Медиалингвистика: теория, методы, направления. СПб. : Ridero. 180 с.
- Ильинова Е. Ю., 2016. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». Вып. 7 (746). События в коммуникации и когниции. С. 87–95.
- Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., 2023. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>
- Ильинова Е. Ю., Ефимова А. Д., Кочетова Л. А. и др., 2024. Медиатизация лингвокультурных феноменов: аспекты языковой репрезентации. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 220 с.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг. М. : Гнозис. 392 с.
- Карасик В. И., 2019. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис. 422 с.
- Клушина Н. И., 2014. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. № 1. С. 66–73.
- Кочетова Л. А., 2023. Лингвокультурная специфика репрезентации искусственного интеллекта в англоязычном медиадискурсе: корпусный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>
- Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., 2023. Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход // Научный диалог. Т. 12, № 3. С. 134–152. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152)
- Кочетова Л. А., Кононова И. В., 2024. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. Т. 13, № 6. С. 186–208. DOI: [10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208)
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 490 с.
- Мельникова Е. А., 2015. Специфика медиарепрезентации реальности в жанре новостной заметки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 103–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.12>
- Радбиль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189)
- Радбиль Т. Б., 2024. «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 3. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Чернявская В. Е., 2017. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 50. С. 135–148. DOI: [10.17223/19986645/50/9](https://doi.org/10.17223/19986645/50/9)
- Шмелева Т. В., 2015. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 7 (90). С. 145–148.
- Hepp, A., Hajarvard S., Lundby K., 2015. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society. Media. Culture & Society. Vol. 37, № 2. P. 314–324.
- Hodkinson P., 2011. Media, Culture and Society. L. : SAGE. 320 p.
- Цыинова Е. Ю., Кочетова Л. А., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 5. С. 108–123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9>
- Stebletsova A. O., Torubarova I. I., Linaker T., 2023. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

- Talbot M., 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 208 p.
- Zappettini F., Ponton D. M., Larina T., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, iss. 3. P. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

ИСТОЧНИКИ

- ЖК Вилл Тауэрс. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_will_towers_vill?textsearch=Tower
- ЖК МОД. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_mod/infrastruktura
- ЖК Наследие. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/zhk_nasledie
- ЖК Прайм Парк. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_prime_park?textsearch=%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BC%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA
- ЖК Рашен Дизайн Дистрикт. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_russian_design_district
- ЖК Сити Бэй. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_na_volokolamskom_shosse
- ЖК Скай Хаус. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/sky_house
- ЖК ТопХиллз. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_na_elektrolitnom_proезде
- ЖК Дом 56. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_dom_56
- ЖК Спрингс. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_suvorovskiy
- Сбер Сити в Рублево-Архангельском. URL: <https://www.novostroy-m.ru/baza/rublevo-arhangel'skoe>

REFERENCES

- Buryakovskaya V.A., 2015. *Kommunikativnye karakteristiki massovoy kultury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Communicative Characteristics of Mass Culture in the Media Discourse (On the Material of Russian and English Languages)]. Volgograd, Peremena Publ. 228 p.
- Volkova O.S., 2016. Kognitivno-diskursivnye taktiki reprezentatsii sportivnogo sobyitiya v novostnom tekste: diahronicheskiy aspekt [Cognitive and Discourse Tactics of Sports Event Representation in the News Text: Diachronic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd

State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 227-236. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.24>

- Volkova O.S., 2021. Lingvopragmatika angliyskiykh zaimstvovaniy v russkoyazychnom diskurse massovoy kommunikatsii (na materiale nazvaniy obuvi) [Linguistic Pragmatics of English Borrowings in Russian Mass Communication Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 134-145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>
- Gubanova M.I., 2021. Mediatizatsiya realnosti: teoreticheskiy aspekt [Mediatization of Reality: Theoretical Aspect]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University After V.N. Tatischev], no. 2, vol. 2, pp. 84-91. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_2_84
- Dobrosklonskaya T.G., 2020. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Medialinguistics: Theory, Methods, and Directions]. Saint Petersburg, Ridero Publ. 180 p.
- Ilyinova E. Yu., 2016. Kognitivno-diskursivnyy aspekt mediarepresentatsii sobyitiya [Cognitive and Discourse aspects of Event Representation in the Media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya «Yazykoznanie»* [Scientific Journal of Moscow State Linguistic University. Linguistics], iss. 7 (746), Events in Communication and Cognition, pp. 87-95.
- Ilyinova E. Yu., Volkova O.S., 2023. Dinamika mediatizatsii transkulturnogo kontsepta «Individualnaya mobilnost»: korpusno-orientirovannoye issledovanie [Transcultural Concept “Individual Mobility”: Mediatization Dynamics Through Corpus-Based Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 19-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>
- Ilyinova E. Yu., Efimova A.D., Kochetova L.A. et al., 2024. *Mediatizatsiya lingvokulturnykh fenomenov: aspekty yazykovoy reprezentatsii* [Mediatization of Lingua-Cultural Phenomena: Aspects of Linguistic Representation]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 220 p.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug* [Language Circle]. Moscow, Gnozis Publ. 392 p.
- Karasik V.I., 2019. *Yazykovaya spiral: tsennosti, znaki, motivy* [Language Spiral: Values, Signs, and Motives]. Moscow, Gnozis Publ. 422 p.

- Klushina N.I., 2014. Mediatizatsiya sovremennoy kultury i russkiy natsionalnyy stil [Mediatization of Modern Culture and Russian National Style]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 1, pp. 66-73.
- Kochetova L.A., 2023. Lingvokulturnaya spetsifika reprezentatsii iskusstvennogo intellekta v angloyazychnom mediadiskurse: korpusnyy podhod [Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 6-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2023. Lingvokulturnaya spetsifika diskursivnyh praktik reprezentatsii kiberbezopasnosti v russkoyazychnom mediynom prostranstve: korpusnyy podhod [Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 3, pp. 134-152. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152)
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2024. Mediatizatsiya regulativnoy tsennosti «zdorovyy obraz zhizni» v angloyazychnykh SMI: korpusnyy podhod [Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach]. *Nauchnyi dialog*, vol. 13, no. 6, pp. 186-208. DOI: [10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208)
- Leontovich O.A., 2011. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communicative Studies]. Moscow, Gnozis Publ. 490 p.
- Melnikova E.A., 2015. Spetsifika mediareprezentatsii realnosti v zhanre novostnoy zametki [On Specifying Media Representation of Reality in the Genre of News Story]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 103-107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.12>
- Radbil T.B., 2023. Yazykovoe voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-horoshemu) [Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (The Lexeme ‘po-khoroshemu’)]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 6, pp. 170-189. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189)
- Radbil T.B., 2024. «Yazyk tsennostey» v otechestvennykh internet-SMI: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Language of Values” in Domestic Internet Media: Cognitive-and-Discursive Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 55-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Chernyavskaya V.E., 2017. Metodologicheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 50, pp. 135-148. DOI: [10.17223/19986645/50/9](https://doi.org/10.17223/19986645/50/9)
- Shmeleva T.V., 2015. Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kultury i obyekt issledovaniya [Mediatization as the Phenomenon of Modern Culture and Object of Research]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 7 (90), pp. 145-148.
- Hepp A., Hajarvard S., Lundby K., 2015. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society. *Media. Culture & Society*, vol. 37 (2), pp. 314-324.
- Hodkinson P., 2011. *Media, Culture and Society*. London, SAGE. 320 p.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 108-123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9>
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., Linaker T., 2023. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 72-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>
- Talbot M., 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 208 p.
- Zappettini F., Ponton D.M., Larina T., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, iss. 3, pp. 586-610. DOI: [10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610)

SOURCES

- ZhK Will Towers* [Residential Complex Will Towers]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_will_towers_vill?textsearch=Tower
- ZhK MOD* [Residential Complex MOD]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_mod/infra_struktura
- ZhK Nasledie* [Residential Complex Heritage]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/zhk_nasledie
- ZhK Praym Park* [Residential Complex Prime Park]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_prime_park?textsearch=%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BC%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA
- ZhK Rashaen Dizayn Distrikt* [Residential Complex Russian Design District]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_russian_design_district
- ZHK Siti Bey* [Residential Complex City Bay]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_na_volokolamskom_shosse
- ZhK Skay Haus* [Residential Complex Sky House]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/sky_house
- ZhK TopHillz* [Residential Complex Top Hills]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_na_elektrolitnom_proeзде
- ZhK Dom 56* [Residential Complex House 56]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_dom_56
- ZhK Springs* [Residential Complex Springs]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/jk_suvorovskiy
- Sber Siti v Rublevo-Arhangelskom* [Sber City in Rublyovo-Arkhangelskoye]. URL: https://www.novostroy-m.ru/baza/rublevo_arhangelskoe

Information About the Author

Olga S. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.8>

УДК 81'42:619
ББК 81.055

Submitted: 21.08.2024
Accepted: 05.06.2025

THE AXIOLOGICAL DIMENSION OF VETERINARY DISCOURSE

Ekaterina A. Abrosimova

Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia

Irina V. Kulamikhina

Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia

Abstract. The study set out to investigate value dominants of veterinary discourse based on the value-marked texts specific to this field (Russian professional ethics codes, Veterinarian's Oath) and the individual value interpretation by veterinary students whose professional values are shaping. The scrutiny employed a cognitive-and-discursive approach and Q-methodology, which enables systematization of subjective opinions and identification of profession-related personality types based on their prioritized values. The research explored the axiological principles linked to each discourse participant, including the veterinarian, the animal patient, and the animal owner. Three distinct groups of veterinary students emerged based on their prioritized values: "animal advocates," "pragmatic vets" and "practical professionals." Furthermore, the study examined the nuances in linguistic expression of discourse values within each of these groups. The conclusion highlights the influence of divergent value dominants on professional decision-making. They include the protection of the animal's welfare, alignment with the veterinarian's specific objectives, adherence to professional and ethical principles. Additionally, it underscores the distinctive linguistic manifestations of the prioritized values within veterinary discourse as observed in the responses of "animal advocates," "pragmatic vets" and "practical professionals."

Key words: veterinary discourse, values, discourse axiology, interpretation, questionnaire, Q-methodology.

Citation. Abrosimova E.A., Kulamikhina I.V. The Axiological Dimension of Veterinary Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 93-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.8>

УДК 81'42:619
ББК 81.055

Дата поступления статьи: 21.08.2024
Дата принятия статьи: 05.06.2025

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕТЕРИНАРНОГО ДИСКУРСА

Екатерина Алексеевна Абросимова

Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

Ирина Валентиновна Куламихина

Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию ценностных доминант ветеринарного дискурса, с одной стороны, на материале принятых в данной сфере ценностно маркированных текстов (профессиональном этическом кодексе и клятве ветеринарного врача); с другой – результатов анкетирования студентов-ветеринаров, профессиональные ценности которых находятся на стадии становления. Работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивного подхода с применением Q-методологии, позволяющей систематизировать субъективные мнения и установить типы личностей по их приоритетным ценностям. В результате исследования выявлены общепринятые дискурсивные ценности ветеринарии, связанные с каждым из участников дискурса (врачом, животным-пациентом и его владельцем); выделены три группы студентов-ветеринаров по приоритетным для них ценностям: «защитники животных», «прагматичные ветеринары» и «профессионалы-практики»; определены особенности языковой реализации ценностей дискурса в каждой из данных групп.

Сделаны выводы о различии аксиологических приоритетов (защита интересов животного, ориентация на конкретную цель самого ветеринара, опора на систему профессионально-этических принципов), влияющих на принятие профессиональных решений; о специфике языковой реализации ценностных доминант ветеринарного дискурса в ответах «защитников животных», «прагматичных ветеринаров» и «профессионалов-практиков».

Ключевые слова: ветеринарный дискурс, ценности, аксиология дискурса, интерпретация, анкетирование, Q-методология.

Цитирование. Абросимова Е. А., Куламихина И. В. Аксиологическое измерение ветеринарного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 93–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.8>

Введение

В настоящее время заметен возрастающий интерес гуманитарной науки к аксиологии ветеринарного дискурса в контексте развития биоэтики, переосмысления понятия благополучия животных, введения новых экологических стандартов [Burge, 2003; Lloyd et al. 2003; Mossop, 2012; Armitage-Chan, Maddison, May, 2016; Кожевникова, 2019; Куламихина, Бойко, Винокурова, 2023]. При этом выводы исследователей демонстрируют, что ценности данного дискурса остаются не вполне определенными [Graaf, 2005; Weich, Grimm, 2018; Новикова, 2023]. С одной стороны, ветеринария, как и медицина, связана с гуманизмом и спасением жизней, а с другой – в ее основе лежат принципы животноводства, направленного прежде всего на экономическую выгоду [Руколь, Веремей, Журба, 2002]. В ряде работ поднимаются вопросы о ситуативности тех или иных ценностных приоритетов, о необходимости балансировать между личными потребностями и установками, принципами профессии, клиентоориентированностью, благополучием пациентов [Kimera, Mlangwa, 2015; Gaida et al., 2018; Новикова, 2023], что приводит к так называемой «сговорчивой» морали ветеринара [Graaf, 2005, p. 575] и отражает феномен, названный итальянским биоэтиком Франчиони «моральной шизофренией» [Кожевникова, 2019, с. 55]. Такая ситуация оказывает влияние на формирование профессиональной идентичности ветеринарных врачей и ставит перед исследователями ряд задач, связанных с уточнением ценностей ветеринарного дискурса в русле лингвоаксиологии.

Целью данной статьи является моделирование ценностей ветеринарного дискурса с помощью анализа их реализаций, с одной сто-

роны, в ценностно маркированных текстах, в которых декларируются его принципы, а с другой – в индивидуальной интерпретации участников данной коммуникативной сферы.

Материал и методы

В работе применяется когнитивно-дискурсивный подход к анализу ценностей [Бабаева, 2004; Олянич, 2014; Карасик, 2018; Милованова, 2021; Радбиль, 2024]. В соответствии с ним дискурс понимается как один из «генераторов и трансляторов ценностей» [Молодыченко, 2016, с. 122], которые рассматриваются как концептуальные доминанты, модели должного, соотносимые «с определенной социальной практикой» [Молодыченко, 2016, с. 122] и играющие «роль ориентиров, способствующих оформлению дискурсивных типов и жанров [Бабаева, 2004, с. 110]. Анализ языковой реализации данных доминант включает исследование аксиогенных ситуаций, реализованных в ценностно маркированных текстах [Карасик, 2015].

В связи с тем, что аксиология ветеринарии окончательно не сложились, представляется необходимым учет не только закрепившихся в аксиогенных текстах ценностей, но и субъективного о них представления со стороны участников дискурса. Для этого применена Q-методология, которая не требует большой выборки и, как указывают Дж. ван Эксел и Г. де Грааф, обеспечивает основу для систематического изучения субъективности, точки зрения, мнения, убеждений, отношения человека и т. п. (здесь и далее перевод с английского наш) [Exel, Graaf, 2005, p. 2].

Согласно рекомендациям по использованию Q-методологии исследование проводилось в несколько этапов. На первом, предполагаю-

шем разработку диагностического материала, на основании анализа текстов клятвы ветеринарного врача РФ (далее – КВ) и ветеринарного этического кодекса РФ (далее – ЭК) выделены образцовые ценности ветеринарного дискурса, которые затем были представлены через 48 оценочных утверждений (Q-set). Приведем несколько таких суждений:

1. Жизнь и здоровье животного обусловлены природой, а ветеринар только помогает ей.
2. Жизнь и здоровье животного находятся в руках ветеринарного врача.
3. У животного есть право на жизнь и здоровье, нельзя лишать животное этого права.
4. Животное полностью принадлежит своему владельцу.
5. Ветеринар относится к животному как врач к пациенту.
6. Ветеринар относится к животному именно как к животному.

На основе таких утверждений был подготовлен диагностический материал, состоящий из 23 наборов (по числу участвующих в исследовании респондентов). В каждый из наборов вошло 48 карточек и бланк ответов.

На втором этапе (Q-сортировка) участники исследования (23 обучающихся 1-го курса по специальности 36.05.01 Ветеринария Омского государственного аграрного университета) провели процедуру ранжирования утверждений, раскрывающих ценности ветеринарного дискурса, выделенные на первом этапе работы. Участие в эксперименте было добровольным.

Респонденты распределяли утверждения по трем группам: «согласен», «не согласен», «затрудняюсь ответить». Затем участникам было предложено ранжировать утверждения в пределах каждой группы по степени согласия / несогласия в диапазоне от +3 до –3, где «+3» – полностью согласен, «+2» – согласен, «+1» – вполне согласен, «0» – затрудняюсь ответить, «–1» – немного не согласен, «–2» – не согласен, «–3» – абсолютно не согласен.

Анализ и обработка полученных данных осуществлялись при помощи метода корреляционного анализа и метода анализа главных компонент с использованием компьютерной программы Ken-QAnalysis (Banasic, 2023), позволяющей зафиксировать степень схожести / различия точек зрения участников исследования во всей выборке утверж-

дений. С помощью метода анализа главных компонент выделены факторы коррелирующих между собой участников и сформированы группы респондентов с наибольшими факторными нагрузками.

Завершающий этап (обсуждение) заключался в подробном письменном интервьюировании участников исследования. Вопросы интервью были составлены таким образом, чтобы, отвечая на них, участники могли дать пояснения, почему они согласны / не согласны с утверждениями, например:

1. Согласны ли вы с тем, что жизнь и благополучие одного животного не принимаются во внимание, если речь идет о сельскохозяйственных животных? Почему?
2. Должен ли ветеринар сочувствовать владельцу больного животного? Если да, как он может выразить свое сочувствие?
3. Как вы считаете, приемлема ли практика кастрации поросят без обезболивания? А котят и щенков?

Соотношение развернутых ответов участников с результатами компьютерного анализа позволило выделить и охарактеризовать типы будущих ветеринарных врачей, основанные на ценностных доминантах.

Результаты и обсуждение

Предпосылки для разработки диагностического материала

На основании анализа текста клятвы ветеринарного врача и ветеринарного этического кодекса РФ были определены ключевые ценностные доминанты ветеринарного дискурса, отражающие аксиологическое представление о его участниках.

Ценностные представления о животном (пациенте) в аксиогенных текстах представлено в трех измерениях. Первое связано с предотвращением страданий от рук ветеринара: *...врач должен быть особенно внимательным, если обследование или лечение сопряжены с болью, применением грубой фиксации и другими стрессовыми для животного факторами* (ЭК).

Второе представлено как забота о созданиях природы в целом, в том числе защита животных: *гуманное и заботливое отноше-*

ние ко всему живому (КВ); ветеринар обязан препятствовать проявлению любых форм жестокости по отношению к животным. Ветеринарный врач не вправе безучастно относиться к действиям лиц, причиняющих такой ущерб (ЭК).

Третье связано с представлением о животном как об объекте собственности. С одной стороны, подчеркивается, что все врачебные манипуляции должны производиться с согласия, а эвтаназия – даже по инициативе его владельца. Согласно кодексу, ветеринар не вправе рекомендовать эвтаназию (ЭК); при этом отмечается, что данная процедура имеет медицинские показания: эвтаназия возможна только по гуманным соображениям, при наличии у больного животного нарушений, несовместимых с жизнью, или если дальнейшее лечение способно лишь ненадолго отсрочить наступление неизбежной смерти (ЭК).

Ценности, связанные с клиентом дискурса, отражают основную обязанность ветеринара – нести ответственность человека и общества: все свои знания и способности посвящать охране... здоровья человека (КВ).

Идеальный клиент выступает в аксиогенных текстах как союзник и помощник ветеринара, что подчеркивается специальной номинацией: терапевтическое сотрудничество, противопоставляемое спонтанному волеизъявлению владельца, которое не должно становиться основой принятия врачебного решения (ЭК).

Клиент представлен как своеобразный ученик ветеринара: врач должен... вести просветительскую деятельность... разъяснять информацию для владельца... развивать у него чувство ответственности (ЭК). При этом устанавливаются пределы влияния на клиента: врач не вправе навязывать владельцу животного свои философские, религиозные и политические взгляды (ЭК).

В аксиогенных текстах отражена возможность конфликта интересов владельца и благополучия животного. С одной стороны, этот конфликт решается в сторону потребностей пациента: ветеринар не вправе использовать методы лечения животного, в том числе даже по желанию владельца, которые заведомо повлекут вред его здоровью (ЭК).

С другой стороны, отмечено, что опасность животного для людей может стать основой для принятия решения по эвтаназии.

Ценности, связанные с самим ветеринаром, в российских кодексе и клятве практически не представлены: нет упоминаний физического благополучия врача; материальные отношения ветеринара и владельца также почти не отражены; подчеркивается лишь недопустимость имущественных сделок с владельцем животных.

Среди обязательных требований, предъявляемых к ветеринару, выделяются этичность и ответственность, акцент делается на понятия долга и совести: Клянусь... постоянно помнить о долге и совести врача (КВ); Первый судья ветеринарного врача – собственная совесть. <...> ...Долг ветеринарного врача – сохранять свою профессиональную независимость (ЭК).

Врач также должен быть носителем академических и культурных традиций, таких как коллегиальность: Ветеринарный врач обязан делать все от него зависящее для консолидации ветеринарного сообщества... защищать честь и достоинство коллег... (ЭК); Дорожить принципом «Врач врачу друг» (КВ); стремление к прогрессу: способствовать прогрессу ветеринарной науки и практики (КВ); следование профессиональному стандарту: Во всех своих действиях руководствоваться положениями Закона «О ветеринарии» (КВ); уважение к традиции: Беречь и приумножать традиции ветеринарной медицины (КВ).

Таким образом, в аксиогенных текстах, несмотря на обилие моральных императивов, присутствует зона вариативности. Вступают в противоречие взгляды на животное как на пациента, жизнь и здоровье которого является приоритетом, и как на собственность владельца; отношение клиента как к союзнику и как к возможному антагонисту. Кроме того, в клятве и кодексе не отражено различие отношения ветеринарного врача к продуктивным животным и домашним питомцам.

Q-сортировка

Исходя из анализа аксиогенных текстов, мы представили обозначенные ценности через ряд

утверждений, которые были использованы для проведения процедуры сортировки, позволяющей выявить субъективные представления о ценностях профессии и выделить три типа будущих специалистов, разделяющих приоритеты тех или иных ценностей ветеринарного дискурса.

Для первого типа респондентов («защитники животных»), к которому, согласно проведенному исследованию, было отнесено большинство опрошенных (16 из 23), ценностной доминантой является благополучие животных, понимаемое как жизнь и здоровье пациента; профессиональная деятельность ветеринара, по мнению этой группы респондентов, заключается в максимальном обеспечении этого благополучия. Важным для данного типа респондентов становится следование профессиональной этике, направленной по большей части на взаимодействие с пациентом.

Для респондентов второго типа («прагматичные ветеринары») важнейшими ценностями становятся опыт и самообразование, а также коллегиальность. Основное отличие данного типа – определенный прагматизм, с позиции которого респонденты рассматривают ценности ветеринарии, ориентация на практические аспекты ветеринарной деятельности в зависимости от ситуации, от потребностей и возможностей владельцев животных.

Респонденты третьего типа («профессионалы-практики») в качестве основополагающих ценностей выбирали утверждения о важности роли природы в жизни и здоровье животных. Ветеринар относится к своим пациентам скорее рационально, стремится к соблюдению профессиональных и этических стандартов, эффективному взаимодействию с коллегами и клиентами.

Этап обсуждения

На данном этапе работы мы попытались определить особенности языковой репрезентации ценностей ветеринарного дискурса выделенными группами его участников: «защитники животных», «прагматичные ветеринары» и «профессионалы-практики».

В ответах «защитников животных» оказалось особенно много эмоционально окрашенных слов и выражений, по сравнению с другими группами. При обсуждении вопросов

о содержании животных на фермах, об этичности продуктивного животноводства, а также о возможном конфликте интересов врача с владельцем животного респонденты давали преимущественно негативную оценку, направленную на фермера или хозяина животного. При этом, если речь шла о продуктивном животноводстве, в ответах студентов отражался образ коллективного субъекта, действия которого по отношению к животным характеризовались как некое абстрактное зло (*ужасно, бесчеловечно, наплевательское отношение*) и т. п.:

(1) К животным на производствах... относятся ужасно и бесчеловечно¹;

(2) Наплевательское отношение к животным.

Рассуждая о стереотипных представлениях, связанных с клиентами, респонденты использовали сниженную лексику и экспрессивные конструкции:

(3) Сколько с бараном не говори, он не отступит [о хозяевах];

(4) Жлобы [о фермерах].

При ответах на вопросы о факторах принятия решения в ситуации выбора между интересами владельца и потребностями пациентов респонденты обращались к образу невинно страдающего животного, полностью подчиненного воле человека:

(5) Врач должен сделать все, чтобы спасти невинную жизнь;

(6) Судьба животного в руках у хозяина;

(7) Я могу помочь живому существу, которое не в силах само себе помочь. Оно страдает, ему больно, оно должно получить помощь.

В 65 % случаев респонденты указывали на необходимость сочувствия врача не только к пациенту, но и к клиенту:

(8) Сочувствие – это проявление человечности, да, моральная поддержка и человечность;

(9) Сделать так, чтобы клиенту было хотя бы немного легче. Мы в этой ситуации должны быть не как ветеринар, а как человек.

Оставшиеся 35 % респондентов группы «защитники животных» отвечали, что сочувствие к хозяину со стороны ветеринара не является необходимым. При этом владелец должен само-

стоятельно справиться с ситуацией (использовались глаголы *принять, пережить, смириться*):

(10) ... Не лучший вариант выражать сочувствие, так как ветврачи делают все возможное и в итоге нужно смириться;

(11) Сочувствие не нужно, так как это просто жизненная ситуация, которую должен просто принять и пережить именно хозяин.

Ответственность за животное, по мнению «защитников животных», лежит на его владельце. В рассуждениях на данную тему респонденты практически не использовали эмоционально-экспрессивных средств и аргументируют свое решение:

(12) ... Он привел животное, он будет оплачивать операцию, следовательно, он принимает решение.

При этом цель работы ветеринарного врача «защитники животных» видят в помощи животному и спасении его жизни:

(13) Приоритет – жизнь животного;

(14) Главное – чтобы животное выжило.

В текстах, записанных респондентами данной группы, используется широкий диапазон синонимичных перифраз к слову «животное»: *пациент, питомец, член семьи, Бурёнка, щенята, собачки, породистые и бездомные, младший брат* и др. В ответах респондентов на вопросы, касающиеся благополучия животных, подчеркивается близость людей и животных:

(15) ... Такое же живое существо, как и человек.

При этом концептуализируется не только физическое здоровье животного, но и его эмоции и психологическое состояние в целом:

(16) Важно здоровое психическое состояние пациента;

(17) Самое приятное в работе ветеринарного врача – это видеть... счастливое и довольное животное.

Вопрос о необходимости обезболивания решался в ответах «защитников животных» однозначно и категорично:

(18) Без обезболивания неприемлемо;

(19) ... Если представить, что человека кастрируют без обезбола, понравится ему это?

Вопрос, связанный с понятием ветеринарной этики, у многих респондентов вызвал затруднение: использовались вводные слова, выражающие неуверенность (*наверное, видимо, как мне кажется*), 6 респондентов пропустили этот вопрос или отказались на него отвечать. Были даны абстрактные определения типа *моральные принципы врача, дисциплина*.

В ответах «прагматичных ветеринаров» используется преимущественно нейтральная по стилистической окраске лексика. При обсуждении вопросов о содержании животных на фермах и этичности продуктивного животноводства студенты не используют оценочных слов, как «защитники животных». Вместе с тем в их ответах представлены объяснительные конструкции:

(20) Жизнь сельскохозяйственного животного ценится меньше, к сожалению. Ведь важнее 100 жизней, чем одна;

(21) Это нормально, ведь многие породы для этого и выводили.

На вопросы, касающиеся представлений о фермерах и владельцах животных, студенты отвечали неопределенно:

(22) У меня нет стереотипов о владельцах;

(23) Разные.

При этом ответственность за животное, по мнению всех респондентов данной группы, несет именно владелец.

Рассуждая о сочувствии к клиенту, студенты этой группы более рационально объясняли свой выбор:

(24) Ветеринар не должен сочувствовать владельцу. Если принимать все близко к сердцу и сочувствовать каждому, моральное состояние может ухудшиться, и он не сможет помочь другим пациентам.

На вопрос о том, что находится в приоритете: интересы владельца или потребности животного, студенты данной группы отвечали неопределенно:

(25) Все зависит исключительно от ситуации;

(26) Все зависит от случая.

Кроме того, в ответах респондентов в качестве приоритетов при принятии решения наряду с этическими принципами появляются экономические факторы: *материальный стимул, этика, принципы, конкуренция*. Один из респондентов отметил важность репутации при принятии решения:

(27) Любому ветврачу имеет право отказаться (выполнять требования владельца животного, с которыми он не согласен. – *Е. А., И. К.*), чтобы, так сказать, «не замарать руки».

При ответе на вопросы, связанные с другими ветеринарами, репрезентируется материальный аспект:

(28) ...Ведь мы живем в капитализме... если хозяин обратится к другому врачу, во-первых, мы потеряем прибыль; во-вторых, он [клиент] может погнаться за дешевой ценой и обратиться к неопытному и некомпетентному ветеринару.

Благополучие животных связывалось с физическим состоянием пациентов и условиями их содержания, причем подчеркивалась связь хорошего ухода за животным и расходами на его лечение:

(29) Комфортные условия = меньше болезней = меньше денег на лечение;

(30) Затраты на хорошие условия содержания и своевременное лечение не сопоставимы с убытками, которые несет производство, позволяя животным погибать от боли и болезней.

В отличие от «защитников животных», практически единогласно высказывавшихся о необходимости обезбоживания всем животным, «прагматичные ветеринары» продемонстрировали более сложное отношение к проблеме. Во-первых, отмечалось, что решение об обезбоживании принимает именно владелец:

(31) Обезболивание – решение самого клиента, я считаю, нужно обезболивать, т. к. это гуманно... если владелец попросит кастрировать без обезболивания – я сделаю это.

Во-вторых, в ответах респондентов отразилось различие отношения к домашним любимцам и сельскохозяйственным животным:

(32) [кастрировать без обезболивания] Щенка или котенка – откажусь. Поросят да, так как они

менее восприимчивы, имеют более крепкое здоровье, в отличие от многих пород щенят и котят;

(33) Свиной да – у них высокий болевой порог, котятка-щенки-нет.

Ветеринарную этику респонденты данной группы связывали с конкретными аспектами работы: *умение договориться* (с владельцами и с коллегами), *соблюдение законов*.

В ответах респондентов третьей группы («профессионалы-практики»), так же как и в ответах респондентов второй группы («прагматичные ветеринары»), почти не используются эмоциональные средства. Комментарии отличаются логической аргументацией, даже если речь идет об оценке и выражении собственного мнения.

При обсуждении вопросов о содержании животных на фермах и этичности продуктивного животноводства два респондента ссылаются на традиционность этой отрасли:

(34) Животноводство – это традиция;

(35) Что можно поделывать, уже столько веков так было, и оно не изменится.

Еще один респондент соглашается с тем, что люди эксплуатируют животных, но отмечает необходимость этого:

(36) Мне грустно, что мы эксплуатируем труд животных и используем их как сырье, но с другой стороны, нам необходимы ресурсы животноводства.

В ответах респондентов нет обвинений фермеров в страданиях животных. Один из студентов отметил, что причиной проблем могут быть не сами владельцы, а неверная информация, которой они располагают:

(37) Неправильные представления владельцев о содержании и лечении, взятые из недостоверных источников.

Суждения о клиентах сходны с ответами второй группы:

(38) Каждый владелец индивидуален;

(39) Фермеры не имеют похожих признаков.

При этом все респонденты отметили, что ветеринар должен выражать сочувствие к клиенту:

(40) Мы люди, а люди должны выражать сочувствие;

(41) Необходимо выразить словами сочувствие, слова сочувствия нужны.

Главную ответственность за жизнь и здоровье животного, по мнению двух респондентов этой группы, несет ветеринар:

(42) ... Потому что он специалист в своей работе; ветеринар разбирается в этой сфере лучше, чем владелец.

Один из респондентов указал на необходимость согласия между ветеринаром и клиентом, в том числе в сфере оплаты услуг:

(43) Между врачом и владельцем животного должно быть взаимопонимание (нужно соотнести финансовые возможности хозяина животного и собственные интересы).

На принятие решения влияет комплекс факторов, в котором присутствует моральный / идеологический аспект:

(44) Если решение владельца аморально, врач должен от него отказаться;

(45) Нужно действовать в интересах животного, но не забывать о морали;

(46) Лучше хозяина отправить к другому врачу, если идеологические соображения клиники не схожи с желанием хозяина.

Благополучие животного описывается респондентами этой группы как результат деятельности и владельца, и врача:

(47) Это интерес врача в жизни и здоровье животного;

(48) Условия содержания;

(49) Благополучие животного – ежегодная вакцинация, осмотры раз в полгода, правильное сбалансированное питание, достаточное количество внимания.

В ответах всех респондентов данной группы четко формулируется запрет на болезненные манипуляции без обезболивания:

(50) Кастрация без обезболивания недопустима. В ветеринарии важна гуманность;

(51) Неприемлемо. Животное может погибнуть от болевого шока.

На вопрос о ветеринарной этике респонденты давали ответы, связанные с моральными императивами:

(52) ... Внутренняя культура врача, препятствующая обсуждению с хозяином животного других врачей;

(53) Не сделай хуже;

(54) Главное – не навреди. Ветеринар должен действовать по совести.

Все «профессионалы-практики» отмечали важность коллегиальности:

(55) С другими врачами лучше поддерживать дружеские отношения;

(56) Важно уважение к другим врачам;

(57) Если не смогу разобраться или не позволит время – направлю животное к более компетентному врачу.

Два респондента высказались о конкуренции как о чем-то, не стоящем внимания:

(58) Ветврач должен помогать животным, не задумываясь о конкуренции;

(59) Конкуренция не важна, важнее передача опыта.

Один респондент отметил позитивные ее стороны:

(60) Умеренная конкуренция способствует улучшению качества работы, увеличению количества знаний.

Таким образом, можно наблюдать вариативность в языковой репрезентации аксиологии ветеринарного дискурса. Жизнь и здоровье пациента становятся приоритетной ценностью у «защитников животных». Животное рассматривается в системе «врач – пациент» и предстает чувствующим, страдающим, беззащитным существом, всецело зависимым от человека. Владельцы и фермеры при этом выступают как носители негативных черт. Этические принципы направлены именно на животное. Врач в ответах «защитников животных» всегда на стороне пациентов. В представлениях этой группы прослеживается оппозиция «владелец – животное и защищающий его ветеринар», выражаемая в эмоционально-экспрессивной манере.

В ответах «прагматичных ветеринаров» отправной точкой являются цели самого ветеринара, безусловно коррелирующие с потребностями и ожиданием клиента и здоровьем животных, а также случай, ситуация. Вероятно, поэтому ответы данной группы ветеринаров

наименее категоричны и часто построены по типу рассуждения, доказательства, допущения. Животное представляется скорее объектом лечения, собственностью владельца, чем пациентом. Клиент – тот, с кем нужно договориться, чтобы работа оказалась успешной.

«Профессионалы-практики» отвечали наиболее емко и информативно, в их формулировках можно увидеть опору на этико-профессиональные максимы. Животные в их ответах – объект заботы владельца и профессиональной работы ветеринара. Хозяева животных репрезентированы безоценочно. Сам ветеринар предстает как ответственное лицо, носитель профессиональных знаний и моральных принципов; особое внимание уделено коллегиальности.

В целом можно увидеть, что клиентоориентированность, коллегиальность, культурные традиции как ценности дискурса не вполне осознаются большинством респондентов. Преобладание респондентов группы «защитники животных» может свидетельствовать об основном мотиве – любви к животным, которому следуют люди, выбирая профессию ветеринара.

Заключение

Запечатленные в клятве ветеринарного врача РФ и профессиональном этическом кодексе ценности отражают сформировавшиеся к настоящему времени представления о благополучии участников ветеринарного дискурса: врача, клиента и животного-пациента. Такая трехкомпонентная модель становится источником вариативности при интерпретации этических принципов, связанных со столкновением понимания животного как собственности человека и как существа, чья жизнь ценна сама по себе; разного представления о роли и статусе клиента дискурса и пределах ответственности ветеринара.

Анкетирование студентов-ветеринаров, профессиональная аксиология которых находится в состоянии становления, показало, что выбор в качестве приоритетов тех или иных ценностей потенциально ведет к различным стратегиям при принятии решений: защита интересов животного, ориентация на конкретную цель самого ветеринара или на сис-

тему профессионально-этических принципов. При этом из трех типов участников ветеринарной коммуникации (ветеринар – животное – клиент) владелец животного поставлен на последнее по значимости место.

Результаты, полученные на этапе дискуссии, когда респонденты должны были развернуто ответить на вопросы о неоднозначных ситуациях в работе ветеринара, продемонстрировали различия в языковой реализации основных ценностей ветеринарного дискурса у разных типов будущих ветеринаров: эмоциональность речевых практик «защитников животных», противопоставление ими клиента и пациента; неоднозначность, обтекаемость формулировок «прагматичных ветеринаров»; аргументированность и опора на принципы и стандарты в ответах «профессионалов-практиков».

В целом как на этапе Q-сортировки утверждений, так и при свободном обсуждении заметна неоднозначность, вариативность ветеринарной аксиологии, связанная с положением фигуры ветеринара между клиентом и пациентом. По-видимому, этот факт должен быть отрефлексирован самим ветеринарным сообществом, что, возможно, будет способствовать более ясному пониманию мотивов при принятии профессиональных решений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация респондентов сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабаева Е. В., 2004. Дискурсивное измерение ценностей: прагмалингвистический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Известия Самарского научного центра РАН. № 1. С. 109–117.
- Карасик В. И., 2015. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. № 1. С. 25–35.
- Карасик В. И., 2018. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. Тяньцзинь : Тяньцзин. ун-т иностр. яз. С. 3–11.

- Кожевникова М. К., 2019. Проблемы биоэтики в ветеринарии: трансплантация органов собак // *Биоэтика*. № 1 (23). С. 52–56. DOI: 10.19163/2070-1586-2019-1(23)-52-56
- Куламихина И. В., Бойко М. Г., Винокурова Т. Н., 2023. Модель ценностных доминант будущих ветеринарных врачей: содержательный аспект // *Современные проблемы науки и образования*. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32756>
- Милованова М. С., 2021. Общая и русская аксиология // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. № 5. С. 96–98.
- Молодыхенко Е. Н., 2016. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 122–130.
- Новикова О. Н., 2023. Ветеринарный дискурс: лингвистический и лингводидактический аспекты. Уфа: БГАУ. 163 с.
- Олянич А. В., 2014. Потребности – дискурс – коммуникация. Волгоград: Волгогр. ГАУ. 216 с.
- Радбиль Т. Б., 2024. «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 3. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Руколь В. М., Веремей Э. И., Журба В. А., 2002. Особенности деонтологии специалистов ветеринарной медицины // *Ученые записки*. Т. 38, ч. 1. С. 177–179.
- Armitage-Chan E., Maddison J., May S. A., 2016. What Is the Veterinary Professional Identity? Preliminary Findings from Web-Based Continuing Professional Development in Veterinary Professionalism // *Vet Rec*. № 178. Art. 318.
- Burge G. D., 2003. Six Barriers to Veterinary Career Success // *J Vet Med Educ*. № 30 (1). P. 1–4.
- Exel van J., Graaf G. de, 2005. Q Methodology: A Sneak Preview // *Social Sciences*. № 2. P. 1–30.
- Gaida S., Härtl A., Tipold A. et al., 2018. Communication Identity in Veterinary Medicine: A Grounded Theory Approach // *Veterinary Record Open*. № 5. Art. e000310.
- Graaf G. de, 2005. Veterinarians' Discourses on Animals and Clients // *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*. № 18. P. 557–578.
- Kimera S. I., Mlangwa J. E. D., 2015. Veterinary Ethics // *Encyclopedia of Global Bioethics*. Springer: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. P. 1–12.
- Lloyd J. W., King L. J., Klausner J. S. et al., 2003. National Workshop on Core Competencies for Success in the Veterinary Profession // *J Vet Med Educ*. № 30 (3). P. 280–284.
- Mossop L. H., 2012. Is It Time to Define Veterinary Professionalism? // *J Vet Med Educ*. № 39. P. 93–100.
- Weich K., Grimm H., 2018. Meeting the Patient's Interest in Veterinary Clinics. Ethical Dimensions of the 21st Century Animal Patient // *Food Ethics*. Vol. 1 (3), № 1. P. 259–272. DOI: 10.1007/s41055-017-0018-0

ИСТОЧНИКИ

- Клятва ветеринарного врача РФ // Валл Г. И. Латинский язык: учеб. для вет. спец. вузов. М.: Высш. шк., 2003. С. 235.
- Этический кодекс ветеринарного врача РФ. URL: <https://vetpalata.ru/wp-content/uploads/2016/03/СНВП-00-004-Этический-Кодекс-1.pdf?ysclid=lugq91oyno826216814>
- Banasick S. Ken-Q Analysis (Version 2.0.1): [Computer Software]. 2023. DOI: 10.5281/zenodo.8310377

REFERENCES

- Babayeva E.V., 2004. Diskursivnoye izmereniye tsennostey: pragmalingvisticheskiy aspekt [Discursive Measurement of Values: Pragmalinguistic Aspect]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh nauk. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Current Issues of the Humanities. News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 1, pp. 109-117.
- Karasik V.I., 2015. Lingvokulturnye tsennosti v diskurse [Linguistic and Cultural Values in Discourse]. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in School], no. 1, pp. 25-35.
- Karasik V.I., 2018. Tsennosti kak kulturno znachimye orientiry povedeniya [Values as Culturally Significant Guidelines for Behavior]. *Lingvokulturnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and Communicative Practice. Proceedings of the International Scientific Conference]. Tianjin, Tyantszin. un-tyan. yez., pp. 3-11.
- Kozhevnikova M.K., 2019. Problemy bioetiki v veterinarii: transplantatsiya organov sobak [Problems of Bioethics in Veterinaria: Transplantation of Dogs Organs]. *Bioetika* [Bioethics], no. 1 (23), pp. 52-56. DOI: 10.19163/2070-1586-2019-1(23)-52-56

- Kulamikhina I.V., Boyko M.G., Vinokurova T.N., 2023. Model tsennostnykh dominant buduschih veterinarnykh vrachey: sodержatelnyy aspekt [Model of Value Dominants of Future Veterinarians]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32756>
- Milovanova M.S., 2021. Obshchaya i russkaya aksiologiya [General and Russian Axiology]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Science], no. 5, pp. 96-98.
- Molodychenko E.N., 2016. Tsennosti i otsenka v diskurse konsyumerizma: lingvo-pragmaticheskiy i kriticheskiy analiz [Values and Evaluation in the Discourse of Consumerism: Linguistic-Pragmatic and Critical Analysis]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern Federal University], no. 3, pp. 122-130.
- Novikova O.N., 2023. *Veterinarnyy diskurs: lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekt* [Veterinary Discourse: Linguistic and Linguodidactic Aspects]. Ufa, BGAU. 163 p.
- Olyanich A.V., 2014. *Potrebnosti – diskurs – kommunikatsiya* [Needs – Discourse – Communication]. Volgograd, Volgogr. GAU. 216 p.
- Radbil T.B., 2024. «Yazyk tsennostey» v otechestvennykh internet-SMI: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Language of Values” in Domestic Internet Media: Cognitive-and-Discursive Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 55-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>
- Rukol V.M., Veremey E.I., Zhurba V.A., 2002. Osobennosti deontologii spetsialistov veterinarnoy meditsiny [Features of the Deontology of Specialists in Veterinary Medicine]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes], vol. 38, pt. 1, pp. 177-179.
- Armitage-Chan E., Maddison J., May S.A., 2016. What Is the Veterinary Professional Identity? Preliminary Findings from Web-Based Continuing Professional Development in Veterinary Professionalism. *Vet Rec*, no. 178, art. 318.
- Burge G.D., 2003. Six Barriers to Veterinary Career Success. *J Vet Med Educ*, no. 30 (1), pp. 1-4.
- Exel van J., Graaf G. de, 2005. Q Methodology: A Sneak Preview. *Social Sciences*, no. 2, pp. 1-30.
- Gaida S., Härtl, A., Tipold, A. et al., 2018. Communication Identity in Veterinary Medicine: A Grounded Theory Approach. *Veterinary Record Open*, no. 5, art. e000310.
- Graaf G. de, 2005. Veterinarians’ Discourses on Animals and Clients. *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, no. 18, pp. 557-578.
- Kimera S.I., Mlangwa J.E.D., 2015. Veterinary Ethics. *Encyclopedia of Global Bioethics*. Springer, Springer-Verlag Berlin Heidelberg, pp. 1-12.
- Lloyd J.W., King L.J., Klausner J.S. et al., 2003. National Workshop on Core Competencies for Success in the Veterinary Profession. *J Vet Med Educ*, no. 30 (3), pp. 280-284.
- Mossop L.H., 2012. Is It Time to Define Veterinary Professionalism? *J Vet Med Educ*, no. 39, pp. 93-100.
- Weich K., Grimm H., 2018. Meeting the Patient’s Interest in Veterinary Clinics. Ethical Dimensions of the 21st Century Animal Patient. *Food Ethics*, vol. 1 (3), no. 1, pp. 259-272. DOI: 10.1007/s41055-017-0018-0

SOURCES

- Klyatva veterinarnogo vracha RF [Oath of a Veterinarian of the Russian Federation]. Vall G.I. *Latinskiy yazyk: ucheb. dlya vet. spets. vuzov* [Latin: Textbook for Veterinary Specialties of Universities]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2003, p. 235.
- Eticheskiy kodeks veterinarnogo vracha RF* [Ethical Code of the Veterinarian of the Russian Federation]. URL: <https://vetpalata.ru/wp-content/uploads/2016/03/SNVP-00-004-Eticheskiy-Kodeks-1.pdf?ysclid=lugq91oyno826216814>
- Banasick S. *Ken-Q Analysis (Version 2.0.1)*. (Computer Software), 2023. DOI: 10.5281/zenodo.8310377

Information About the Authors

Ekaterina A. Abrosimova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia, abrosimova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6256-400X>

Irina V. Kulamikhina, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia, irakula@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-6365>

Информация об авторах

Екатерина Алексеевна Абросимова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия, abrosimova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6256-400X>

Ирина Валентиновна Куламихина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, Россия, irakula@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-6365>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

UDC 811.161.1'04:81.42
LBC 81.411.2-03

Submitted: 15.01.2025
Accepted: 05.06.2025

CHRONICLES RECONSTRUCTION BY A.A. SHAKHMATOV: TO THE PROBLEM OF RELIABILITY

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Abstract. The name of A.A. Shakhmatov was firmly entrenched in the theory of the Church Slavonic basis of the Russian literary language. In this regard, the unique work of Shakhmatov on the restoration of the texts of the oldest chronicles deserves special attention, where genetically correlating reflexes of pre-Slavic combinations included in the list of the most reliable diagnostic signs are presented as a marker of the South Slavic and East Slavic elements. The textual and statistical analysis of the specifics of fixing genetically correlative reflexes indicates the differences in various reflex groups in the restored texts, as well as the discrepancies within the groups in accordance with the features that Shakhmatov noted in the suggested classification of Church Slavonic and Russian correspondences. When compared to *Povest' Vremennykh Let (Russian Primary Chronicle, A Tale of Bygone Years)*, the reconstructed texts demonstrated prevalence of pleophonic root usage over non-pleophonic one. The groups *dj, *tj with the main tendency towards homogeneity in formations with a complete morphological paradigm (respectively in the South Slavic and East Slavic design) are quite diverse in the groups of "individual words" identified by Shakhmatov. In accordance with this, a characteristic feature of the reconstructed texts is their general heterogeneity, including the combination of genetically heterogeneous elements within closely related contexts, which contradicts the conception of the Church-Slavonic nature of West-Slavonic literary language.

Key words: Old Russian chronicles, reconstructed chronicles, *Povest' Vremennykh Let (A Tale of Bygone Years)*, A.A. Shakhmatov, reconstruction, textology.

Citation. Bekasova E.N. Chronicles Reconstruction by A.A. Shakhmatov: To the Problem of Reliability. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 105-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

УДК 811.161.1'04:81.42
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 15.01.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ А.А. ШАХМАТОВЫМ: К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация. Имя А.А. Шахматова прочно закрепилось за теорией церковнославянской основы русского литературного языка. В связи с этим особое внимания заслуживает исследование А.А. Шахматова по восстановлению текстов древнейших летописных сводов, где в качестве маркера южнославянской и восточнославянской стихий представлены генетически соотносительные рефлексии праславянских сочетаний, входящие в список достоверных диагностирующих признаков. Текстологический и статисти-

ческий анализ специфики фиксации генетически соотносительных рефлексов дает основание констатировать не только различия представления в восстановленных текстах групп рефлексов, но и расхождения внутри групп в соответствии с теми особенностями, которые отметил А.А. Шахматов в разработанной им классификации церковнославянских и русских соответствий. По сравнению с Повестью временных лет в реконструированных летописных текстах по количеству словоупотреблений преобладает полногласие с повышенным использованием корней с неполногласием. Группы *dj, *tj при основной тенденции к гомогенности в образованиях с полной морфонологической парадигмой (соответственно в южнославянском и восточнославянском оформлении) достаточно разнообразны в выделенных ученым группах «отдельных слов». В результате характерной особенностью реконструкции текстов становится их общая гетерогенность, включая совмещение генетически неоднородных элементов в пределах тесно связанных контекстов, что противоречит концепции церковнославянской природы восточнославянского литературного языка.

Ключевые слова: древнерусские летописи, летописные списки, Повесть временных лет, А.А. Шахматов, реконструкция, текстология.

Цитирование. Бекасова Е. Н. Реконструкция летописных текстов А.А. Шахматовым: к проблеме достоверности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 105–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

Введение

Сложившееся мнение о старославянском языке как основе русского литературного языка традиционно соединилось с именем А.А. Шахматова, с которым, безусловно, связана одна из блестящих страниц не только русистики, но и мировой филологии. Деятельность ученого открыла новые горизонты изучения современного состояния и истории языка, синтаксиса, диалектологии, лексикографии, а также методики преподавания русского языка. Широкий лингвистический кругозор А.А. Шахматова в соединении с его глубокими знаниями письменных источников и истории народа, помноженные на смелость исследователя, создавали резонансный эффект классики – востребованной во все времена. Однако судьба классики не только в том, что благодаря ей наука продвигается вперед и стоящие на «плечах гигантов» делают новые открытия, но и в расхождении цитат, нередко вырванных из контекста для подтверждения той или иной позиции. Весьма показательным в этом плане признание Шахматова создателем «красивой и величественной картины болгарского языкового книжного и устного влияния на разные типы языка Киевской Руси» [Виноградов, 1978, с. 227], которая, несмотря на справедливое замечание В.В. Виноградова о «сильном увлечении и преувеличении» автора, стала для одних аксиомой, а для других – точкой распространения «оригинальных отклонений от

шахматовской концепции» в виде рассмотрения современного русского литературного языка как развивающегося и обогащающегося церковнославянского языка [Unbegaun, 1968, p. 129].

Крупнейшие ученые, в том числе представившие собственные концепции генезиса русского литературного языка, по-разному оценивали высказывания А.А. Шахматова, в основном подчеркивая традиционность его деклараций, развитых «более решительно, чем его предшественниками» [Мещерский, 1981, с. 29] и «с особым блеском и талантом» [Виноградов, 1978]. При этом следует прислушаться к мнению В.В. Виноградова и С.П. Обнорского, которые подчеркивали, что их учитель не интересовался и не занимался проблемами русского литературного языка, но в своем курсе современного русского языка обязан был «коснуться вопроса об образовании русского литературного языка и изложил его в согласии с обычными представлениями своего времени» [Обнорский, 1960, с. 30]. Безусловно, феномен закрепления сложившегося на тот момент мнения о старославянской основе русского литературного языка за именем Шахматова объясняется его беспрецедентным научным авторитетом в лингвистике, филологии и истории.

В.В. Виноградов первым высоко оценил постоянный исследовательский поиск Шахматова: «Конденсация новых идей, концепций, обобщений, исторических открытий, относящихся к истории русского литературного язы-

ка, содержится в замечательных трудах Шахматова по изображению общего процесса развития русского литературного языка. Здесь точки зрения Шахматова изменялись, углублялись...» [Виноградов, 1978, с. 223].

А.И. Горшков, рассматривая проблемы русского языка в его отношении к старославянскому, убедительно показал, что у Шахматова существует ряд представлений становления и развития литературного языка, далеко уходящих от однолинейной хрестоматийной аксиомы, тем более, что, по Шахматову, «церковнославянский язык мог иметь историю на русской почве только в том случае, если он не выступал как “иноземный” язык, которым пользовались русские, а “утрачивал свое иноземное обличье” и превращался, “претворялся” в русский литературный язык» [Горшков, 1987, с. 13]. С другой стороны, В.В. Колесов вполне обоснованно утверждал, что «гипотеза Обнорского – продолжение и развитие теории Шахматова в новых исторических условиях, когда на основе углубленного изучения русских говоров (начатого Шахматовым) и исторического развития русского языка стала ясна действительная значимость церковнокнижных текстов в формировании русского литературного языка. Расширился и объект изучения: для Шахматова это в основном фонетика и грамматические формы, тогда как для Обнорского – грамматические категории, семантика, стиль» [Колесов, 1989, с. 4].

Следует отметить, что парадоксальный подход к определению генезиса русского литературного языка чаще всего несет некий отпечаток впечатлений от древнерусских памятников, в результате чего, как пронизательно отметил еще М.А. Колосов, «можно представить описание их, но невозможно сделать никаких относящихся до них выводов» [Колосов, 1872, с. III]. В этой связи считаем, что важны не столько теоретические установки Шахматова, которые при внимательном рассмотрении оказываются далеко не однозначными – как и должно быть у выдающегося ученого, реально занимающегося многообразной историей русского языка от XI до XX в., сколько результаты его научной деятельности, в которой особо выделяются актуальные и до сегодняшнего дня «Разыскания о древ-

нерусских летописях», где Шахматов приходит к самому замечательному и смелому в нашей исторической и филологической науке проекту – к реконструкции не дошедших до нас в первоначальном виде двух редакций Повести временных лет (далее – ПВЛ) – Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 года.

С учетом выделенных Шахматовым «категорий бесспорных церковнославянских элементов», соотнесенных с восточнославянскими коррелятами, нами был проведен конкретный анализ их представления в реконструированных текстах летописных сводов. В качестве основной цели рассматриваем определение генетического фона восстановленных летописных текстов в соотношении с теоретическими установками ученого и реальным функционированием диагностирующих признаков в древнерусских рукописях, что дает основание определить степень достоверности Шахматовских реконструкций. В этом случае необходимо использование методов и приемов лингвогенетических исследований, с привлечением статистических и текстологических методик.

Результаты и обсуждение

При восстановлении летописных сводов Шахматов особо отмечает свой «выбор между церковнославянскими и русскими формами» в соответствии с рукописной традицией прежде всего генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний. Надо отметить, что уже Ф.И. Буслаев указал, что их судьба на русской почве была неодинаковой. Однако Шахматов первым представил классификацию генетически неоднородных рефлексов [Шахматов, 1952, с. 249–261], которая позволяет и сейчас рассматривать южнославянские и восточнославянские по происхождению рефлексы в качестве диагностирующих признаков в исследованиях памятников древнерусской письменности и эффективных аргументов в построении концепций и гипотез генезиса русского литературного языка.

Для целей исследования «воссоздания» текстов древнейших летописных сводов необходимо отметить, что Шахматов не только разграничивает каждую из групп по результа-

там представления генетически соотносительных элементов в системе современного русского литературного языка, но и внутри групп указывает факторы, определяющие выбор и закрепление того или иного по происхождению рефлекса. Если для отбора полногласных и неполногласных сочетаний, входящих в состав корня, важным оказываются стилистические и семантические критерии, то группы рефлексов *dj и *tj не только решительно отделены, но и разведены, поскольку внутри данных групп, которые нередко рассматриваются современными учеными недифференцированно, выделяются подгруппы «отдельных слов», причастий, форм I лица ед. ч. настоящего времени и отглагольных существительных.

Наше исследование механизмов организации генетически неоднородных элементов в истории русского языка подтверждает различия в судьбе генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, которые зависели от действия ряда лингвистических факторов – фонетического, морфонологического, лексико-семантического [Бекасова, 2016], а при реализации в отдельных рукописях выбор мог определяться традициями скриптория, бытованием списков или редакций и рядом экстралингвистических факторов [Бекасова, 2010, с. 105–151].

Наиболее популярная среди достоверных диагностических признаков группа рефлексов праславянских сочетаний с плавными в восстановленных текстах сопровождается замечаниями Шахматова о допустимости «некоторых полногласных форм (*порогъ, Новгородъ, Деревляне, но градъ, берегъ*)» (382) (здесь и далее в скобках даются ссылки на: [Шахматов, 2001]). Следует отметить, что данная группа изначально характеризовалась высокой степенью морфонологической вариативности, поскольку «“неполногласные” сочетания типа *трава* вообще-то были свойственны русскому языку, и чистая форма типа *градъ* сама по себе ничего не значила» [Колесов, 1989, с. 267]. Соответственно южнославянские рефлексы в момент трансплантации в систему восточнославянского языка не нуждались в фонетической ассимиляции. Кроме того, полногласные и неполногласные сочетания, как правило, находятся внутри корня, что, в отличие от генетически соотносительных

рефлексов *dj, *tj, не требовало их адаптации в структуре слова и способствовало беспрепятственной реализации семантической маркированности, ставшей причиной дифференциации слов типа *порох / прах*. В данном случае мы имеем дело с классическим примером отмеченных И.А. Бодуэном де Куртенэ генетически неоднородных корреляций, которые имеют «обычно семасиологическое задание, а именно – выражают различные модификации значения» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 301]. Как показывают наши исследования, именно *torot-* и *trat-*лексемы в восточнославянском языке реализуют высокую степень гетерогенности, особенно в летописях [Бекасова, 2010, с. 123–129].

В восстановленных Шахматовым текстах в данной группе наблюдается высокая степень разнообразия, особенно показательная в использовании корнесловов типа *берег / брег, ворот- / врат-, голов- / глав-, голод / глад, город / град*, например: «а тьрky **берегъ**мъ приведе на конихъ» (461) – «выскачаша прочии вои из лодии на **брегъ**» (388); «тълпа поиде отъ **воротъ**» – «Повѣси же щить свои на **вратѣхъ**» (440); «и седьло въ **головахъ**» (393) – «да въдали по числу на **главы**» (396); «и **голодь** пуцають» (467) – «Божимъ гнѣвъмъ гоними, ови отъ зимы, друзи же **гладъ**мъ» (433); «и възя **городъ** 80 по Дунаеве» (393) – «И оступиша **градъ** въ силѣ велицѣ» (393) и под. Следует подчеркнуть, что корнесловы с полногласием *городъ* и *берегъ* фиксируются в текстах, несмотря на наложенный самим Шахматовым запрет на их употребление.

Подобное «варьирование наименований» [Кандаурова, 1968, с. 142] – явление весьма характерное для текстов летописи, однако уровень гетерогенности, например, в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку в два раза выше, чем в реконструкциях А.А. Шахматова, причем ряд корней типа *-(в)олок- / -(в)лак-, -ворон- / -вран-, -ворот- / -врат-, -голов- / -глав-, -город- / -град-, -золот- / -злат-, -полон- / -плен-*, судя по нашим наблюдениям, обладает абсолютной гетерогенностью, поскольку их неоднородность представлена не только в летописях, но и в записях фольклора (прежде всего былин), что свидетельствует об общих механизмах вхождения и функционирования инославянских

элементов, а также их соотношения с исконными соответствиями в стразах древнерусского языка, ср.: «Не в Давыдовѣ городѣ, ни слѣплень, но в твоємъ градѣ ять и слѣплень» (ПВЛ, с. 112) – «А й под тот под славный стольный Киев град. Как под нашим-то под городом под Киевом Стоит собака Калин царь» (ОБ, т. 2, с. 25); «Не суть то бози, но древо <...> суть дѣлани руками в деревѣ» (ПВЛ, с. 38) – «В саду три деревца: Первое деревце – кипарисное, Другое деревце – сладка яблоня, Третье деревце – зелена груша. Кипарис древо – родной батюшко» (СНП, с. 75); «аще полоняникъ обою страну держим естъ или от Руси, или от грекъ, проданъ в ону страну <...> възвратятъ искупное лице въ свою сторону» (ПВЛ, с. 19) – «Я естъ сиверной страны да Золотой орды... Да поезжай-ко ты да в свою сторону» (ОБ, т. 3, с. 269) и др. Аналогичное совмещение генетически соотносительные дублетов допускает и Шахматов, например: «а мьнѣ буди си сторона <...> Ярославъ прия сию страну» (427).

Тождественные условия реализации генетически неоднородных элементов дают основание целому ряду серьезных исследователей (Е.М. Верещагин, В.П. Вомперский, А.И. Горшков, В.В. Колесов и др.) предполагать намеренное генетическое варьирование. В частности, Л.М. Устюгова на основе текстологического анализа наиболее значимых списков ПВЛ доказала, что «максимальная свобода совмещения *torot-* и *trat-* лексем в летописях является исконной особенностью древнерусского литературного языка» [Устюгова, 1987, с. 104]. Сохранение такой особенности в реконструкциях Шахматова, по мнению Л.М. Устюговой, «убедительно свидетельствует о том, что ученый воспринимал их как исконную особенность текста ПВЛ» [Устюгова, 1987, с. 103–104].

Высокая степень гетерогенности группы соотносительных рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными в восстановленных текстах обусловлена тем, что в них фиксируется 42,9 % соотносительных корней, в образованиях от которых преобладает неполногласие (67,7 %). 56,1 % корней имеют исключительно южнославянскую огласовку (с полногласием – 1 %). Однако несмотря на то, что в текстах представлено 79,5 % слов с неполногласием, общий фон реконструкции можно

охарактеризовать как гетерогенный, поскольку имена собственные типа *Володимеръ*, *Новгородъ* в 96,3 % случаев имеют восточнославянскую огласовку. В результате с учетом ономастических единиц в восстановленных текстах фиксируется 55,2 % словоупотреблений с полногласием.

В списках Повести временных лет отмечается гетерогенность практически всех корневых морфов и приставок-предлогов типа *пре-* / *пере-*, однако в отдельных рукописях прослеживаются предпочтения фиксации или *torot-*, или *trat-* лексем, что достаточно показательно в разночтениях списков. В частности, различия в распределении членов коррелятивной пары *брегъ* / *берегъ* между Лаврентьевским, Ипатьевским списками, с одной стороны, и Радзивилловским, Академическим списками, с другой – дают основание считать, что книжники различных скрипториев Древней Руси не только отчетливо осознавали соотношенность южнославянского по происхождению *брегъ* и исконного *берегъ* и специфику связанных с этим различных повествовательных традиций, но и в период XIV–XV вв., как и ранее, резко не противопоставляли их как книжный и разговорный элементы [Бекасова, Устюгова, 2017].

В отличие от Шахматовской реконструкции генетический фон, например, Лаврентьевского списка показывает не только более богатый фонд полногласной и неполногласной лексики (что, впрочем, объяснимо с точки зрения объемов и содержания сравниваемых текстов), но и более высокий уровень гетерогенности: преобладают соотносительные корни (84 %), где понижена неполногласная огласовка (60 %), соответственно менее употребительны слова с неполногласием (43,2 %). Однако общее соотношение словоупотреблений с полногласием (в том числе с учетом преобладания восточнославянского облика в именах собственных – 99 %) несколько ниже, чем в восстановленных текстах – 49,1 %. Преобладание словоупотреблений с полногласием в реконструкциях Шахматова может объясняться большим разнообразием лексического состава Лаврентьевской летописи. В частности, в восстановленных текстах количество топонимов и антропонимов с полногласием в 4,5 раза больше, чем имен нарица-

тельных в восточнославянской огласовке, тогда как в Лаврентьевском списке они встречаются только в 1,7 раза чаще. В связи с этим высокая степень фиксации ономастической лексики в реконструкциях Шахматова нередко является причиной гетерогенности текста, ср.: *нощю иде Вышегороду* (416); *Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Чьрвень и ины грады* (402) и др.

Понимание Шахматовым высокого уровня генетической соотносительности рефлексов праславянских сочетаний обуславливает ослабление в ряде случаев внимания к специфике их реализации в том или ином контексте. Так, при фиксации корнесловов *соромъ / срамъ* в списках ПВЛ выбор неполногласия определяется «предпочтительностью чтения Лавр. списка» [Шахматов, 2001, с. 479–480] «мъртви бо срама не имамъ» и прежде всего правильно, с точки зрения Шахматова, форм глагола и прилагательного.

В целом анализ особенностей представления *torot-* и *trat-*лексем в восстановленных Шахматовым текстах дает основание определить критерии отбора полногласия / неполногласия и уровень их гетерогенности как совпадающий с летописными списками ПВЛ. Сознательная ориентация на неполногласие, но с обязательным включением полногласия («я руководствовался рукописною традицией» [Шахматов, 2001, с. 382]) свидетельствует прежде всего не о теоретических установках Шахматова, а о его глубоком восприятии летописного текста, в результате чего мы имеем дело с одним из вероятных вариантов летописи в реализации весьма разнообразных возможностей варьирования морфем в гетерогенной огласовке.

Снижение генетического разнообразия в восстановленных текстах наблюдается в реализации рефлексов **tj* и **dj*. При этом для **tj* характерна практическая полная гомогенность, поскольку на фоне образований с южнославянским по происхождению рефлексом генетические соответствия фиксируются спорадически (1,5 %). Надо отметить, что в списках ПВЛ, как правило, также предпочитается /щ/ < **tj*, особенно в системных глагольных и отглагольных образованиях с полной морфонологической парадигмой (типа *воплощать, воплощу, воплощенный, воплощение* и др.), например,

в Лаврентьевском списке – 100 %, Ипатьевском списке – 98 %. При этом в других составных частях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей уровень гомогенности значительно ниже (Суздальская летопись – 80 %; Галицко-Волынская летопись – 75 %).

В выделенных Шахматовым группах причастий и «отдельных слов» имеются вкрапления исконных рефлексов. Так, форма *придуча* (445) восстанавливается из Радзивилловского списка, поскольку в других списках представлена глагольная форма. Шире представлена вариантность в группе «отдельных слов» типа *нощь – ночь*: «Бояре же *нощю*, межю клѣтьми проймавъше поможь, обьртѣвъше въ коверъ *Володимера*» (417) – «не забываи, игумене, еже ми еси *ночьсь обьщаль*» (438). Особый интерес представляет отсутствие южнославянского по происхождению коррелята в паре *печера / нещера* в летописной статье о Начале Печерского монастыря (1062 г.). Следует отметить, что в Ипатьевском списке реализуется исключительно форма в восточнославянской огласовке, тогда как в Лаврентьевском списке фиксируется коррелят *нещера* в статьях 1071 и 1091 годов. По мнению Л.М. Устюговой, важную роль в этом случае сыграла не только поздняя книжнославянизация текста, но и стандартизованный случай употребления «русизма» в устойчивом выражении «ископати *печеру / нечерку*» [Устюгова, 1987, с. 104]. Шахматов также исключает широко представленную в списках летописи вариативность генетически соотносительных альтернантов в формах глагола *хотѣти*, где альтернант /ч/ представлен в Лаврентьевском списке в 81,6 %, а в Ипатьевском списке – 24,3 % случаев.

Противоположная тенденция наблюдается в реализации рефлексов **dj*, где в системных глагольных и отглагольных образованиях как в реконструкции текстов летописных сводов, так и в Лаврентьевском и Ипатьевском списках фиксируется исконный альтернант. В связи с этим необходимо обратить внимание на наличие в этих текстах гетерогенов – слов, совмещающих разные по происхождению диагностические признаки, в данном случае образований с неполногласными корнями, реализующими восточнославянский по происхождению рефлекс, например: «наслажаються учения божьствнаго» (429), «къде бѣ

загражено устье» (442), «кръстьмь бо огражаеми вѣрнии люди побѣжають супостаты противьныя» (454), «Ярославъ разгнѣвася на гражаны» (в примечании: «въ ту ночь... на гражаны») (463).

Такая гетерогенность была широко распространена в древнерусских памятниках, включая богослужебные тексты, где практически стопроцентная реализация неполногласия сталкивается с той или иной степенью лояльности к восточнославянскому рефлексу *dj, например: в Остромировом Евангелии – 11 %, Новгородских Минеях (1095–1097 гг.) – 93,3 %, Киевской Псалтыри – 97,8 %, Острожской Библии – 22,6 % и др. Как в этих текстах, так и в реконструкциях Шахматова наблюдается и гомогенное оформление корня: *гражданы* не бѣ лъзѣ убити его (399).

Особого замечания требует достаточно употребительная и поэтому отмеченная многими исследователями пара *преже / прежде*, при этом в реконструкциях Шахматова, как и в большинстве памятников письменности [Бекасова, 2016, с. 119–120], предпочитается гетероген: «яко же и *преже* бяхъ обыкль уединився жити» (435), «имъ же бѣша жили чьрньци *преже* в печерѣ» (436) – «Варягы *прежде* бо бѣша Словѣне» (387) и под.

В целом массив образований, входящих в полную морфонологическую парадигму, в восстановленных текстах ближе к уровню некоторых церковнославянских текстов (88,5 % – /ж/ и 11,5 % – /жд/), чем к летописным.

В реконструированных текстах ожидаемо выше употребление /жд/ < *dj в группе «отдельных слов», поскольку реализация в ней рефлексов не требовала прохождения морфонологического фильтра, обуславливающего запрет южнославянских по происхождению альтернантов, например, перед суффиксом *-ива* или предпочтение восточнославянских альтернантов перед окончанием *-у* ед. ч. настоящего времени, что сближало их с группой полногласной / неполногласной лексики, обладающей широкой вариативностью однокоренных образований. Однако в восстановленных текстах, кроме указанных соотносительных пар *преже – прежде*, в основном наблюдается генетическое размежевание типа *жажда*, *надежда*, *даждь – нужа*, *между*, *чужеи*,

хужии, *вижь*. В некоторых случаях можно предполагать, что причиной выбора, например, слова *одежда* из Комиссионного и Радзивилловского списков, а не Лаврентьевского, где фиксируется *одежевь* (394), явилась более корректная грамматическая форма (ср. пример со словом *срамъ*).

В целом, в фиксации *tj и *dj в восстановленных текстах следует констатировать диаметрально противоположные тенденции их реализации, свойственные древнерусским памятникам. Несмотря на то, что генетическая чистота для *tj несколько выше, а для *dj ниже, чем в списках ПВЛ, уровень гетерогенности реконструкций достаточно хорошо коррелирует с генетическим фоном других памятников древнерусской письменности, в том числе и церковнославянских [Бекасова, 2010, с. 73–105, 149–157].

Различия в реализации генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний и возможности образования коррелятивных пар в указанных группах закономерно приводят к столкновению гетерогенных рефлексов в структуре текста, усиливая генетическую неоднородность восстановленных текстов, что особенно показательное в тесно связанных контекстах, например: «*нужею* привлечать» (442), «*свлечеса* грѣховьныя *одежда*» (394), «*бѣ* бо *имуци* *презвутьеръ*»; «*сии* *похорони* *блаженую* *Ольгу*» (394), «*и* *възвратися* въ *Переяславьць*» (396), «*нощию*, *между* *кльтьми* *проймавьше* *помость*, *обьртѣвьше* въ *ковьрь* *Володимера*» (417), «*и* *пресхавъ* *лоды* *чрезъ* *Дньпръ*» (452) и др.

Однако также следует отметить, что в восстановленных текстах имеются контексты, выдержанные в гомогенном облике, например, с использованием южнославянских рефлексов в статье 986 г. (Выбор веры) или восточнославянских соответствий в статье 1015 г. (Об убиении Борисовѣ). Причем правка текстов в ту или иную сторону происходит в пределах возможных в древнерусских рукописях колебаний.

Выводы

Таким образом, траектории реализации генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний в восстановленных Шах-

матовым текстах во многом совпадают с тем, что в той или иной степени представлено в списках древнейшего дошедшего до нас летописного свода – Повести временных лет. Объективная картина соотношения южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов, безусловно, вписывается и в общую картину их реализации в памятниках древнерусской письменности различной территориальной, жанровой и временной принадлежности [Бекасова, 2010, с. 73–105; Бекасова, 2016, с. 8–125]. Столкновение высокой степени вариативности полногласия / неполногласия с диаметрально противоположными тенденциями в предпочтении реализации рефлексов *tj в южнославянском, а для *dj в восточнославянском по происхождению обличи обуславливает общую гетерогенность текстов, свойственную древнерусскому языку. В частности, на фоне определенной гомогенности системных глагольных и отглагольных образований с полной парадигмой морфологических чередований с рефлексами *dj и *tj высокая степень вариативности «отдельных слов», как правило, сближается с гетерогенностью *togot-* и *trat-* лексем, ср.: у Шахматова /щ/ – 71 %, /жд/ – 26,7 %, неполногласных корней – 57,1 %.

В связи с этим актуальны установки Шахматова, который «руководствовался рукописною традициею» и допускал полногласные формы и написания с *ч*, *ж*, передавая сложившиеся отношения внутри каждой группы. Зафиксированный генетический фон групп и подгрупп при сравнении со списками ПВЛ, на первый взгляд, в некоторой степени подтверждает приверженность Шахматова генетическому «однообразию» в восстановленных текстах древнейших летописных сводов, но при этом полностью отражает диапазон возможных колебаний в реализации рефлексов как в летописях, так и в других древнерусских текстах. Показательно также замечание Шахматова о своих реконструкциях: «Возможно, что в оригиналах XI века было гораздо меньше русизмов, чем это допущено в предлагаемом тексте» [Шахматов, 2001, с. 382]. В этом предположении заключено и утверждение о значимости слоя южнославянских по происхождению элементов в начале русской письменности, и сомнение, основанное на знании реальных памятников письменности. Такое

противоречие обусловлено реальностью генетического фона текста, отражающего деятельность летописца, которая осложнена ориентацией скрипториев, разночтениями в предыдущих источниках, временем и пространством. Однако в целом гетерогенность восстановленных текстов не переходит границ соответствия генетически соотносительных рефлексов в условиях активно складывающихся механизмов их взаимоотношений, отбора и закрепления. Объективность реконструкций текстов в плане их гетерогенности еще раз доказывает, что Шахматов интересовался языком во всех его многообразных проявлениях и был прежде всего исследователем, далеким от односторонности и предвзятости.

В этой связи еще более убедительно и актуально звучит утверждение В.В. Виноградова о том, что «история русского языка в ее современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с теориями Шахматова чаще всего ведется при помощи того же оружия, а иногда и тех же средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова. Исторические задачи, не решенные Шахматовым, стоят и перед нами...» [Виноградов, 1978, с. 236].

Проанализированный нами один из аспектов деятельности Шахматова в очередной раз подтверждает его непревзойденную славу в лингвистическом и историческом осмыслении уникального явления древнерусской письменности. Присущая Шахматову исследовательская смелость и гениальная интуиция, основанные на строго выверенных фактах и энциклопедических знаниях, пронзивших всю систему русского языка за тысячу лет, позволили ему сделать в области «разысканий о русских летописях» целый ряд таких научных открытий, которые определяют более ста лет разностороннее изучение феномена древнерусской письменности. При этом А.А. Шахматов понимал, «что поверить алгеброй гармонию» сложно: «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих “ученых доводов”» [Шахматов, 2001, с. 5].

Летописные своды и в настоящее время представляют крайне сложный объект исследования. Как справедливо отмечает А.А. Гиппиус, «многослойность ПВЛ, безусловно, суще-

ственно затрудняет использование ее как исторического источника, но в то же время является важнейшим ресурсом новой информации» [Гиппиус, 2012, с. 62], и ее исследования, по всей видимости, всегда будут «в рамках “шахматовской” парадигмы» [Гиппиус, 2012, с. 49].

Свою великую картину русского летописания, созданную смелыми и выверенными мазками, А.А. Шахматов оставил следующим поколениям ученых, которые прорисовывают детали, уточняют композицию, накладывают новые краски, но всегда в ней будет присутствовать особый Шахматовский взгляд, проникающий в суть одной из важнейших страниц русской истории, языка и литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекасова Е. Н., 2010. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 208 с.
- Бекасова Е. Н., 2016. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Brno : Tribun EU. 194 с.
- Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М., 2017. Лексемы *брег* / *берег* в списках «Повести временных лет» // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. № 2. С. 95–106.
- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 384 с.
- Виноградов В. В., 1978. История русского литературного языка // Избранные труды / отв. ред., сост., авт. вступ. ст. и коммент. д. филол. н. Н. И. Толстой. М. : Наука. 320 с.
- Гиппиус А. А., 2012. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 36–63.
- Горшков А. И., 1987. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука. С. 7–30.
- Кандаурова Т. Н., 1968. О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI–XIV вв. // Русская историческая лексикология. М. : Наука. С. 139–144.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ. 294 с.
- Колосов М. А., 1872. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава : Тип. Варш. учеб. окр. 192 с.
- Мещерский Н. А., 1981. История русского литературного языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 280 с.
- Обнорский С. П., 1960. Происхождение русского литературного языка старейшей поры // Избранные работы по русскому языку / вступ. ст. С. Г. Бархударова. М. : Учпедгиз. 354 с.
- Устюгова Л. М., 1987. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука. С. 90–105.
- Шахматов А. А., 1952. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М. : Учпедгиз. 272 с.
- Шахматов А. А., 2001. Разыскания о древнерусских летописях. М. : Акад. Проект ; Жуковский : Кучково поле. 880 с.
- Unbegaun В. О., 1968. Le russe litteraire, est-il d'origine russe? // American Contributions to the International Congress of Slavists. P. ; The Hague : [s. n.]. P. 24–130.

ИСТОЧНИКИ

- ПВЛ* – Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1999. 668 с.
- ОБ* – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года / отв. ред. А. М. Астахова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 2. 1950. 810 с. ; Т. 3. 1951. 669 с.
- СНП* – Собрание народных песен П.В. Киреевского : Записи Языковых в Симбир. и Оренб. губерниях / подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 1. 327 с.

REFERENCES

- Bekasova Ye.N., 2010. *Geneticheskij fon drevnerusskogo teksta* [Genetic Background of the Old Russian Text]. Orenburg, Izd-vo OGPU. 208 p.
- Bekasova Ye.N., 2016. *Mehanizmy geterogennoj organizatsii sistemy russkogo yazyka (na materiale refleksov praslavyanskih sochetanij)* [Mechanisms of Heterogeneous Organization of the Russian Language System (Based on Reflexes of Pre-Slavic Combinations)]. Brno, Tribun EU. 194 p.

- Bekasova Ye.N., Ustyugova L.M., 2017. Leksemy breg / bereg v spiskakh «Povesti vremennykh let» [Lexems breg / bereg in the Lists Stories of Temporary Years]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 2, pp. 95-106.
- Boduen de Kurtene I.A., 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 1* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 384 p.
- Vinogradov V.V., 1978. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian Literary Language]. Tolstoy N.I., ed. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ. 320 p.
- Gippius A.A., 2012. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obyekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and After the Initial Code: The Early Annalistic History of Russia as an Object of Textual Reconstruction]. Makarov N.A., ed. *Rus v IX–X vekah: arkheologicheskaya panorama* [Russia in the 9th – 10th Centuries: An Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 36-63.
- Gorshkov A.I., 1987. Otechestvennye filologi o staroslavlyanskom i drevnerusskom literaturnom yazyke [Domestic Philologists on Old Slavonic and Old Russian Literary Language]. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v ego otnoshenii k staroslavlyanskomu* [The Old Russian Literary Language in Its Relation to Old Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-30.
- Kandaurova T.N., 1968. O sluchayah parallelnogo upotrebleniya nepolnoglasnyh i polnoglasnyh slov-variantov v pamyatnikah XI–XIV vv. [On Cases of Parallel Use of Incomplete and Full-Vowel Word Variants in Monuments of the 11th–14th Centuries]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 139-144.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [The Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo LGU. 294 p.
- Kolosov M.A., 1872. *Ocherk istorii zvukov i form russkogo yazyka s XI po XVI stoletie* [Essay on the History of Sounds and Forms of the Russian Language from the 11th to the 16th Centuries]. Varshava, Tip. Varsh. ucheb. okr. 192 p.
- Meshchersky N.A., 1981. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 280 p.
- Obnorsky S.P., 1960. Proishozhdeniye russkogo literaturnogo yazyka stareyshey pory [The Origin of the Russian Literary Language of the Oldest Time]. Barkhudarov S.G., ed. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 354 p.
- Ustyugova L.M., 1987. Knizhnoslavyanizmy i sootnositelnye rusizmy v osnovnykh spiskakh «Povesti vremennykh let» [Book Slavism and Relative Russisms in the Main Lists of the Tale of Bygone Years]. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v yego otnoshenii k staroslavlyanskomu* [The Old Russian Literary Language in Its Relation to Old Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., pp. 90-105.
- Shakhmatov A.A., 1952. *Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku (uchenie o chastyakh rechi)* [From the Works of A.A. Shakhmatov on Modern Russian (The Doctrine of the Parts of Speech)]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 272 p.
- Shakhmatov A.A., 2001. *Razyskaniya o drevnerusskikh letopisyah* [Searches About Old Russian Chronicles]. Moscow, Akad. Proekt Publ.; Zhukovskiy, Kuchkovo pole Publ. 880 p.
- Unbegaun B.O., 1968. Le russe litteraire, est-il d'origine russe? *American Contributions to the International Congress of Slavists*. Paris, The Hague, s.n., pp. 24-130.

SOURCES

- Likhachev D.S., Adrianova-Peretz V.P., eds. *Povest vremennykh let* [A Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999. 668 p.
- Astakhova A.M., ed. *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gilferdingom letom 1871 goda* [Onega Epics Recorded by A.F. Hilferding in the Summer of 1871]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. Vol. 2. 1950. 810 p.; vol. 3. 1951. 669 p.
- Soymonova A.D., ed. *Sobraniye narodnykh pesen P.V. Kireyevskogo: Zapisi Yazykovykh v Simbir. i Orenburg.guberniyah* [Collection of Folk Songs by P.V. Kireevsky: Recordings of Yazykovs in the Simbirsk and Orenburg Provinces]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-niye Publ., 1977, vol. 1. 327 p.

Information About the Author

Elena N. Bekasova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Russian Language Teaching Techniques, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, bekasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-2395>

Информация об авторе

Елена Николаевна Бекасова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия, bekasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-2395>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

UDC 81-13
LBC 81.003

Submitted: 30.03.2025
Accepted: 01.07.2025

CONCEPTUAL CONTENT OF THE CATEGORY OF REFLECTION IN THE SYSTEMIC LINGUISTICS

Olga I. Valentinova

RUDN University, Moscow, Russia

Mikhail A. Rybakov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Contrasting the conceptual content of the category of reflection in G.P. Melnikov's theory of reflection with the system of meanings of the words Slav. *obraz* (*image*) – Latin *fōrma* – Greek τύπος – Greek εἶδος supported the hypothesis expressed about the advanced reflection of a reality that has not yet been mastered by scientific knowledge within the semantic system of the language. A comparative-and-historical research into the semantics of linguistic signs that denote the idea of reflection in Slavic and ancient languages, demonstrated the universal nature of meanings, similar in all people, as figurative units of thinking, which reflect the essential properties of reality. It revealed the deeply motivated (and not involuntarily associative) nature of the connection between sign and meaning, which the founder of modern systemic linguistics G.P. Melnikov insisted on and which fundamentally distinguishes his understanding of semiotic processes from the established ideas in linguistics about the “relationship between the plane of expression and the plane of content”. The research results showed the potential of forming a conceptual system of signs with an open internal form. Being significant for scientific knowledge, it reveals the logic of their relationship and reflects the objective connections of phenomena and processes of physical and non-physical reality. The methodological universality of G.P. Melnikov's theory of reflection was additionally confirmed by clarifying the nature of the relationship between the content of the concept of image in the philosophy of art and in systemic linguistics.

Key words: sign, category, image, concept, system, systemic linguistics, type.

Citation. Valentinova O.I., Rybakov M.A. Conceptual Content of the Category of Reflection in the Systemic Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 116-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

УДК 81-13
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 30.03.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

ПОНЯТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА В СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ольга Ивановна Валентинова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Михаил Анатольевич Рыбаков

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Сопоставление понятийного содержания категории образа в теории отражения Г.П. Мельникова с системой значений слов слав. *образ* – лат. *fōrma* – греч. τύπος – греч. εἶδος поддержало авторскую гипотезу об опережающем отражении семантической системой языка еще не освоенной научным познанием

действительности, которая была выдвинута для верификации идеи Г.П. Мельникова об универсальности отражения в материальной и нематериальной действительности. Сравнительно-историческое исследование семантики языковых знаков, обозначающих идею отражения в славянских и античных языках, продемонстрировало универсальный характер смыслов, подобных у всех людей, как образных единиц мышления, отражающих существенные свойства действительности. Оно вскрыло глубоко мотивированный (а не произвольно ассоциативный) характер связи между знаком и значением, на котором настаивал основатель современной системной лингвистики Г.П. Мельников и который принципиально отличает его понимание семиотических процессов от устоявшихся в языкознании представлений о «соотношении плана выражения и плана содержания». Результаты исследования показали перспективность формирования понятийной системы знаками с открытой внутренней формой, раскрывающей значимую для научного познания логику их соотношения, отражающую объективные связи явлений и процессов физической и нефизической действительности. Методологическая универсальность теории отражения, обоснованной Г.П. Мельниковым теоретически и примененной ученым в системной типологии языка, в данном исследовании дополнительно подтверждена при установлении характера соотношения содержания понятия «образ» в философии искусства и в системной лингвистике.

Ключевые слова: знак, категория, образ, понятие, система, системная лингвистика, тип.

Цитирование. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Понятийное содержание категории образа в системной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 116–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

Введение

Статья посвящена обсуждению гипотезы, согласно которой теоретические построения, отражающие в ходе логического рассуждения в системе взаимообусловленных понятий подлинную сущность обсуждаемых явлений, могут предвосхищаться произвольно сложившейся в одном или в нескольких языках системой значений – первичных и вторичных, отражающих не только развитие человеческого познания, но и те объективные закономерности, которые есть в объективной действительности, но еще не осознаны человеком. В фокусе нашего внимания – теория отражения основателя современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, представленная в ряде его работ (см.: [Мельников, 1973; 1977; 1980; 1991]) на фоне семантической истории слов, обозначающих идею отражения в славянских, греческом и латинском языках.

Теория отражения Г.П. Мельникова, представляющая собой фундаментальную часть его системологии [Мельников, 1978], раскрывает свой методологический и прикладной потенциал в разрабатываемой ученым системной теории языка.

В своих рассуждениях Г.П. Мельников исходит из того, что язык, будучи адаптивной, то есть приспособляемой к внешним условиям, системой, обладает, как всякая **адаптив-**

ная система, свойством отражения. В сугубо физических, химических и иных объективных процессах, происходящих в неорганическом мире, Г.П. Мельников видел лишь субстратные явления, предпосылки развития высших форм отражения.

Адаптация соотносится с философской категорией развития в живой и неживой самодвижущейся материи, между которыми отсутствует непроходимая граница. Так, адаптация выступает конкретизацией категории развития и определяется Г.П. Мельниковым как «функциональная эволюция» [Мельников, 1973, с. 189]. По оценке, высказанной С.Ю. Преображенским, «именно специфическая интерпретация того, что было принято называть в диалектическом материализме “отражением”, и позволяла Г.П. Мельникову делать фундаментальное заявление о том, что связь между знаком и значением материализована в намеке, что намек – это не рефлекторная ассоциация, он базируется на мотиве, мотивировке» [Преображенский, 2016, с. 307].

В работе мы экстраполируем теорию отражения Г.П. Мельникова на сопоставление понятийного содержания категории образа с системой соответствующих значений в славянских и античных языках на основе двуязычных и этимологических словарей, а также работ по исторической лексикологии указанных языков (см.: [Дворецкий, 1958; 1986; Преображен-

ский, 1910–1914); [Валентинова, Загуменнов, 2023; Веселитский, 1972; Виноградов, 1999; Карасик, Лешутина, 2024]).

Материал и методы

Материалом исследования послужили этимологические словари русского языка, индоевропейских языков, научные труды по исторической лексикологии и этимологии славянских языков, русского, древнегреческого и латинского языков. В качестве методов используются этимологический, историко-семантический и функционально-семантический анализ лексики, а также общенаучный метод системного анализа сложных объектов.

Результаты и обсуждение

Образ – форма – тип: значение знаков в античных и славянских языках на фоне понятийного содержания омонимичных терминов системной лингвистики

Процесс изменения состояния одного объекта как следствие воздействия на него другого объекта (процесс **отражения**) и результат возникающей в ходе этого процесса деформации отражающего объекта (**образ**) выражаются в русском языке через внешнюю форму (*разж-/раз-*), предвосхищающую и одновременно подтверждающую теоретические размышления Г.П. Мельникова.

Корневые алломорфы (*разж-/раз-*), связь которых обуславливается историческим позиционным чередованием *з//ж*, раскрывает происхождение и значение слова *образ* в славянских языках и, с высокой степенью достоверности, в их общеславянском предке. Можно предполагать образование этого отглагольного существительного с помощью нулевой суффиксации от приставочного глагола **ob-raziti / *ob-rězati*. Значение приставочной праформы **obraziti* можно реконструировать как ‘обрезать, выявить контур’. Это промежуточное звено необходимо для пояснения этимологии, предлагаемой в известном словаре, где слово **obrazъ* прямо возводится к простой

глагольной основе **raziti / *rězati* ‘разить, резать, ломать, нарушать’, а его старшее значение в общеславянском языке поясняется как ‘нечто, получившее (новый) облик или определенный вид’ (Черных, 1993, с. 588). Поскольку значение глагола *разить* включает семантический компонент ‘подвергать разрушающему воздействию, деформировать’ (ср. *поразить, сразить*, а также *разразиться, выразить*, указывающие на преодоление субстанцией внешнего ограничительного контура вовне либо внутрь объекта – *заразить*), следовательно, *образ* – результат *ображения*, то есть процесса внешнего воздействия на некоторый материал, оставляющего в нем след. Материал этот – психика, воспринявшая внешний сигнал, а след (образ) – познавательный (cognitive) результат, опирающийся на перестройку нейронных связей.

Этимологию, возводящую *образ* к глагольным корням *раз-/рез-*, дает и словарь А.Г. Преображенского, в котором словарная статья *образ* включает диалектное севское (Брянская обл.) слово *образить* – ‘привести в надлежащий вид’ (Преображенский, 1910–1914, с. 630–631).

Значение слова *образ*, употребление которого в истории русского языка иллюстрируется примерами из письменных памятников, И.И. Срезневский представил в своем словаре через отдельные, но близкие смыслы:

- вид, образ (μορφή [morfe], εἶδος [eidōs]);
- вид, подобие;
- призрак;
- изображение (εἰκόνας [eikonas], imago);
- икона, образ (εἰκόν [eikon]);
- образец, пример (ὑπόδειγμα [hipodeigma], τύπος [tipos]);
- знак, символ;
- чин, сан (μορφή [morfe]);
- способ, образ (τρόπος [tropos], modus);
- форма (τύπος [tipos]);
- естество;
- грамматический термин (Срезневский, 1902, стб. 539–542).

Стоит обратить внимание на то, что **образ** как форма противопоставляется **веществу** как содержанию в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (СПб., 1835–1841) и противопоставляется **духу** в «Истории философских систем» А.И. Галича [Веселитский, 1972, с. 246].

Все представленные в словаре И.И. Срезневского лексико-семантические варианты слова тесно связаны как друг с другом, так и с семантическим инвариантом – внутренней формой слова. Не менее существенны для понимания *образа* связи этого слова с греческими словами максимально абстрактного философского содержания и при этом столь же конкретными, как и славянское *образ*: *идея, икона, символ, тип, троп*. Латинские слова *forma, figura, imago, modus* и их производные тоже выражают широкий круг смежных смыслов, соорганизованных друг с другом и с ядерными значениями своих корней.

Сходной системой значений обладают и греческие эквиваленты слова *образ* – *τύπος* [tipos], заимствованный русским языком в значении ‘тип, вид, разновидность’, и *εἶδος* [eidos], заимствованный в значении ‘идея’. В древнегреческом же языке сформировались следующие значения:

τύπος (ῥ) ὀ

1) удар: τ. ἀντίτυπος [antitipos] (Геродот) удар и ответный удар;

2) знак, след (*τύποι πλεγῶν* [tipoi plegōn] – Плутарх): *τύποι σφενδόνης* [tipoi sfendonos] (Эврипид) отпечаток (оттиск) перстня; τ. τοῦ καυτήρος [t. tu kauteros] (Лукиан) выжженное клеймо; *τύποι γραμμάτων* [tipoi grammatōn] (Плутарх) письменные знаки, письмена;

3) резьба, резное (скульптурное) изображение: *αἰμασίη ἐγγεγλυμμένη τύποισι* [aimasie eggeglimmene tipoisi] (Геродот) ограда со скульптурными изображениями; *ἀσπίδος τύποις ἐπὶν γίγας* [aspidos tipois epen gigas] (Эврипид) на щите была вырезана фигура гиганта; *χρυσέων ξοάνων τύποι* [hriseōn ksoanon tipoi] (Эврипид) золотые изваяния;

4) форма или образец, тип: *τοῦ αὐτοῦ μετέχειν τύπου* [tu autu metekein tipu] (Платон) иметь ту же форму, относиться к тому же типу; *Ἴππομέδοντος μέγας τ.* [hippedontos megas t.] (Эсхил) громадного роста Гиппомедонт;

5) очерк, очертания, общий вид (Исократ, Платон, Аристотель): *τύπῳ* [tipō] и *ἐν τύπῳ* [en tipō] (Платон, Аристотель) в общем виде, в форме наброска; *τύπον τινὰ λαβεῖν τίνος* [tipon tina labein tinos] (Платон) постичь что-л. в общих чертах;

6) топот (*ἵππων* [hippon] (Ксенофонт)) (Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1654–1655).

Однако смысловым эквивалентом славянского слова *образ* будет не только греческое *τύπος*, но и греческое *εἶδος*:

εἶδος, εὖς τό [*eĩdō]

1) вид, внешность, образ, облик (*εἶ τε μέγεθος τεεοικέναι τινί* [ei te megetos teoikenai tini] – Гомер): *εἶδεος ἐπαμμένος* [eideos epammenos] (Геродот) красивой наружности; *τὸ εἶ.* [to ei.] и *τὰ εἶδη* [ta eide] (Ксенофонт, Платон, Аристотель) видом, по виду, на вид; описательно: *εἶ.* Ἠλέκτρας [ei. Elektras] (Софокл) = Ἠλέκτρα [Elektra];

2) красивая наружность, красота: *εἶ. καὶ φρένες* [ei kai frenes] (Гомер) красота и ум;

3) вид, характер, род (*νόσου* [nosu] – Фукидид): *ἐν εἶδει τινός εἶναι* [en eidei tipos einai] (Платон) являться видом или разновидностью чего-л.; *τοῖς εἶδεσι διηλλαγμένα* [tois eidesi diellagmena] (Фукидид) разнородные вещи;

4) образ, способ: *ἐπὶ τοῦτο τὸ εἶ. τρέπεσθαι* [epi tuto to ei. trepestai] (Фукидид) прибегать к этому способу;

5) форма правления, государственный строй: *ἐναντίοι ὄντες τῷ τοιούτῳ εἶδει* [enantioi ontes to toiuto eidei] (Фукидид) будучи противниками этого политического режима;

6) лог. вид (*γένη καὶ εἶδη* [gene kai eide] – (Платон, Аристотель, Плутарх, Секст Эмпирик);

7) филос. (у Платона) эйдос, идея (*νοητὰ καὶ ἀσώματα εἶδη* [noeta kai asōmata eide] (Платон): *τὸ ἐπ’ εἶδει καλόν* [to ep eidei kalon] (Платон) эйдетическая (т. е. идеальная, абсолютная) красота;

8) филос. форма (*τὸ εἶ. καὶ τὸ παράδειγμα* [to ei. kai to paradeigma] – Аристотель) (Дворецкий, 1958, т. 1, с. 460).

Как и во внутренней форме славянского слова *образ*, в греческом языке исходным элементом семантической структуры многозначного слова *τύπος* является значение удара и, метонимически, производимого им следа, отпечатка, который для наблюдателя будет одновременно и знаком. По аналогии со словами *след* и *отпечаток* греческое *τύπος* обозначает резьбу, очертания предмета, а производным от естественного знака-отпечатка становится письменный знак.

Неслучайно слово *образец* (семантически соотносимое с четвертым значением греч. *τύπος* [tipos] ‘форма или образец, тип’)

в русском языке оказывается производным от слова *образ* с помощью суффикса *-еу*.

В лингвистике одним из ключевых понятий является **тип языка**, то есть некоторая форма, вид, разновидность или просто образ (точнее сказать, типичный образ, хотя в таком сочетании в плане внутренней формы будет некоторая избыточность) языкового устройства. Слово *тип* в русской научной, а затем и повседневной речи дало целый ряд производных прилагательных: *типичный, типический, типовой*.

В философии искусства образ осознается как **знак** идеи, то есть форма ее выражения. Идеи столь сложной, что иначе она не может быть выражена. В науке о литературе этот знак именуется не только славянским словом *образ*, но и словом греческого происхождения – *тип*. В таком обозначении обнаруживается, как можно предположить, антиномическая сущность искусства: нечто единичное, неповторимое отражает нечто типическое, уловленное художником, но еще не схваченное общественным сознанием. Искусство отражает, преобразует и предвосхищает действительность [Лапшин, 1923], но эти три функции искусства по отношению к действительности осуществляются не последовательно, а одновременно: искусство отражает действительность не буквально, фотографически, а преобразуя ее, обнаруживая в этом преобразении ее ускользающую от иного взгляда суть, которой только предстоит воплотиться.

Типическое в искусстве выражает идею не повторяемости, а способности к обобщению – способности образа к обобщению часто разрозненных фактов действительности, сплавленных в целое уникальными ассоциациями художника: «...из звука рождается образ, так, как набор буквенных знаков, он выстроен звуком; он – новое качество суммы сырья: в химии сплава; он – типичен (в терминах прошлого); он – стилистичен (в терминах настоящего); и он не отчленим от образа мысли автора в той мере, в какой последний автором не “просвоен” насквозь (еще осознается) в деталях, адекватных деталям художественной организации, – что значит: автор мыслит необычно...» [Белый, 1996, с. 36].

Круг значений латинского слова *fōrma*, *ae* (f) совпадает с кругом значений славянского слова *образ*. *Fōrma* с высокой степенью веро-

ятности образуется нулевой суффиксацией от глагола *fōrmo*, *āvī*, *ātum*, *āre*, обнаруживающего значения:

- 1) придавать форму или вид, формировать, образовывать; приводить в порядок;
- 2) развивать, облагораживать, воспитывать;
- 3) приучать;
- 4) устраивать, организовывать;
- 5) делать, изготавливать, ваять, сочинять, строить, создавать;
- 6) воображать, представлять (Дворецкий, 1986, с. 333).

В русском языке эти же значения имеют глаголы, производные от слова *образ*:

образовывать – ‘обучать, воспитывать; создавать, организовывать’;

преобразовывать – ‘реформировать, реорганизовывать’;

воображать, соображать – внутренняя форма этих глаголов подразумевает ‘соединять, сопоставлять образы’.

Семантическая система латинского существительного *fōrma* подобна системе значений славянского *образ* и греческого *τύπος* [tipos]:

fōrma, ae (f)

- 1) форма, вид; образ, облик;
- 2) лицо, лик, обличье;
- 3) наружность, внешность;
- 4) красота;
- 5) изображение, рисунок, фигура, образ;
- 6) чертеж;
- 7) литера, рисунок буквы;
- 8) характер, устройство, организация, образ;
- 9) набросок, проект;
- 10) очерк;
- 11) явление, видение;
- 12) форма, чекан;
- 13) разновидность, вид;
- 14) *грам.* форма слова;
- 15) обрамление, рама;
- 16) *pl.* водопроводные трубы;
- 17) императорский указ (Дворецкий, 1986, с. 333).

Более узкие значения латинского слова объединены более общим ‘об-раз, о-черк, обрамление’. Таким образом, и в философии, и в повседневном языке лат. *fōrma* / слав. *форма* обозначает либо некий материальный объем, задающий границы субстанции, либо познава-

тельную модель (*idealized cognitive model* – термин англоязычной когнитивной лингвистики) для мыслимой субъектом сущности.

Производное существительное *form-ul-a* (с внутренней формой «маленькая форма», так как *-ul-* – латинский уменьшительный суффикс) также имеет первым значением ‘отличная форма’, а уже четвертым – хорошо известные нам математическое и юридическое ‘формула, форма, правило, предписание, норма, положение’ (Дворецкий, 1986, с. 333–334).

В русском литературном языке XVIII в. слова *образование*, *воображение* получают распространение как имена действия, обозначающие процесс создания мысленных образов, а потом и свойство психики. Наряду с этими именами употребляется заимствованное из латинского *имагинация*, иногда заменяемое русским *умоначертание* [Веселитский, 1972, с. 140].

«Словарь русского языка XVIII века» ставит первым значением слова *воображение* ‘придание определенного образа, вида, формы; создание, образование чего-либо’, наиболее близкое к значению мотивирующего слова *образ*, и далее – ‘2. действие по глаголу *вообразить*, *изображение*’, а уже затем основные для современного русского языка ‘3. *филос.* способность сознания воспроизводить мысленно воспринятое чувствами, хранящееся в памяти’ и ‘4. *филос.* создание новых представлений в уме на основе переработки имеющихся; фантазия’ (Словарь..., 1988, с. 60).

Тонкий наблюдатель В.В. Виноградов обратил внимание на то, что математики В.Н. Никитин (1737–1809) и П.И. Суворов (1750–1815) в книге «Евклидовы стихии» (СПб., 1789), предлагая заменить греко-латинскую геометрическую терминологию славяно-русской, посчитали слово *образ* подходящим для замены латинского термина *фигура* [Виноградов, 1999, с. 654]. Рассматривая историю лексики русского литературного языка в XVII–XIX вв., ученый объясняет значение слова *вообразить* / *воображать* (*воображение*), анализируя его морфемный состав: *во-образ-и-ть*. Следовательно, первоначальным значением слова было ‘дать образ чему-нибудь, нарисовать, изобразить, воплотить в образе чего-нибудь, осуществить’ [Виноградов, 1999, с. 752].

Значение глагола *воображать* в современном русском языке содержит такие смысловые компоненты:

‘включать образ в систему мыслительных представлений’;

‘мысленно **вос**производить невидимый объект (прообраз)’;

‘мысленно **вос**ходить к целой картине возможной действительности; видеть себя в некотором идеальном образе’.

У заимствованного из латыни в русский литературный язык слова *форма* расширительно-переносные значения развиваются постепенно как контекстуальные значения, часто по аналогии с переносными значениями латинского слова – ‘правило, образец’, ‘модель, фигура’, ‘чекан для монет’, ‘способ правления’, ‘вид, тип предмета’ (*формы природы, формы пространства, формы поэзии, формы деятельности, формы новой жизни*). «Как парная параллель к слову *форма* в XVIII в. в сходных, особенно отвлеченных контекстах выступает *образ*» [Веселитский, 1972, с. 206].

Если образы сохраняют в себе **отраженно** некоторые свойства объектов действительности, то логично предположить, что сопоставление образов между собой может в определенной мере заменить сопоставление их праобразов, то есть может заменить сопоставление тех частей отражаемых объектов, характеристикам которых эти образы уподобляются.

Так, Г.П. Мельников подчеркивает первичную роль праобраза в процессе отражения, который приводит к возникновению следа в отражающем объекте.

Сам же процесс отражения, результатом которого будет образ, Г.П. Мельников называет *отображением*. В свете такого рассуждения *отображение* понимается как вид отражения – такой, результатом которого станет образ. В формировании терминологической системы, в соотношении содержания единиц которой раскрывается теория Г.П. Мельникова, в полной мере проявляется тенденция к сужению или уточнению содержания терминологического слова при увеличении состава морфем: *от-об-ражение* – *от-ражение*. Опора на словообразовательные связи слов – как в плане их внешней, так и внутренней формы (то есть мотивирующего значения, служа-

щего намеком на новый смысл) – является характерным способом выстраивания научной терминологии в системологии Г.П. Мельникова: наряду с терминами *образ*, *праобраз*, он вводит *прообраз* – «анцитипативный компонент образа» [Мельников, 1978, с. 107] и *сообраз* – «абстрактная психическая единица, которая содержится в психике многих индивидов с высокой степенью взаимного подобия» [Мельников, 1977, с. 70].

Слово *отражение*, сохраняя исторически старшее значение (*отражение атаки, нападения*) в современном русском литературном языке, обладает устойчивой целостной системой тесно связанных значений, взаимные переходы между которыми малозаметны для обыденного сознания. В «Большом универсальном словаре русского языка» словарная статья *отражение* включает 6 основных значений:

- 1) отражение нападения, удара, атаки;
- 2) отбрасывание света, звука от какой-либо преграды в обратную или другую сторону;
- 3) *изображение*, воспроизведение на гладкой, блестящей поверхности кого-(чего)-либо;
- 4) проявление внутреннего состояния в *выражении* глаз, лица, в положении тела и т. п.;
- 5) воспроизведение в чем-либо чего-либо реально существующего;

б) центральное понятие философии диалектического материализма, согласно которому *образы* психики и сознания являются воспроизведением объективной реальности (Морковкин, Богачева, Луцкая) (здесь курсивом нами выделены слова, родственные слову *отражение*. – О. В., М. Р.).

В «Новейшем философском словаре» понятие отражения раскрывается только как категория познания: «ОТРАЖЕНИЕ – категория гносеологии, выступающая в качестве фундаментальной для материалистической традиции когнитивного оптимизма. О. характеризует способность материальных объектов в процессе взаимодействия с другими объектами воспроизводить в своих изменениях некоторые особенности и черты воздействующих на них явлений. Тип, содержание и форма О. определяются уровнем и особенностями системно-структурной организации отражающих объектов, а также способом их взаимодействия с отражаемыми явлениями» [Петушкова, 1998,

с. 501]. Г.П. Мельников, характеризуя отражение как «процесс изменения любых состояний одного объекта как следствие воздействия на него другого объекта» [Мельников, 1978, с. 95], подчеркивает его (отражения) онтологический, то есть независимый от сознания и воли человека, характер в материальной и нематериальной действительности.

Образ как основная единица мышления в системологической теории отражения

Психические единицы, которые обеспечивают мышление, обладают многими характеристиками, аналогичными и подобными характеристикам объектов внешнего мира, несмотря на различие субстрата психических единиц и отражаемых объектов. Другими словами, эти психические единицы имеют образную природу.

В мышлении *образ минимального знака*, имеющий значение, является *морфемой*, или *внешней формой* этого значения. Этот образ будет *обратимым*, поскольку знак, который он отражает, может и опознаваться человеком (субъектом), и воспроизводиться. И будет социальным, то есть принятым в определенной группе субъектов.

Необязательность тождества субстанции отражаемого и отражающего объектов, проявляющаяся при отражении действительности психикой человека, оказалась принципиальной и для кибернетики, проблемами которой занимался Г.П. Мельников, потому что подтверждала возможность имитации самых разных процессов, в том числе биологических, на неорганических субстратах технических устройств.

Необходимо отметить, что Г.П. Мельников различает результаты спусковых деформаций (первичных, в виде следа, вне рассмотрения его структуры) и антиципативных (предвосхитительных, опережающих) вторичных деформаций:

Косвенный след спускового воздействия он называет *последствием*, а *образом* – суммарный результат прямой и антиципативной деформации.

Предвосхитительную (антиципативную) часть образа Г.П. Мельников, как мы уже отмечали, называет *прообразом*.

Это дополнительное подобие косвенного следа, обеспечиваемое вторичной деформацией, по сути, предвосхищает возможный прямой след отражающего объекта, если бы зона активной части отражаемого объекта была бы большей. Именно поэтому такой вид вторичной деформации Г.П. Мельников называет антиципацией – опережением, предвосхищением того, что произойдет при определенных условиях только в будущем [Мельников, 1978, с. 100].

Г.П. Мельников осмысливает понятие системы как телесный аналог диалектического понятия «сути дела». Такая конкретизация категорий материалистической диалектики позволила прийти к пониманию косвенного следа как способности всех телесных объектов к тому или иному уровню антиципации.

Возможность антиципативного отражения на физико-химическом уровне в объектах реальной действительности расценивается Г.П. Мельниковым как свойство материи, родственное ощущению, или по крайней мере как обязательное условие возникновения способности к ощущению и другим более высоким формам отражения. Так, ощущение понимается как одна из форм отражения.

Инженеры, решая языковые проблемы кибернетики, ищут, как технически передать мыслительное содержание с помощью условных знаков.

Эти поиски были бы невозможными, если бы не было доказано, что такие невысокие уровни отражения, которые использует кибернетика, как особая реакция на различные физические характеристики объекта, обучение распознаванию этих объектов и др., опираются в технических устройствах на исходные свойства материи, живой и неживой, – ее способность к **ощущению**.

Вторичная деформация усиливает то подобие отражающего объекта отражаемому, которое выражалось в подобии характеристик прямого следа характеристикам активной части отражаемого объекта.

Антиципация схожа с косвенной деформацией при спусковых воздействиях в том, что:

1) антиципация протекает на основе энергии, запасенной отражающим объектом до его взаимодействия с отражаемым;

2) при антиципации уменьшается подобие отражающего объекта своему исходному состоянию.

Однако при антиципации степень подобия отражаемого и отражающего объекта возрастает благодаря возникновению косвенного следа, а при спусковом воздействии ограничивается первичным следом.

Эффективность антиципации можно оценивать по доле прироста подобия отражающего объекта отражаемому после антиципации *в сравнении* с подобием, возникающим только в результате прямого следа.

Эффективность универсальной, то есть не имеющей ограничений, антиципации зависит только от степени близости «внутреннего опыта» компонентов отражающего и отражаемого объектов [Мельников, 1978, с. 103], то есть от степени близости валентных особенностей этих компонентов и глубины ярусов, на которой эти компоненты остаются носителями близких сущностей.

Заметим, что предвосхитительные возможности художественных образов осознаются в философии искусства в несопоставимо большей мере, чем предвосхитительные возможности языковых явлений в языкознании.

Теория Г.П. Мельникова, вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ, различающая **смыслы** и **значения** как образы разных уровней, занимает ключевое в науке место в понимании сущности языка и мышления (см. об этом: [Бубнова, 2024; Дрёмов, 2020; Загуменнов, 2024; Крашевская, 2024; Липатова, 2016; Danylenko, 2018]).

Если **смыслы** – это **абсолютные** обобщенные образы, подобные у всех людей, независимо от их языка и культуры, поскольку они отражают существенные свойства действительности, то **значения** – это **относительные** обобщенные образы, удобные для **намекания** на смыслы именно в определенных условиях. Поэтому одни и те же абсолютные образы как единицы смысла у различных народов, живущих и общающихся в разных условиях, выражаются в языке – через значения и знаки – по-разному [Мельников, 1980, с. 70].

С.Ю. Преображенский раскрывает особенность понимания Г.П. Мельниковым связи между знаком и значением, которая материализуется в намеке, основанном на мотивировке:

«в основе любого отражения, формирующего реакции субъекта на “среду”, лежит деформация (простейший вид материального контакта). Схема наглядно показывала, как деформация превращается в зрительное восприятие. Далее формируется образ» [Преображенский, 2016, с. 307].

Говорящий, желая сообщить определенный смысл, подбирает, по большему сходству, такое значение, которое с достаточной очевидностью для воспринимающего намекало бы в данной ситуации на этот смысл. Вообразив значение, говорящий уже тем самым устанавливает, каким знаком это значение можно передать.

И наоборот. По знаку мы узнаем значение. По значению – догадываемся о смысле. Восприняв знак, слушающий сразу узнает значение. Но поняв – независимо от ситуации – значение, он уже должен учесть ситуацию и догадаться, на какой из многих возможных смыслов намекает это значение в этом коммуникативном акте. В психике воспринимающего будет возбужден тот смысл, который – именно в данной ситуации – вступает в ассоциацию по большему сходству со значением.

Если между значением и определенным смыслом устанавливается ассоциация – с учетом контекста – по большему сходству, то между значением и знаком возникает условная связь как результат ассоциации по смежности, когда возбуждение одного образа приведет к возбуждению другого образа независимо от того, сходны эти образы или различны [Мельников, 1980, с. 37].

Чтобы знаки были средством намека на смыслы с помощью своих значений, необходимо, чтобы у субъектов, которые общаются с помощью этих знаков, и обобщенные образы знаков, и обобщенные образы значений были в высокой степени подобными. Чтобы они стали подобными, нужно, чтобы субъекты достаточно долго использовали эти знаки при взаимном общении. Только при этом условии любые расхождения в образах знаков и образах значений будут обнаружены и подсознательно исправлены, взаимоуподоблены, а значит, знаки вместе с их значениями станут социальными [Мельников, 1980, с. 53].

Основу специализации отображений составляет возможность возникновения таких деформаций, которые оказываются на грани

упругих и неупругих (спусковых и неспусковых). В результате в этих деформациях будут сочетаться свойства *однократности и многократности отображения, независимость внутренних деформаций отражающего объекта и их обусловленность характеристиками отражаемого объекта.*

Промежуточные виды деформации возможны в адаптивных системах, к которым относится и язык.

Если отражаемый объект оказал воздействие на отражающий объект, но время воздействия было таким, что глубинная адаптация отражающего объекта началась, но не была доведена до уровня, достаточного для того, чтобы – после окончания воздействия – прямой след на верхних уровнях полностью сохранился, то в этом случае можно говорить об упругой деформации.

Если глубинная адаптация частично сохраняется после исчезновения прямого следа, а активный объект снова воздействует на отражающий объект, то отражающий объект – благодаря остаточной глубинной адаптивности – будет в большей степени, чем при первом воздействии, предрасположенным к антиципации, потому что при последующих воздействиях для возникновения антиципации потребуется либо меньшая интенсивность воздействия, либо меньшая величина проработки следа при той же величине или глубине образа [Мельников, 1980, с. 109]. Эта повышенная способность к отображению для одного и того же проработки образа или для достаточно подобных проработок будет с каждым разом, до некоторого предела, усиливаться. Такой факт Г.П. Мельников понимает как формирование *интенционального следа*, а не только уже существующего, экстенционального в ходе взаимодействия с проработкой. Вариативные возможности языковой системы в определенной степени не только отражают, но и предвосхищают восприятие действительности.

Если после определенного прямого воздействия эти интенции приведут к антиципации и возникновению образа, то на их возникновение будет затрачена некоторая внутренняя энергия и субстанция отражающего объекта. Такая *антиципация будет однократной или многократной* в зависимости от того, превратится ли этот образ в остаточную дефор-

мацию или – благодаря притоку энергии – отражающий объект сможет восстановить свое исходное состояние.

Отражающий объект подобен отражаемому объекту и самому себе:

– подобен отражаемому объекту, потому что прямой след (даже если это механическая вмятина) имеет некоторые свойства активной части отражаемого объекта;

– подобен самому себе, потому что первичный след может стать активным *внутренним фактором вторичной деформации* отражающего объекта.

Так, Г.П. Мельников различает внешний фактор (след) и внутренний (вторичную и дальнейшие деформации).

Вторичная деформация тоже может оказаться активным внутренним фактором и т. д.

Первичная деформация тогда рассматривается как спусковое воздействие для цепи (в том числе лавинообразной) изменений.

Когда возможны многоступенчатые и лавинообразные вторичные деформации отражающего объекта?

При наличии *резервов внутренней энергии*.

Резервы внутренней энергии Г.П. Мельников понимает как *аккумуляцию* (накопление) *субстанции связей*. Напомним, *связь в теории Г.П. Мельникова – ограниченное* (имеющее границы) *нарушение границ между частями объекта* (его элементами).

А поскольку все связи и взаимодействия Г.П. Мельников истолковывает как *потoki* субстанции связей, то *накопление субстанции связей* предстает в виде циркулирования внутренних замкнутых потоков, а *освобождение внутренней энергии* – как размыкание внутренних потоков, их вмешательство в другие потоки связи и изменение структуры других потоков.

Связь между образами – ассоциация. Образная природа всех уровней отражения, включая самые абстрактные, обеспечивает возможность психических единиц вступать в *ассоциации по сходству*. Этим достигается универсальность языка [Мельников, 1980, с. 656].

Выводы

Результаты анализа семантической структуры многозначных слов *образ, форма и тип* в русском и их эквивалентов в древнегреческом

и латинском языках доказывают, что переносные (точнее сказать, производные) значения этих слов представляют собой не набор случайных лексико-семантических вариантов, а объективно аргументированную семантическую систему, отражающую сущностные отношения в самом устройстве мира. Такая система может самостоятельно развиваться по единому принципу в нескольких языках.

Сопоставление семантики ряда соотносимых лексических единиц естественных языков (*образ, форма, тип*) с понятийным содержанием терминов системной лингвистики позволило установить, во-первых, мотивированность производных значений в полисемичных лексемах и словообразовательных связей в соответствующих гнездах, во-вторых, системность подхода Г.П. Мельникова к выстраиванию научной терминологии: основоположник современной системной лингвистики учитывал этимологию и внутреннюю форму слова при включении его в систему терминов. В такой системе научных понятий их знак – термин – перестает быть условным знаком и становится внешним образом своего содержания, а семантический потенциал языковых словообразовательных связей эффективно используется для экспликации понятийных полей науки в ее терминологической системе.

Семантическая связь образа и отражения, ее сущность как деформации воспринимающей системы под некоторым внешним воздействием воплощается как в семантической структуре многозначного слова, так и в научной теории – системологической трактовке образа в трудах Г.П. Мельникова. Такой параллелизм подтверждает справедливость мысли ученого о том, что открытая внутренняя форма может быть не недостатком, а достоинством научного термина, поскольку поддерживает или деятельно формирует намек на содержание сообщения и способствует достоверному восприятию этого намека собеседником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый А., 1996. Мастерство Гоголя : Исследование. М. : МАЛП. 351 с.
- Бубнова Н. А., 2024. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория

- языка. Семиотика. Семантика. Т. 15, № 1. С. 38–50. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>
- Валентинова О. И., Загуменнов А. В., 2023. Словарная статья как текст: опыт филологической герменевтики // Филологический класс. Т. 28, № 4. С. 310–322. DOI: <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322>
- Веселитский В. В., 1972. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М. : Наука. 320 с.
- Виноградов В. В., 1999. История слов. М. : Ин-т рус. яз. РАН. 1138 с.
- Дрёмов А. Ф., 2020. Структура и этапы простейшего коммуникативного акта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 04/2. С. 144–148. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.04-2.16>
- Загуменнов А. В., 2024. Контекстное окружение с корнями *благодест-* в сочинениях протопопа Аввакума: поиски прецедентного и новаторского // Вестник Кузбасской православной духовной семинарии. № 4 (19). С. 114–122. DOI: https://doi.org/10.56859/29490847_2024_4_114
- Карасик В. И., Лешутина И. А., 2024. Словарь культурной грамотности носителей русского языка как лингвокультурный проект // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 5 (1). С. 72–78. DOI: 10.20339/PhS.5.1-24.072
- Крашевская Н. В., 2024. Системная лингвистика – лингвистической дидактике // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 5 (1). С. 24–33. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.024>
- Лапшин И. И., 1923. Эстетика Достоевского. Берлин : Обелиск. 101 с.
- Липатова Т. В., 2016. Смыслообразование и функциональная мотивированность семантики единиц языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 1. С. 25–31.
- Мельников Г. П., 1980. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979–1980). М. : УДН. 239 с.
- Мельников Г. П., 1991. Основы терминоведения. М. : УДН. 116 с.
- Мельников Г. П., 1973. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М. : Наука. С. 183–204.
- Мельников Г. П., 1978. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Сов. радио. 368 с.
- Мельников Г. П., 1977. Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики // Словообразовательные семантико-синтаксические процессы в языке : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГУ. С. 64–92.
- Петушкова Е. В., 1998. Отражение // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В.М. Скакун. С. 501.
- Преображенский С. Ю., 2016. Системный анализ стиха // Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : ЯСК. С. 303–376.
- Danylenko A., 2018. Complexity, Development and Simplification in Systemic Typology: Types of Changes in the Internal Determination // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracaviensis. № 135. P. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.4467/20834624SL.18.010.8469>

СЛОВАРИ

- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : Около 70 000 слов (в обоих томах) : в 2 т. М. : ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с. ; Т. 2. 1044–1904 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : Около 50 000 слов. М. : Рус. яз., 1986. 840 с.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=отражение&mode=slovari>
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. 674 с.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука, 1988. 257 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2. Л–П. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1902. 1802 стб.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1993. 693 с.

REFERENCES

- Belyy A., 1996. *Masterstvo Gogolya: Issledovanie*. [Gogol's Mastery: A Study]. Moscow, MALP. 351 p.
- Bubnova N.A., 2024. *Mehanizmy ponimaniya: teoriya mnemy N.A. Rubakina* [Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 15, no. 1, pp. 38–50. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

- Valentinova O.I., Zagumenov A.V., 2023. Slovarnaya statya kak tekst: opyt filologicheskoy germeneytiki [Dictionary Entry as a Text: An Experience of Philological Hermeneutics]. *Filologicheskij klass* [Philological Class], vol. 28, no. 4, pp. 310-322. DOI: <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322>
- Veselitskiy V.V., 1972. *Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v.* [Abstract Vocabulary in the Russian Standard Language of the 18th – Beginning 19th Century]. Moscow, Nauka Publ. 320 p.
- Vinogradov V.V., 1999. *Istoriya slov* [The History of Words]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN. 1138 p.
- Dryomov A.F., 2020. Struktura i etapy prostejshego kommunikativnogo akta [The Structure and Stages of an Elementary Act of Communication]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], no. 04/2, pp. 144-148. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.04-2.16>
- Zagumenov A.V., 2024. Kontekstnoye okruzeniye slov s kornyami blagochest- v sochineniyah protopopa Avvakuma: poiski pretsedentnogo i novatorskogo [The Contextual Environment of the Words with the Root of Blagochestin the Writings of the Archpriest Avvakum: The Search for Precedent and Innovation]. *Vestnik Kuzbasskoy pravoslavnoy duhovnoy seminarii* [Bulletin of Kuzbass Orthodox Theological Seminary], vol. 19, no. 4, pp. 114-122. DOI: https://doi.org/10.56859/29490847_2024_4_114
- Karasik V.I., Leshutina I.A., 2024. Slovar kulturnoy gramotnosti nositeley russkogo yazyka kak lingvokulturnyy proekt [Dictionary of Cultural Literacy of Russian Speakers as a Linguocultural Project]. *Filologicheskije nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 5 (1), pp. 72-78. DOI: [10.20339/PhS.5.1-24.072](https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.072)
- Krashevskaya N.V., 2024. Sistemnaya lingvistika – lingvisticheskoy didaktike [From System Linguistics to Linguistic Didactics]. *Filologicheskije nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 5 (1), pp. 24-33. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.024>
- Lapshin I.I., 1923. *Eстетика Достоевского* [The Aesthetics of Dostoevsky]. Berlin, Obelisk Publ. 101 p.
- Lipatova T.V., 2016. Smysloobrazovaniye i funktsionalnaya motivirovannost semantiki yedinita yazyka [The Formation of Meaning and Functional Motivation of Language Units' Semantics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], no. 1, pp. 25-31.
- Melnikov G.P., 1980. *Konspekt lektsiy po kursu «Vvedeniye v yazykoznaniiye» (1979–1980)* [Lecture Notes for the Course “Introduction to Linguistics” (1979–1980)]. Moscow, UDN. 239 p.
- Melnikov G.P., 1991. *Osnovy terminovedeniya* [Fundamentals of Terminology]. Moscow, UDN Publ. 116 p.
- Melnikov G.P., 1973. Sistemnyy podhod v lingvistike [Systemic Approach in Linguistics]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik 1972* [Systemic Research. Yearbook 1972]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-204.
- Melnikov G.P., 1978. *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics]. Moscow, Sov. radio Publ. 368 p.
- Melnikov G.P., 1977. Skrytaya smyslovaya derivatsiya s pozitsiy sistemnoy lingvistiki [Hidden Semantic Derivation from the Standpoint of Systemic Linguistics]. *Slovoobrazovatelnye semantiko-sintaksicheskiye processy v yazyke: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Word Formation: Semantic-Syntactic Processes in Language. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, PGU, pp. 64-92.
- Petushkova E.V., 1998. Otrazhenie [Reflection]. Gricanov A.A., ed. *Noveyshiyy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Izd. V.M. Skakun Publ., p. 501.
- Preobrazhenskiy S.Yu., 2016. Sistemnyy analiz stiha [The Systemic Analysis of Verse]. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskiy S.Yu., Rybakov M.A. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli* [The Systemic View as a Basis for Philological Thought]. Moscow, YaSK Publ., pp. 303-376.
- Danylenko A. 2018. Complexity, Development and Simplification in Systemic Typology: Types of Changes in the Internal Determination. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracaviensis*, no. 135, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.4467/20834624SL.18.010.8469>

DICTIONARIES

- Dvoretzkiy I.H. *Drevnegrechesko-russkiy slovar: Okolo 70 000 slov (v oboih tomah): v 2 t.* [Ancient Greek – Russian Dictionary: About 70,000 Words (In Both Volumes). In 2 Vols.]. Moscow, GIS Publ., 1958, vol. 1. 1043 p.; vol. 2. 1044-1904 p.

Dvoretzkiy I.H. *Latinsko-russkiy slovar: okolo 50 000 slov* [Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1986. 840 p.

Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutsкая N.M. *Bolshoy universalnyy slovar russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=otrazhenie&mode=slovari>

Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. T. 1. A–O* [Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. A–O]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1910–1914. 674 p.

Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Вып. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. Iss. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 257 p.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 3 t. T. 2. L–P* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments. In 3 Vols. Vol. 2. L–P]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1902. 1802 col.

Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1993. 693 p.

Information About the Authors

Olga I. Valentinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University, Moscow, Russia, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Mikhail A. Rybakov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University, Moscow, Russia, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Валентинова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Михаил Анатольевич Рыбаков, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

